

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЭПИГРАФИКА

В О С Т О К А

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

*В. В. СТРУВЕ***П. К. КОКОВЦОВ КАК АССИРИОЛОГ**

Моя небольшая статья посвящена одной из сторон многогранного научного творчества столь дорогого нам и незабвенного Павла Константиновича Коковцова (1861—1942), а именно его значению как ассириолога. Она основана не только на опубликованных исследованиях моего учителя, но в некоторой своей части и на личных моих воспоминаниях. Это обусловлено тем обстоятельством, что П. К., сделавший столь много для процветания ассириологии в нашем отечестве, сравнительно мало написал трудов в данной области. Громадные заслуги П. К. перед русской и советской ассириологией были связаны в основном с его долголетней плодотворной преподавательской деятельностью в нашем Ленинградском Государственном университете. Ему принадлежит неоспоримая заслуга создания своими лекциями и семинарскими занятиями школы русской, а затем и советской ассириологии. Его современник, ассириолог Михаил Васильевич Никольский, как известно, вследствие противодействия со стороны царского правительства не мог вести в Московском университете из года в год регулярные занятия по ассириологии, а потому не мог иметь учеников, которые продолжали бы его дело.

П. К. начал занятия в области ассириологии в Петербургском — Ленинградском университете в 1908 г. и продолжал их до середины 30-х годов. Из его школы вышли высокоталантливый Владимир Казимирович Шилейко и продолжатель дела П. К. в Университете прекрасный преподаватель Александр Павлович Рифтин, учениками которого являются ассириологи И. М. Дьяконов и Л. А. Липин.

Острый интерес к ассириологии П. К. Коковцов стал проявлять уже во второй половине 90-х годов прошлого века. Его небольшой кабинет, навсегда памятный его ученикам, начал тогда заполняться пособиями по изучению ассириологии. Я помню, как он часто во время занятий или же в часы беседы вспоминал известное начало анналов ассирийского царя-грамотея Ассурбанипала. Он на ассирийском языке цитировал слова знаменитого царя о том, что „он усвоил мудрость бога Набу, всю совокупность искусства писцов, сколько их ни существует“. Поэтому он каждый день, говоря словами Ассурбанипала, „в радости и ликования“ входил в свой скромный кабинет.

Свой подлинный интерес к ассириологии и зрелую эрудицию в этой области знания П. К. проявил впервые в печати в отчете Русскому Археологическому обществу — „Занятия семитической секции XII-го конгресса ориенталистов в Риме (с 4 по 15 октября нового стиля 1899 г.)“¹. Здесь П. К. тщательно и, я бы сказал, любовно отмечал все доклады, которые имели отношение к ассириологии, как то: доклады П. Хаупта из Балтимора, Фр. Хоммеля из Мюнхена и др.

Мне кажется, что следует отметить характеристику проф. Хаупта из Балтимора, которую давал в личной беседе со мной П. К., когда он в 30-х годах вспоминал далекие дни осени 1899 г. в Риме. П. К. отмечал невыносимое высокомерие этого германо-американского ученого и подчеркивал, что тот, пребывая в Америке и став американцем, потерял без остатка чувство демократичности, которое должно отличать подлинного ученого. В этих словах П. К. чувствовалось в полной мере то критическое отношение к американскому высшему обществу, которое было свойственно лучшим представителям русского общества.

В некрологе о выдающемся французском ориенталисте И. Галеве П. К. привел¹ один из примеров категорического суждения этого чрезвычайно самоуверенного американского профессора, — суждения, не оправдавшегося в свете последующих достижений сумерологии. Хаупт в своем исследовании, посвященном сумерийским семейным законам, безоговорочно заявляет, что „нельзя установить ни одного бесспорного примера для сумерийского заимствования из ассирийской лексики“. Мы увидим ниже, что данное суждение Хаупта было в дальнейшем опровергнуто.

В самые первые годы XX в. П. К. продолжал свои упорные исследования в области ассириологии, которая привлекала его первоначально как вспомогательная дисциплина для семитологии, но затем захватывала все более и более его научные устремления и стала в конце концов для него самоцелью.

Его занятия ассириологией в 1902 г. были прерваны почти на целый год, к его великому огорчению, как он мне об этом неоднократно говорил. Дело в том, что в 1902 г. было опубликовано большой труд Б. А. Тураева „Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии“. Как известно, это ценное исследование Б. А. Тураева являлось его докторской диссертацией, и П. К. был назначен официальным оппонентом на предстоящем диспуте. В связи с изучением указанных эфиопских литературных памятников П. К. написал большое исследование, которое явилось весьма существенным вкладом в сокровищницу русской науки об эфиопском языке, но, конечно, надолго оторвало его от любимых занятий клинописными текстами. Углубляясь снова в 1903 г. в свои ассириологические штудии, он очень рано стал увлекаться теорией крупнейшего французского семитолога

¹ П. К. Кожовцов. И. Галев, 1827—1897. Некролог, Изв. Акад. Наук СССР, 1926, стр. 1442, прим. 1.

Иосифа Галеви. Семитологическим исследованиям последнего П. К. давал всегда весьма высокую оценку. Поэтому он с большим интересом и увлечением стал изучать многочисленные работы Галеви, в которых тот с блестящим остроумием и беспредельной эрудицией выступал против положения о сумерийском происхождении ассиро-вавилонской клинописи. Самым ненавистным противником Галеви в этом вопросе был знаменитый французский ассириолог Юлий Опперт. Вражда этих двух крупных ученых нашла свое отражение даже на страницах одного из произведений Анатоля Франса.

Уже в 1905 г. П. К. стал определенно примыкать к теории И. Галеви и поэтому, являясь сторонником последнего в вопросе о сумерийском языке, он не был в состоянии отметить в должной мере в составленном им некрологе о Юлии Опперте, скончавшемся в 1905 г., громадную заслугу этого ученого в постановке сумерийского вопроса.

В некрологе, в котором П. К. отдал должное большим достижениям Юлия Опперта и признал за ним право именоваться „отцом ассириологии“, он отметил без какого-либо оценочного суждения, что во II томе монументального труда Опперта, посвященного результатам французской экспедиции 1853—1854 гг. в Месопотамию, в главе, названной „Туранское происхождение клинописного письма“, излагается известная гипотеза о несемитическом происхождении клинообразного письма.¹ Названную гипотезу Опперт высказал впервые еще в своем официальном отчете министру от 15 мая 1856 г. и тем самым положил начало теории сумеризма, т. е. сумерийского происхождения древневавилонской культуры.

Историзм, который пронизывал все исследования П. К., и заставил его в те годы примкнуть к теории Галеви, ибо лишь с помощью ее, так казалось ему, можно было соответственным образом создать историю языка и культуры ассирийского и вавилонского народов. Вследствие этого П. К. после 1905 г. настолько укрепил свои установки в пользу концепции Галеви, что положил ее в своем университетском курсе в основу изложения сумерийского вопроса. Уже в 1901 г. между учителем и учеником — П. К. Кокцовым и В. К. Шилейко — начались расхождения и споры в вопросах, связанных с сумерийской проблемой. Дело в том, что В. К. Шилейко становился в результате переписки с М. В. Никольским убежденным сторонником реальности как сумерийского народа, так и его культуры. П. К., наоборот, становился еще более определенно на позиции И. Галеви, который выступал к концу своей жизни все более и более ожесточенным противником сумерийского, несемитического происхождения ассиро-вавилонского письма и культуры. По мнению Галеви, так называемое „сумерийское письмо“ является не чем иным, как аллографическим письмом, которое не фонетически, а путем идеограмм отражало семитическую ассиро-вавилонскую речь.

¹ П. К. Кокцов. Юлий Опперт. 1825—1905 гг., стр. 2—3. Отд. оттиск из „Изв. Акад. Наук“, 1905.

Свою концепцию Галеви привел в окончательную стройную систему незадолго до своей смерти в труде „Очерк ассиро-вавилонской аллографии“.¹ Это исследование И. Галеви, как и все его прочие работы, посвященные шумерийскому вопросу, безоговорочно убеждало тогда, в момент выхода в свет названного сочинения (1910—1911 гг.), П. К. Коковцова в правильности решения о несуществовании в природе шумерийского языка и культуры.

Прекрасно характеризовал П. К. в 1926 г. Иосифа Галеви „как ученого, соединявшего в себе наряду с широкой и разносторонней, в такой степени уже более не замечающейся в наше время эрудицией, необычайную творческую силу в искании новых путей и постоянную живую готовность принимать самое деятельное участие в разработке важнейших и труднейших научных проблем“.

П. К. Коковцов ознакомился и полностью оценил блестящую, покоящуюся на громадной учености аргументацию знаменитого французского семитолога. Это и привело к тому, что в первой половине 10-х годов XX в. П. К. стоял еще в общем на позициях концепции Галеви, что и вызывало ожесточенные споры и с В. К. Шилейко и с основоположником русской шумерологии В. М. Никольским. Эти споры возымели свое действие, в особенности же грандиозный труд М. В. Никольского, а именно — издание пятисот шумерийских документов хозяйственной отчетности эпохи Аккада и эпохи III династии Ура, снабженных прекрасным переводом. Поколебало доверие П. К. к аргументации Галеви также и самостоятельное исследование П. К. подлинных шумерийских царских надписей III тысячелетия до н. э.

Эти шумерийские тексты III тысячелетия до н. э. лишали почвы основной аргумент Галеви, а именно указание на отсутствие подлинных шумерийских надписей, которые не являлись переводами семитических текстов на шумерийский язык. П. К. Коковцов, будучи пытливым исследователем и истинным ученым, был врагом антиисторического подхода к изучению любого языка и культуры и должен был поэтому полностью оценить всю мощь аргумента, вырастающего на основе открытия подлинных шумерийских текстов. П. К. стал в свое время сторонником Галеви лишь потому, что полагал в установках французского ученого найти с точки зрения историзма надежную базу для дальнейшей работы над культурой древних народов Ближнего Востока. Новые источники, неведомые, а может быть, и не оцененные по достоинству Иосифом Галеви, — шумерийские надписи III тысячелетия до н. э. — доказывали П. К., что теперь обвинение в антиисторическом подходе ложится тяжелым бременем на плечи того, кто готов и в свете новых открытий настаивать на исключительно аллографическом характере шумерийского письма. Поэтому он в начале 20-х годов отходит от тех установок Галеви, которые последний, говоря словами П. К., „с необычайной настойчивостью и горячностью взялся полностью и до конца

¹ Précis d'allographie assyro-babylonienne. Revue Sémitique, tt. XVIII—XIX, 1910—1911.

защищать с недостаточным материалом и потому часто с большими натяжками¹.

Таким образом, П. К. Коковцов и приходит в заключительной части своего некролога о Галеви, выросшего в большое оригинальное исследование, к четкому выводу, что „в вопросе о реальном существовании сумерийского языка и сумерийского народа Галеви не удалось отстоять своего мнения и убедить противников в том, что язык так называемых сумерийских текстов представляет в действительности только иной, аллографический способ передачи семитического ассиро-вавилонского языка“².

Стало быть, в 1926 г., в своем столь запоздалом некрологе об Иосифе Галеви, П. К. не нашел уже доводы французского семитолога достаточно убедительными, хотя он и объяснял запоздание некролога (Галеви умер, как известно, в 1917 г.) своим желанием „уделить в нем место ближайшему рассмотрению аргументации Галеви по обеим сложным проблемам, особенно интересовавшим покойного ученого, а именно по вопросу о происхождении древнеиндийских шрифтов и по так называемому «сумерийскому вопросу»“³.

Если аргументация Галеви по первому из указанных вопросов продолжала убеждать П. К. и в 1926 г., то аргументация французского семитолога по сумерийскому вопросу в 1926 г. уже не убеждала П. К., как мы это видели выше. Правда, отказываясь от основного положения Галеви, П. К. вместе с тем продолжал настаивать на том, что „в гораздо более важном вопросе о происхождении вавилонской культуры, и в частности о степени участия вавилонских семитов в создании этой культуры, он [т. е. Галеви], без сомнения, одержал полную победу“⁴. Доказательство этой победы П. К. видел в том факте, что „беспорные семитизмы, как теперь уже всеми ассириологами признано, оказываются в древнейших до сих пор найденных сумерийских текстах, свидетельствуя этим о присутствии семитов в Вавилонии уже в самые отдаленные времена вавилонской истории, от которой вообще сохранились письменные источники“⁵. Действительно, такие слова, как *дам-хара* 'сражение', или *тамкар* 'купец', или *накид* 'овчар', являются по признанию почти всех специалистов несомненными семитизмами в сумерийском языке. Подобными указаниями П. К. несомненно блестяще опровергнул вышеприведенное категорическое утверждение чрезмерно самоуверенного американского профессора П. Хаупта.

Из факта сумерийских заимствований из семитического языка П. К. был готов тогда, в 1926 г., сделать вывод о закономерности положения известного немецкого историка Эд. Мейера об исконности семитического населения в южном Междуречье и сравнительно позднем появлении здесь суме-

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галеви, 1926, стр. 1440.

² Там же, стр. 1442.

³ Там же, стр. 1417, прим. 1.

⁴ Там же, стр. 1442.

⁵ Там же, стр. 1443.

рийцев.¹ Поэтому П. К. в некрологе о Галеви заявил, что „современная наука, в лице крупнейших историков нашего времени, не только не видит никакого основания предполагать «чисто сумерийскую» эпоху в истории древней Вавилонии, но даже склонна считать, в противоположность прежнему взгляду, не семитов пришельцами в Вавилонию, а, наоборот, сумерийцев, которые подчинили себе более древнее, первоначальное, семитическое население южной части страны“.² Следует подчеркнуть, однако, что от этой точки зрения Эд. Мейера П. К. стал впоследствии отходить, указывая, что в таком случае оставалось непонятным то сакральное положение, которое занимал сумерийский язык в писцовых школах Вавилонии и Ассирии. Он также учитывал результаты многочисленных археологических экспедиций, вскрывавших древнейшие слои сумерийской цивилизации. В особенности же на него произвели впечатление раскопки на месте древнего города Урука, которые позволяли думать, что уже во второй половине IV тысячелетия имелись налицо сумерийские письменные памятники.

Начиная со второй половины 20-х годов П. К., во всяком случае в беседе со своими учениками и слушателями, уже не настаивал безоговорочно на абсолютном воздействии семитов на сумерийскую цивилизацию. С 30-х же годов у П. К. проявлялся все больший и больший интерес к сумерийскому письму, причем он постоянно советовал на еще малую изученность его. О беседе на подобную тему, которая имела место, кажется, в 1937 г., я впоследствии часто вспоминал. П. К. тогда обратил мое внимание на краткую, но весьма содержательную рецензию французского сумеролога Тюрю-Данжена на труд известного исследователя сумерийской религиозной лирики Мауруса Витцеля, посвященный литургическим песнопениям в храмовом культе бога Тамуза.³ В ней Тюрю-Данжен указал на весьма любопытную непоследовательность названного сумеролога в переводе одного и того же сумерийского предложения.

В 19-й строке текста № 15 имеется следующая фраза:

ta me-a-li nu-me-a-li.

Маурус Витцель переводит эту фразу следующими словами:

Alle seine (-des Landes) Orakel(-Heiligtümer)
sind seine Orakel(-Heiligtümer) nicht (mehr)!

В строке 29-й оборотной стороны текста № 33 приводится то же самое предложение, но здесь имелся налицо древневавилонский перевод этой сумерийской фразы:

šá ib-šá-a ul ib-šá-a.

Правда, перевод древневавилонского писца был не слишком точным, поскольку сумерийское слово ta соответствует вавилонскому вопроситель-

¹ Ed. Meyer. Sumerer und Semiten in Babylonien. Abhandlungen der Preussischen Akademie, 1906.

² П. К. Коковцов. Иосиф Галеви, стр. 1443.

³ Revue d'Assyriologie, t. 33 (1936), стр. 112.

ному местоимению *mīnu* 'что', а не определительному местоимению *šá* 'тот'. Тем не менее и этот древневавилонский перевод воздействовал на толкование М. Витцелем приведенной сумерийской фразы. Он передал последнюю следующим немецким предложением:

was es gab — was es nicht gab.

Давая подобный перевод, Витцель не заметил того, что он на несколько сот страниц раньше в том же своем труде дает совершенно иной перевод той же самой сумерийской фразы, предполагая там в сумерийском слове не глагол 'быть', а слово, соответствующее вавилонскому термину *paṣu*, которое он переводит как 'святилище'.

Таким образом, он и приходит к своему первому толкованию приведенной сумерийской фразы: „все его [т. е. Сумера] прорицалища — не прорицалища более“.

П. К., заметив подобную непоследовательность, казалось бы, опытного интерпретатора сумерийских текстов, выразил свои сомнения в возможности преодоления трудностей изучения сумерийского языка. Но подобное настроение у Павла Константиновича Коковцова бывало лишь весьма кратковременно. Его творческая сила была воистину неиссякаема, и я выражаю мою полную уверенность в том, что наш знаменитейший семитолог стал бы в конце концов и сумерологом, а не только ассириологом в узком смысле этого слова.

К бесконечной скорби всего научного мира, в период блокады закончилась многогранная исследовательская жизнь Павла Константиновича Коковцова.

Прервалось осуществление тех творческих замыслов, которыми жил и горел Павел Константинович Коковцов и в свои преклонные годы. То, что он когда-то сказал об Иосифе Галеве, должно быть отнесено, пожалуй в еще большей степени, и к нему самому: „Эта кипучая, вечно юношеская энергия, которой отличался до конца дней покойный, заставляла в последние годы его жизни совершенно забывать о преклонном возрасте маститого ученого и заставляла считать смерть 90-летнего старца за действительно большую утрату для науки“.¹

¹ П. К. Коковцов. Иосиф Галев, стр. 1417.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

В. В. БАРТОЛЬД — НУМИЗМАТ И ЭПИГРАФИСТ

Академик Василий Владимирович Бартольд, питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета, твердо шел к своей цели — изучению истории Востока — с молодых лет. Основную линию его работ составляли история и культура Туркестана. В своих исследованиях В. В. Бартольд пользовался всеми видами источников — рукописями, надписями на восточных монетах и лапидарными текстами. Он считал необходимым тщательно изучать культуру былых времен и бережно хранить памятники этой культуры. И прежде всего здесь он подразумевал культурное прошлое Средней Азии.¹

Первая поездка В. В. Бартольда в Среднюю Азию началась в мае 1893 г., когда он был командирован Академией Наук для исследования развалин, надписей и других древних памятников, вместе с Самуилом Мартыновичем Дудиным, одаренным художником и фотографом. В своем отчете о поездке 1893—1894 гг. В. В. Бартольд выделил „монеты с арабскими, отчасти куфическими письменами“ из развалин Ак-Тепе.²

Более замечательна приобретенная в Шахристане, в районе Ура-Тюбе, медная овальная пластинка с обломанным ушком. В. Тизенгаузен издал краткое описание пластинки.³ Он прочел надпись, имеющуюся на одной из сторон пластинки, и установил самое назначение ее. Правда, Тизенгаузен высказал только предположение, что пластинка представляет собой знак отличия должностного лица — пайзе (پايزه), каковые при династии Хулагидов выдавались гонцам. Однако В. Тизенгаузен не делал никаких попыток выяснить, чье имя было изображено на данной пластинке — пайзе, а вместе

¹ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. (Речь, предназначенная для произнесения в торжественном годовом собрании Академии Наук 29 дек. 1914 г.). Отчет о деятельности Академии Наук по Физ.-мат. и Ист.-филол. отделениям за 1914 г. Отд. оттиск, Пгр., 1915, стр. 460.

² В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. ЗВО, т. VIII, вып. III—IV, 1894, стр. 343. См. также: В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Зап. АН ИФО, т. I, № 4, стр. 189.

³ В. Тизенгаузен. „Пайзе“ с арабской надписью. ЗВО, т. IX, (1895) 1896, стр. 269—280, с 2 рис.

с тем и датировка столь редкого и важного для культурной истории Средней Азии предмета осталась неопределенной. Палеографические особенности этой небольшой надписи хотя и были замечены издателем пластинки, но сопоставление со стилем надписей на некоторых восточных металлических зеркалах XIII—XIV вв. отнюдь не приблизило исследователя к правильному разрешению вопроса о времени изготовления пластинки: названный в краткой надписи как владелец, амйр был первым правителем из дома Сāmāнидов (261—279/875—892 гг.). Единственный правильный путь для решения вопроса о датировке предмета, который был возможен на основании палеографических данных, по надписям на саманидских монетах, В. Г. Тизенгаузен, глубокий знаток саманидской нумизматики с первых шагов своей ученой деятельности,¹ почему-то в данном случае совершенно игнорировал.

С осени 1896 г. В. В. Бартольд стал хранителем Минц-кабинета С.-Петербургского университета, оставался им до 1901 г. и усиленно занимался разбором и систематизацией коллекции монет. Таким путем были расширены знания мусульманской генеалогии, палеографии и истории Средней Азии. Обладая столь солидной подготовкой, В. В. Бартольд приступил к переводу книги Ст. Лэн-Пуля „Мусульманские династии“. Многочисленные примечания и дополнения переводчика, основанные на собственных изысканиях превратили это важное руководство в настоящую книгу для востоковедов всех специальностей. Особенно ценны дополнения сведений относительно правителей прикаспийских областей, Закавказья и Трансоксианы.² Русский перевод „Мусульманских династий“ давно стал библиографической редкостью, и его достоинств отнюдь не затенило „Руководство по генеалогии и хронологии для истории ислама“ Е. Цамбаура,³ хотя в последнем, более обширном справочнике имеется ряд сведений, которых в работе С. Лэн-Пуля—В. Бартольда нет. Было бы полезно, пока у нас не создан новый специальный справочник по генеалогии и хронологии, крайне необходимый для историков, археологов, нумизматов, искусствоведов и студентов, изучающих все соответствующие отрасли наук,—выпустить вторым изданием перевод „Мусульманских династий“ В. В. Бартольда, с учетом накопившихся дополнений и поправок.

Кроме означенного выше перевода, В. В. Бартольд посвятил в 1899 г. несколько работ среднеазиатским памятникам различных категорий. Статья

¹ В. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Зап. АО, 1852, т. VI, стр. 1—23.— Он же. О саманидских монетах. Труды ВО АО, ч. I, 1855, стр. 1—23, 254—265; ч. II, стр. 202.

² Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. СПб., 1899.

³ E. de Zambaur. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Napovre, 1927. Библиография, нумизматические и эпиграфические данные не исчерпывают всех сведений о материалах этого рода, допущен ряд ошибок и др.; ср.: Е. А. Пахомов. Цамбаур Е. Руководство генеалогии и хронологии по истории ислама. Изв. Общ. обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1928, стр. 299—301.

о мечети Биби Ханым в Самарканде,¹ надгробная надпись из Аулие-Ата Семиреченской области,² извлечения из неисследованных рукописей и вакуфных документов, важные для выяснения темных вопросов по истории Средней Азии,³ наконец, целая серия публикаций до той поры не известных монет среднеазиатских правителей — вот те разнообразные темы, над которыми работал В. В. Бартольд только в течение одного года.

То обстоятельство, что при издании надписи выдающегося исторического значения из мазара Кишк-Аулие в Аулие-Ата В. В. Бартольд не опубликовал ее изображения, объясняется тем, что ему была прислана не фотография, а копия от руки В. А. Каллаура. Не вдаваясь в детальный эпиграфический анализ, несколько не касаясь характера письмен (даже не указав, была ли надпись исполнена одной из разновидностей почерка куфи или насхи), В. В. Бартольд ограничился, со свойственным ему лаконизмом, изданием текста, русского перевода и выяснением личности названного в погребальном тексте 660/1262 г. местного туркестанского правителя.⁴ Иногда В. В. Бартольд передавал присылаемые ему материалы для обработки другим исследователям; так, например, он передал С. Е. Малову фотографию с болгарского надгробия 699/1300 г. и из селения Старые Шигали 949/1542 г., присланные В. Ф. Смолиным.⁵

В серии публикаций неизданных монет из собрания С.-Петербургского университета первая заметка была посвящена медной джгатайской монете 663/1264 г. При ясно читаемой, хотя слегка искаженной круговой надписи на обеих сторонах монеты, надписи в центре не были разобраны полностью: только для одной стороны дано предположительное чтение. По определению издателя, надписи эти на тюркском языке.⁶ Круговые надписи написаны грубоватым куфи только по-арабски, а для центральных надписей, при неарабском содержании, сохранен почерк куфи, с довольно необычно переданными начертаниями знаков. Возможно, что при большем углублении в палеографические детали В. В. Бартольд подошел бы ближе к содержанию надписей на обеих сторонах монеты.

Любопытно, что надписями на этой монете, изданной В. В. Бартольдом, заинтересовались кашгарские мирзы и пытались дать варианты чтения, о чем

¹ В. В. Бартольд. Мечеть Биби Ханым. Туркест. ведомости, № 42, 1899.

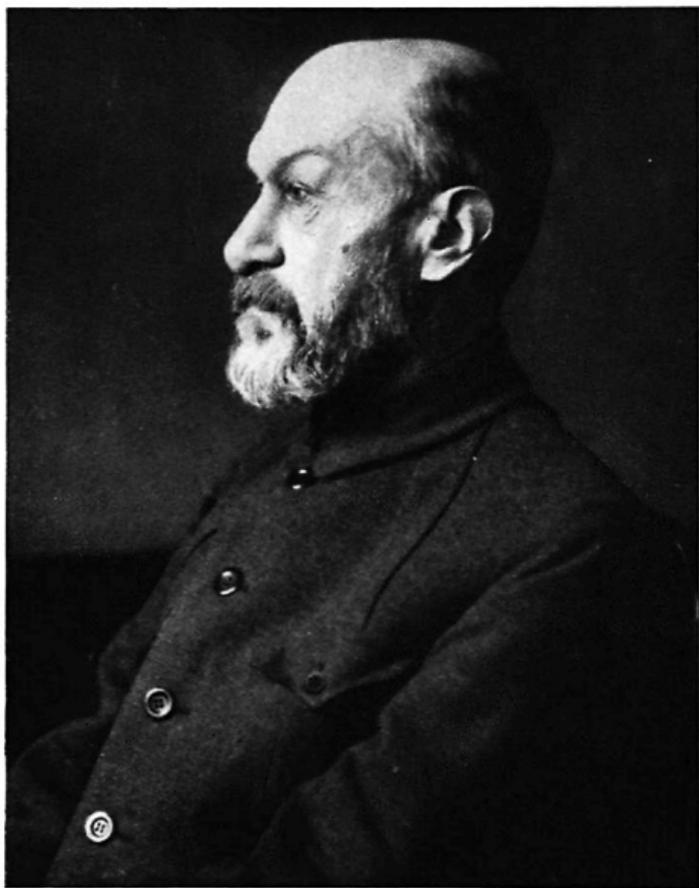
² В. В. Бартольд. Ответ г-ну В. В. (по поводу рецензии В. Вяткина. „Из области истории“), Туркест. ведомости, № 43, 1899.

³ ЗВО, т. XII, (1899) 1900. Протокола заседания 11 марта 1899 г., стр. IV—VI (Резюме доклада В. В. Бартольда).

⁴ На соединение арабских, тюркских и иранских элементов в титулатуре надписи, изданной В. В. Бартольдом, указал А. Ю. Якубовский в статье „Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде“. ЭВ, I, М.—Л., 1947, стр. 30—31.

⁵ С. Е. Малов. Булгарская и татарская эпиграфика. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 41, 44.

⁶ В. В. Бартольд. Из Минц-кабинета при С.-Петербургском университете, I. Неизданный самаркандский дирхем. ЗВО, т. XII, (1899) 1900, стр. 01—04, с рис. на стр. 02.

В. Г. Гапмунд

сообщил письменно в Восточное отделение Археологического общества консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский.¹

Вторая нумизматическая заметка В. В. Бартольда из той же серии посвящена неизданному саманидскому фельсу 303/915—916 г. Из этого экземпляра автор извлек не встречавшееся ранее имя одного члена из дома Сāmāнидов и удачно сопоставил его с упомянутым у Ибн ал-Ат̄ира усмирителем востания в 310/922 г. В данном случае издатель опять-таки не дает детального описания монеты, зато ее историческая значимость всплывающего была им использована в переводе капитальной монографии „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ на английском языке;² в первом русском оригинальном издании монографии В. В. Бартольд неоднократно по различным поводам использовал другие монетные данные.

Столь же лаконична третья публикация, посвященная фельсу Исмаїла, сына Ахмада, изданная вместе со второй монетой, но без изображения.³

В. В. Бартольд выступал также с критикой чтения монетных надписей у других исследователей. В частности, он возражал относительно понимания одного термина на самаркандских дирхемах, которые были изданы в 1892 г. В. Тизенгаузенем.⁴

Внесенная В. В. Бартольдом и поддержанная П. М. Мелиоранским поправка была основана на ином понимании графики разбираемого слова, которое позволяло использовать в данном случае совершенно другой термин („наваҳи“ вм. „тавадҷи“).

При сопоставлении системы публикации неизданных монет вообще, среднеазиатских в частности, у нумизмата (по основной специальности) В. Тизенгаузена и у В. В. Бартольда последний обнаруживает тенденцию рассматривать монетные надписи прежде и более всего как исторические и историко-культурные документы; все остальные данные В. В. Бартольд оставлял обычно без каких-либо комментариев, тогда как В. Тизенгаузен исследовал монеты подробнейшим образом. Однако при составлении „Каталога монет собрания С.-Петербургского университета“, который, по мнению составителя, должен был служить главным образом для педагогических целей, В. В. Бартольд отмечал встреченные им редкие изображения, вносил критические

¹ ЗВО, т. XII, (1899) 1900, стр. XX—XXI, Протокол заседания 18 ноября 1899 г.

² В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование. СПб., 1900. — Он же. Изд. 2-е. *Turkestan down to the Mongol Invasion* by W. Barthold. Translated from the original russian and revised by the Author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928, стр. 241, прим. 9; ср. изд. 1-е, стр. 252 (без ссылки на монету).

³ В. Бартольд. Из Минц-кабинета при С.-Петербургском университете, III. ЗВО, т. XII, стр. 060.

⁴ В. Тизенгаузен. Нумизматические новинки. ЗВО, т. VI, вып I—IV, 1892, стр. 252—254. — В. В. Бартольд. О некоторых самаркандских дирхемах. ЗВО, т. XII, стр. XXVII—XXVIII, Протокол заседания 16 декабря 1899 г.

замечания к каталогу И. Н. Березина,¹ поправлял чтения у В. К. Трутовского по палеографическим признакам.

В 1904 г. В. В. Бартольд был командирован Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Туркестан, с целью всестороннего изучения истории и топографии города Самарканда дотимуровской эпохи. В программу этой фундаментальной по замыслу работы входило и производство раскопок на городище Афрасиаб, а в заключение надлежало составить монографию, по своим установкам подобную исследованию развалин Старого Мерва В. А. Жуковского.

При работах археологического сезона 1904 г., единственного за всю жизнь В. В. Бартольда, который разочаровался в себе как в археологе,² в качестве помощника у него был В. Л. Вяткин.

На заседании 28 октября 1904 г. В. В. Бартольд доложил членам Восточного отделения Археологического общества о результатах своих работ в Самарканде.³ Из находок, интересных с точки зрения эпиграфики, замечательны найденные на городище Афрасиаб в откопанном столбе кирпичи с арабскими клеймами „Ихшйд“, „Мусеййаб“, „Иштихъан“. Исходя из сведений арабских географов, по типу почерка клейм на кирпичах и по монетам (из слоя одинакового с кирпичами) В. В. Бартольд датировал самое сооружение и кирпичи не позднее X в.⁴ Эту датировку он отстаивал настойчиво и при разборе изложения исторической топографии Самарканда у В. Л. Вяткина.⁵

Редкие клейменные кирпичи с Афрасиаба в настоящее время находятся в Самаркандском музее.⁶

Во время экспедиции 1904 г., как и впоследствии, В. В. Бартольда заботили вопросы о нелегальных археологических раскопках, находках и торговле добытыми случайно предметами древности.⁷

Раскопки на Афрасиабе были продолжены в 1905 г. под руководством В. Л. Вяткина.⁸ Добытые в течение полевых работ 1904—1905 гг. археоло-

¹ В. Бартольд. Из Минц-кабинета при С.-Петербургском университете, IV. Монеты Омейядов. ЗВО, т. XIV, 1902, стр. 033—036: фельсы 102, 116, 126 гг. х.

² Это мнение о себе самом от В. В. Бартольда мне пришлось слышать не один раз, — В. К.

³ ЗВО, т. XVI, (1904—1905) 1906, стр. XXXIV—XXXV. — Отчет о раскопках на Афрасиабе 1904 г., см.: Изв. Русск. комит. для изучения Средн. и Вост. Азии, № 4, 1904, стр. 21—24. — ПТКЛА, т. IX, Ташкент, 1904, стр. 60—63. — И. И. Умняков. В. В. Бартольд. Ташкент, 1926, стр. 185, 186, 192.

⁴ ЗВО, т. XVI, стр. XXXV.

⁵ ЗВО, т. XVIII, (1907—1908) 1908, стр. 0187—0188, рецензия В. В. Бартольда „Справочная книжка Самаркандской области“, вып. VIII, Самарканд, 1906.

⁶ Эскизы надписей на штемпелях сделаны проф. М. Е. Массоном и любезно присланы мне в письме от 30 октября 1944 г.

⁷ В. В. Бартольд. К вопросу об археологических находках. „Самарканд“, № 3, 1904. — ЗВО, т. XX, 1910, стр. 073. — И. И. Умняков, ук. соч., стр. 186, прим. 3.

⁸ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г. Изв. Русск. комит. для изучения Средн. и Вост. Азии, № 8, 1908, стр. 22—36.

гические материалы имеются в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

По предложению Археологической комиссии, направляясь в Самарканд, В. В. Бартольд посетил в 1904 г. Баку и осматривал случайно открытое в 1901 г., не известное ранее, мусульманское кладбище.¹ В отчетном описании кладбища В. В. Бартольд использовал альбом рисунков и две фотографии директора Кавказского музея А. П. Кознакова. Два рисунка в „Отчете“ изображают: 1) одно надгробие типа саркофага с кувлической надписью без даты, но с именем покойника; 2) пять недатированных плит. В. В. Бартольд датирует надписи „по характеру письмен“ XII—XIII веками и содержание дает только в переводе на русский язык. Один надгробный памятник из вышележащего слоя датирован месяцем раджабом 818/октябрем 1464—1465 г. Впоследствии, при составлении статьи о городе Баку для „Энциклопедии Ислама“, В. В. Бартольд использовал все датированные надписи этого города, упомянул и древнее кладбище. Среди бакинских надгробий В. В. Бартольд видел письмена, аналогичные по форме знаков с датированным памятником.²

В связи с посещением развалин Термеза и описанием их в специальной статье ботаника Р. Ю. Рожевиц В. В. Бартольд издал в виде приложения к ней перевод надписей на гробнице знаменитого суннитского ученого Абу 'Абд Аллаха Мухаммада сына 'Али ат-Тирмизий, который умер в 255/869 г.³ К этим надписям, памятнику и самой личности Мухаммада ат-Тирмизий В. В. Бартольд возвращался не один раз; он считал надгробие ат-Тирмизий красивейшим памятником среди руин Тирмиза,⁴ но отнюдь не современным дате смерти ученого, а воздвигнутым значительно позже, не ранее XIV в.⁵ Датировка определена была суммарно, по почерку насхи; В. В. Бартольд не входил в уточнение подробностей, не опубликовал нигде оригинальные тексты, и, таким образом, издание, комментирование и палеографический анализ надписей на грандиозном надгробии Мухаммада ат-Тирмизий — дело будущих исследователей.

Несколько иначе поступил В. В. Бартольд с лапидарным текстом, который был обнаружен на берегу Иссык-Куля корреспондентом Главной физической обсерватории, священником Д. П. Рождественским из с. Высокого Чимкентского уезда.

¹ В. В. Бартольд. Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в Баку. ИАК, вып. 16, 1905, стр. 116—119, с 7 рис.

² W. Barthold. Baku. EI, т. I, 1918, стр. 633—634.

³ Р. Ю. Рожевиц. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. Изв. РГО, т. XLIV, 1908. Приложение к статье, стр. 652—653; изображение гробницы на стр. 652.

⁴ В. Бартольд. Ислам. СПб., 1918, стр. 58; упоминают Мухаммад ибн 'Али и памятник ему; вид памятника с торца — стр. 57.

⁵ В. Бартольд. Туркестан, ч. II. 1900, стр. 77—78. — Б. П. Деникее. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 116: описание гробницы ат-Тирмизий, с попыткой обоснования датировки по сходству с орнаментикой ажурных решеток в Гур-и Эмире; рис. 108—110: детали каменной резной гробницы.

Надпись была сфотографирована и снимок прислан в Историко-филологическое отделение Академии Наук при письме от 10 сентября 1913 г. Конференция Академии Наук поручила 17 октября 1913 г. В. В. Бартольд дать свое заключение относительно надписи. К заседанию Историко-филологического отделения 9 ноября 1913 г. В. В. Бартольд представил письменный ответ, в котором дал арабскую

Надпись с берега озера Иссык-Куль.
Фот. Отдела рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР.

транскрипцию надписи и ее перевод на русский язык. Относительно происхождения надписи В. В. Бартольд напомнил о сообщении Н. Н. Пантусова (о существовании кладбища на северном берегу Иссык-Куля, с надписями подобного содержания, частью датированными VI/XII веками),¹ а также о собственном описании этого кладбища у сел. Сазановка в „Отчете о поездке в Среднюю Азию“.² Фотографию надписи после доклада было постановлено передать в Азиатский музей (см. рисунок).³

Итак, в последнем случае В. В. Бартольд опубликовал текст и перевод, установил содержание текста, состоящее из коранических отрывков; на характере почерка он опять не останавливался, полагая, вероятно, достаточным отослать желающих к статье Н. Н. Пантусова, что неправильно: никаких соображений по поводу выбора содержания надписи Бартольд не высказал. Надпись дефектна, ее

конец не сохранился; к сожалению, имена и датировка остались невыясненными.

В. В. Бартольд день за днем неотступно следил за ходом научной жизни в Средней Азии. В рецензии на очередной выпуск „Протоколов Туркестанского кружка любителей археологии“, вышедший в 1910 г., он не

¹ Н. Пантусов. Кладбище на р. Кунгей-Аксу. ПТКАА, год XI-й, 1906, стр. 5—25.

² Зап. АН ИФО, т. I, № 4, стр. 52.

³ Изв. Акад. Наук, 1913, VI сер., т. VII. Извлечения из протоколов заседаний Академии, Ист.-филол. отделение, стр. 896, заседание 9 октября 1913 г.; стр. 1059—1060, заседание 9 ноября 1913 г. Оттиск статьи В. В. Бартольда (§ 438) вместе с фотографией хранится в Отделе рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, инв. 1913, № 2668, ф. В 41.

одобрил чтение надписи на медном сосуде из Бухары, данное А. А. Семеновым; кстати сказать, на воспроизведенном изображении надпись не была видна. Критика В. В. Бартольда была обоснована грамматическими неправильностями в тексте, приведенном у А. А. Семенова. В той же рецензии отмечено описание астролябии, купленной И. Т. Пославским в Бухаре, с именем мастера, указанием места работы — в Балхе — и датой изготовления инструмента 1088/1677 — 1678 гг.¹

Описание астролябии для нас знаменует не совсем угасшую преемственность в исследовании восточных астрономических приборов, которое началось в России в XIX в. и развивалось в трудах Б. Дорна и Н. В. Ханькова. Время от времени поступали подобные инструменты, изучение которых требовало солидных познаний в математических дисциплинах, специальной научной терминологии на арабском языке и владения не совсем обычными разновидностями арабского письма.

Ко всей письменности Востока В. В. Бартольд подходил как историк. И к мусульманским надписям он обращался прежде всего с целью извлечь существенные исторические факты. Пример можно увидеть в исправлении относительной даты сочинения Шараф ад-дина Йазди по дате смерти Тимūra, начертанной на его гробнице, причем В. В. Бартольд особо подчеркнул расхождение этой даты с показаниями Шараф ад-дина и Ибн 'Арабшаха;² дату надгробия Тимūra через несколько лет он проверял по анонимному сочинению.³

Такой подход к надписям не означал и тогда, не может пониматься и теперь как неумение, неспособность к эпиграфическому анализу текста. В. В. Бартольд, аккуратнейший читатель всей новейшей востоковедной литературы, был, конечно, в курсе общего развития арабской эпиграфики и при желании мог бы дать соответствующие работы. В доказательство можно сослаться на блестящий анализ ярлыка Абū Са'йда в Ани.⁴ Он к этому не стремился, имея собственные научные цели, но эпиграфика всегда была в поле его зрения.

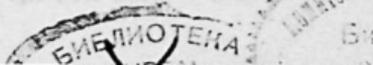
Насколько В. В. Бартольд понимал задачи арабской эпиграфики, в какой мере им были учтены не замечаемые совершенно другими промахи некоторых западных специалистов, видно по одному замечанию в его сравнительно мало известной статье „Башня Кабуса как первый датированный памятник

¹ ЗВО, т. XX, 1910, стр. 067, 068, 071, 072; рецензия В. В. Бартольда на ПТКЛА, год XIV-й, Ташкент, 1910.

² ЗВО, т. XVIII, (1907—1908) 1908, стр. 0189.

³ В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXI, 1915, стр. 20.

⁴ В. Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. Анийская серия, № 5, СПб., 1911. По поводу терминологии анийского ярлыка см.: А. А. Алъзаде. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV веках. Термин „тарх“. Изв. Азерб. фил. Акад. Наук СССР, № 3, 1942, стр. 26—30. — Он же. К истории феодальных отношений в Азербайджане. Термин „Купчур“. Изв. Акад. наук Азербайджанской ССР, № 5, 1945, стр. 87—100.

мусульманской персидской архитектуры¹. На разительном примере „Башни Кабуса“ В. В. Бартольд показал ошибочность утверждения специалиста по арабской палеографии Б. Морица, который в популярном обзоре „Арабское письмо“ говорил „как об установленном факте про отсутствие в Персии памятников с куфическими надписями более ранних эпох, чем XII век“.²

Тонкое и верное замечание по адресу Б. Морица и всех, кто без проверки принимал его мнение, не избавило самого автора интереснейшей статьи от заблуждения по поводу связанного с этой темой другого вопроса. В. В. Бартольд предполагал, что „XII век был только временем более широкого распространения датированных надгробных надписей, притом едва ли не во всем мусульманском мире“.³

Очень жаль, что В. В. Бартольд не раскрыл свою мысль подробно, не пояснил, какие именно ближневосточные страны XII в. он подразумевал. В статье „Башня Кабуса“ имеется всего две оговорки. Первая оговорка касается Туркестана, в котором, по признанию В. В. Бартольда, „в настоящее время сохранилось очень небольшое число надписей более раннего периода, тогда как надписи XII в. и более позднего времени встречаются часто...“. Тут мы сталкиваемся с несвойственной автору неточностью, и возникает вопрос: какой же предел этого „более раннего периода“? Продолжение той же фразы В. В. Бартольда: „...равным образом в Мекке, как было установлено в 1814 г. Буркгардтом, нет надгробных камней древнее XII в.“ — позволяет понять, что на XII веке фиксировалось главное внимание В. В. Бартольда и вряд ли он отходил от этой даты на много веков назад.

Перед лицом новых и многочисленных фактов мы обязаны внести значительные поправки и оговорки к этой мысли В. В. Бартольда. Можно теперь с полной уверенностью, не по догадкам, а по подлинным памятникам утверждать, что в Египте и на некоторых островах Средиземного моря датированные надгробные надписи встречались с первой четверти I/VII в., а к концу II/VIII в. они уже имели массовый характер, не говоря о некрополях последующих веков в западных арабоязычных странах. Иной вопрос — почему и в других странах, где господствовал ислам как религия, не известны или не сохранились (исчезли полностью) ранние надгробные памятники, но решать его здесь не представляется возможным.

В тесной связи с вопросами и задачами эпиграфики стоит интереснейшая статья В. В. Бартольда „О погребении Тимура“.⁴

В. В. Бартольд полагал, что лучшим способом увековечения замечательных памятников туркестанской культуры является детальное изучение самих объектов, сопровождаемое обмерами зданий, рисунками и чертежами. К та-

¹ Ежегодник Российск. инст. истории искусств, т. I, Пб., 1922, стр. 121—125, с 2 рис.; цитата заимствована со стр. 122. — Ср.: И. И. Умняков, ук. соч., стр. 197, прим. 7.

² В. Moritz, Arabische Schrift. EI, т. I, стр. 407.

³ В. Бартольд. Башня Кабуса..., стр. 122.

⁴ ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 1—32.

кому плану отчасти приближалось в то время только монументальное издание „Самаркандские мечети“. Кроме эпиграфических мотивов, представленных весьма далеко от исчерпывающей полноты на отдельных таблицах альбома,¹ текст предисловия сопровождают: вид погребального склепа, верхней поверхности нефритового надгробия Тимūra и передней стороны его мраморного надгробия.

В. В. Бартольд предъявлял к изданиям этого рода, как бы ни стояли они высоко со стороны архитектурно-археологического подхода и издательской техники, еще более серьезные требования, что давало ему повод сказать: „Научного описания, с подробным разбором письменных источников, нет до сих пор ни для одной из построек этого периода; еще меньше, конечно, выяснена связь этих построек с общей культурной жизнью данной эпохи“.²

При таких взглядах В. В. Бартольд не мог быть удовлетворен обоими докладами Н. И. Веселовского, посвященными вопросам погребения Тимūra. Поэтому на статью В. В. Бартольда „О погребении Тимура“ приходится смотреть как на попытку создать историческую базу для всесторонней монографии о Гур-и Эмире.³

Содержание статьи В. В. Бартольда „О погребении Тимура“ гораздо шире, чем ее название. Автор пересматривает по источникам, топографическим данным и современным описаниям не только всю историю погребения Тимūra и его потомков в здании Гур-и Эмир; он сообщает много подробных сведений о некрополе Шāх-и Зинда, о некрополе родственников и приближенных Тимūra в Кеше (Шахрисябзе), сопоставляет Шāх-и Зинда с некрополем в Шахрисябзе;⁴ касается, наконец, здесь, впервые в своих работах, усыпальницы Тимūридов в Херате по рукописи *مطلع السعديين* 'Восход двух счастливых светил',⁵ но все же не упоминает замечательного открытия и статьи Н. В. Ханыкова.⁶

Встреченные в источниках и использованные в данной статье архитектурные термины, имена и даты в подавляющем большинстве нужны и полезны эпиграфистам, так как с ними же сталкивается и исследователь надписей на монументальных сооружениях, на надгробиях, а иногда и в других категориях письма. Для примера можно указать на имеющиеся в статье Бартольда на стр. 22 термины *موقد*; *قبّة*; *نخاسى* и др.

¹ Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, вып. I, Мечеть Гур-Эмир, СПб., 1905; см. рецензию Н. Веселовского: ЗВО, т. XVII, 1907, стр. 0101—0184.

² В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане, стр. 13.

³ Н. И. Веселовский. О первоначальном месте погребения Тимура. Доклад 22 января 1904, ЗВО, т. XVI, 1906, стр. XX. — О и же. О надгробии Тимура. Сообщение 1 мая 1903 г., ЗВО, т. XVI, 1906, стр. XI—XIII. — Ср.: В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 1.

⁴ В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 1—6, 10 и др.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ В. А. Крачковская. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна. ЭВ, IV, М.—Л., 1951, стр. 29—31.

В. В. Бартольд заимствовал несколько деталей описания памятника Шахрисябза у К. Масальского¹ и А. Л. Куна.²

Перед читателем проходят упоминания существующих или существовавших некогда надписей: известная надпись с именем архитектора Мухаммада, сына Махмуда, над западным боковым входом в Гур-и Эмир;³ имя шейха Шамс ад-дина над его могилой в мавзолее Шахрисябза;⁴ имена и даты смерти Сейидов в „Гумбез-и сейидан“; упоминаются другие надписи, к несчастью, неизвестного содержания, там же; определено содержание надписей внутри Гур-и Эмира — о смерти и загробной жизни, хадит о блаженстве для приготовившего себе заранее могилу;⁵ говорится также о надписи на нефритовом надгробии Тимюра и о надписи на могиле Улуг Бэка.⁶ Еще раз коснулся В. В. Бартольд вопроса о нефритовом надгробии Тимюра в статье „Новые данные о Самаркандских памятниках“.⁷

Только широкое знакомство с рукописными собраниями, каким обладал В. В. Бартольд в результате повседневных занятий — то в Петербурге — Ленинграде, то в Средней Азии и Закавказье, то в Турции, Египте или Западной Европе, — давало возможность собрать столько подробностей о такой обширной, сложной и все же так мало изученной серии некрополей, какой коснулся В. В. Бартольд в статье „О погребении Тимюра“.

Вся проблема в целом в настоящее время принадлежит к числу актуальнейших: достаточно напомнить про раскопки в Гур-и Эмире, произведенные совсем недавно (в 1941 г.), и теперь опубликованные полные надписи с надгробий в Гур-и Эмире на страницах сборника „Эпиграфика Востока“.⁸

Некоторые поездки В. В. Бартольда в Среднюю Азию имели целью выяснить специально первоочередные научные задачи, собрать сведения о памятниках, наметить план работ на ближайшее время в области археологии и охраны памятников. Этими целями руководился В. В. Бартольд в 1916 г. Особенно знаменательны поездки, совершенные по поручению

¹ К. Масальский. Туркестанский край, стр. 681. — В. Бартольд. О погребении Тимюра, стр. 5.

² А. Л. Кун. Очерки Шахрисябзского бекства. Зап. РГО, т. VI, 1880, стр. 26 и сл. — Ср.: В. Бартольд. О погребении Тимюра, стр. 5—6.

³ В. Бартольд. О погребении Тимюра, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 30. — Ср.: А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимюра и его потомков в Гур-и Эмире. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 52.

⁷ ЗВО, т. XXV, (1917—1920) 1921, стр. 83.

⁸ А. А. Семенов. Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде. ЭВ, I, М.—Л., 1947, стр. 23—26. — Он же. Надписи на надгробиях Тимюра и его потомков в Гур-и Эмире. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 48—62. — Он же. Надписи на надгробиях Тимюра и его потомков в Гур-и Эмире. (Окончание). ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 45—54. — М. Е. Массон. Третий кусок намогиляника Тимюра. ЭВ, II, М.—Л., 1948, стр. 63—75.

Академии Наук, Академии истории материальной культуры и Среднеазиатского комитета по охране памятников в 1920 и 1925 гг.¹

В раннем отчете о командировке в Туркестан от Университета летом 1902 г. В. В. Бартольд упомянул посещение музея в Ашхабаде (б. Асхабад), в котором незадолго до того было начато собирание археологических предметов.²

В. В. Бартольд отрицал свои способности к археологическим изысканиям, но всегда учитывал их важность для построения истории культуры Средней Азии. Поэтому он присматривался к результатам, которые дали для востоковедения в целом археологические съезды, и пришел к убеждению, что наибольшее значение в этом отношении имели два съезда: казанский 1877 г. и тифлисский 1881 г.³

Вместе с рукописными источниками В. В. Бартольд высоко ценил среднеазиатские вакуфные документы. И в первой, и во второй группе письменных памятников В. В. был одинаково хозяин, что и показывало, наряду с его нумизматическими изысканиями, на каком высоком уровне В. В. Бартольд стоял как палеограф.

Чрезвычайно важные данные для истории культуры и археологии Средней Азии были собраны В. В. Бартольдом во время командировки 1902 г.; в числе его источников был привлечен вакуфный документ Ходжи Ахрара с перечислением пожертвованных земель; на основании встречающихся названий и определения границ участков В. Л. Вяткин ранее выяснил некоторые вопросы топографического порядка; другие документы касались истории Сыгнака. Рассмотренные документы В. В. Бартольд относил к XVI—XVII вв.⁴ Свой громадный опыт в данной отрасли В. В. Бартольд резюмировал в лекциях на Архивных курсах в 1918 г.,⁵ причем дал, как отметил акад. И. Ю. Крачковский, первое обобщение сведений о материале для письма, о канцелярской системе и других подробностях архивного дела на Ближнем Востоке.⁶

¹ В. В. Бартольд. Автобиография..., стр. 19. — И. И. Умняков, ук. соч., стр. 188, 192—194. — Правда Востока, 25 августа 1925 г., № 190/90. — Изв. АН СССР, 1926, стр. 217—236.

² ЗВО, т. XV, 1904, стр. 173—174.

³ В. Бартольд. Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. ЗВО, т. XXV, 1921, стр. 349.

⁴ В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ЗВО, т. XV, 1904, стр. 262—269. — В. Л. Вяткин. Вакуфный документ Ходжи Ахрара. Туркест. ведомости, № 101, 1900; ПТКЛА, год V-й, Ташкент, 1900, стр. 156—159.

⁵ Д. Егоров. Красный архив, 1922, № 1, рецензия. — В. Бартольд. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Архивные курсы. Лекции 1918 г. т. I, История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пгр., 1920, стр. 369—387. Рец.: Книга и Революция, 1922, № 5 (17).

⁶ И. Ю. Крачковский. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Восток, кн. 1. Пб., 1922, стр. 117.

Небольшой этюд В. В. Бартольда „Монеты Улугбека“¹ чрезвычайно важен, не только как дополнение характеристики талантливого внука Тимүра, которой автор посвятил особый доклад в Восточном отделении Археологического общества² и обширную монографию; в последней привлечены даты и надписи на постройках Улуг Бэка, в связи с их историей.³

В. В. Бартольду удалось разъяснить те турецкие слова на монетах Улуг Бэка, значения которых не понимал Лэн-Пуль; одно из слов понял впервые В. Г. Тизенгаузен, остальные — В. В. Бартольд, который сопоставил, кроме того, геральдический знак Улуг Бэка с гербом Тимүра. Соображения исторического порядка сочетаются с детальным разбором знаков в стройное изложение.

Долголетняя практика в чтении надписей на восточных монетах и основательное знание истории монетного фонда Академии Наук отображены на страницах небольшого очерка В. В. Бартольда, посвященного столетию существования Азиатского музея.⁴ В очерке оценена деятельность первого директора Х. Д. Френа, при котором монетное собрание Азиатского музея по составу было одним из лучших в мире.⁵

Палеографический опыт В. В. Бартольда виден также в его статье „Ширваншах“.⁶ Здесь автор сопоставляет имя Мухаммада сына Ахмада ал-Азди — у Ибн Хаукаля — с тем же именем „на недатированных монетах, которые по письмам могут принадлежать IV/X веку“.

В. В. Бартольд всегда жил и действовал, как русский ученый, постоянно учитывая культурные интересы своей родины. Убеждения Бартольда прекрасно выражены в словах из его речи, приготовленной к устному произнесению, но по условиям военного времени в конце декабря 1914 г. не оглашенной и сохранившейся лишь в печатном виде: „Как ни далеко в настоящее время человечество от мирной культурной работы, перед каждой страной остаются прежние культурные задачи, которые могут быть временно отложены, но не могут быть забыты, даже на короткое время, без ущерба не только для достоинства страны, но и для ее непосредственных государственных интересов. Для России к числу таких задач принадлежит

¹ В. В. Бартольд. Монеты Улугбека. Изв. РАИМК, т. II, Пб., 1922, стр. 190—192. — Перевод на немецкий язык: V. V. Barthold. Ulug Beg und seine Zeit. Deutsche Bearbeitung von Walther Hinz. Leipzig. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, т. 21, № 1.

² В. В. Бартольд. Улуг-бек и Ходжа Ахрар. ЗВО, т. XXIII, 1916, стр. VII—IX, протокол заседания 12 марта 1915 г.

³ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. АН ИФО, т. XIII, 1918, № 5, I + II + 160 + 24 стр.; о постройках и надписях см. стр. 98, 99—104, 108, 109, 135.

⁴ В. В. Бартольд. Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Нумизматическое отделение. Краткая памятка. Пгр., 1919, стр. 107—112.

⁵ В. В. Бартольд, ук соч., стр. 117. — О Френе см.: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 76—79, 101—105; Указатели, стр. 290. — В. А. Крачковская. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. Советское востоковедение, т. VI, 1949, стр. 278—282, 287—291.

⁶ EI, т. IV, 1934, стр. 413.

изучение разноплеменных народностей, входящих в состав населения империи, и сохранившихся в ее пределах памятников культуры исчезнувших народов. Достоинство России и положение русского народа среди других подданных государства властно требуют, чтобы в деле выполнения этих научных задач первое место принадлежало русским научным силам¹.

После этих слов В. В. Бартольд продолжал свою полезную работу еще полтора десятилетия, выполняя долг русского и советского ученого. Теперь в Советском Союзе мы признаем, как и В. В. Бартольд в 1914 г., что наши культурные задачи — изучение силами советских ученых истории и истории культуры народов, входящих в состав СССР, их истории и сохранившихся памятников культуры исчезнувших племен и народов. В. В. Бартольд как эпиграфист и нумизмат выполнил свой долг достойно, и мы этого не должны забывать.

¹ В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане, стр. 460.

М. Е. МАССОН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАМОГИЛЬНЫЕ КИРПИЧИ ИЗ МАРЫЙСКОГО ОАЗИСА¹

„Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой,
А сколько кирпичей насушат намогильных
Из праха нашего уж через год-другой!“

(Омар Хайям, XI—XII вв.).

Среднеазиатские намогильные кирпичи с эпитафиями еще ни разу не использовались в качестве исторических первоисточников, и им не посвящено даже ни одной специальной работы хотя бы описательно-регистрационного характера. Один такой кирпич из Термеза опубликован в I томе „Трудов Термезской археологической комплексной экспедиции“ (ТАКЭ) в 1941 г.² Менее десятка их хранится в Самаркандском и Ашхабадском музеях, в археологических кабинетах Среднеазиатского и Туркменского Государственных университетов. Один крупный намогильный кирпич был добыт в 1949 г. 7-м отрядом Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) на руинах средневекового Мехне. Подавляющее же большинство объектов этого рода не только не собрано, но даже не зарегистрировано и, оставаясь разбросанным на обширных пространствах культурных земель среднеазиатских республик, подвергается риску быть утраченным для науки. Учитывая все сказанное, ЮТАКЭ, имеющая

¹ Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР.

² М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды Уз. ФАН, серия I, вып. 2, Ташкент, 1940 (1941), стр. 24. В тексте допущена опечатка при указании, что, по палеографическим данным, описываемый намогильный кирпич „можно датировать X веком“, вместо „XI веком“. Объект этот поступил в Ташкентский музей в дореволюционное время, хранился там без всякой документации, но даже при отсутствии сведений о месте находки привлек внимание В. В. Бартольда, включившего транскрипцию его эпитафии в „Отчет о командировке в Туркестан“ (август—декабрь 1920, ИАН, серия V, т. XV, Пгр., 1921, стр. 212). Точное происхождение памятника установлено автором настоящей статьи по переданному ему покойным А. А. Дивасвым письму инженера Эпеля к Н. П. Остроумову, которое датировано 30 мая 1916 г. Документ этот сдан мной в Сурхан-Дарьинский музей, находящийся в городе Термезе.

в программе своих изысканий также и сбор эпиграфических материалов, в 1951 г. поставила перед работавшим в Марыйском районе и возглавлявшимся самим начальником экспедиции 18-м отрядом одним из заданий розыск и изучение этих памятников.

Выбор района не был случайным. О том, что в области средневекового Мерва существовал обычай употребления в качестве намогильных плит кирпичей с эпитафиями, имеется указание в „Книге генеалогических имен“ („Kitāb al-ansāb“). Автор этого сочинения XII в. — уроженец Мерва, историк Сам'ани — в свое время проявил особое внимание к одной, видимо, полузабытой могиле, находившейся тогда в пределах крупного селения Синдж, на пустынном участке, именовавшемся Язан. Само это селение, расположенное в 7 фарсах от Мерва, он посетил несколько раз, в том числе в 1160 г., в качестве посредника между жителями и осаждавшими их гузами. Заинтересовавшая его могила принадлежала некоему деятелю на поприще ислама из числа местных жителей, скончавшемуся в зү-л-хидже 257/октябре—ноябре 871 г. Сам'ани приказал жителям восстановить эту могилу, сам же написал на кирпиче (سج) имя и дату смерти покойного и „послал в это селение [Синдж] для возложения сверху лауха его могилы“.¹

У ЮТАКЭ уже раньше имелись сведения, что где-то к северу от Байрам-Али, на границе песков, имеется плита, покрытая вырезанными на ней надписями, которые никто из местного населения прочитать не может. В 1950 г. во 2-й базисный лагерь экспедиции у городища Гяур-Кала в Старом Мерве окрестные колхозники сообщили, что одна колхозница несколько лет назад нашла на своем участке, севернее Султан-Калы, кирпич с процарапанными буквами, который якобы был увезен каким-то приезжим русским. Намогильный кирпич из развалин Мерва хранится в Музее краеведения Академии наук Туркменской ССР. Наконец, в начале 1951 г. студенты доставили из района, лежащего к югу от Байрам-Али, один кирпич с эпитафией, который передали в Археологический кабинет Туркменского Государственного университета, где он был мной осмотрен и прочтен.

За полевой сезон работ 1951 г. 18-му отряду удалось выявить, в основном с помощью местного населения, шесть намогильных кирпичей с эпитафиями из бывших сельских районов средневекового Мерва, что придает им в историческом отношении особую значимость. Приводим их описание в хронологической последовательности.

1. Судя по палеографическим признакам, наиболее древним является единственный недатированный фрагмент намогильного кирпича, имеющий размеры 14×13.5×4 см. Найден он на кладбище в западной части

¹ Kitāb al-Ansāb of al-Sam'ani, GMS, v. XX, 1912, стр. 313а. В русском переводе соответствующего текста Сам'ани, сделанном С. Волиным, указана дата 257/октябрь—ноябрь 872 г., место погребения трактуется как находящееся „в стени у квартала Базан“ (Материалы по истории Туркмении и туркмен, т. I, М.—Л., 1939, стр. 335). В. А. Жуковский, передавая текст Якута о Синдже, квартал называет Б. з. и., а датой смерти указывает 870 г. (В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 45).

городища Кууртлы-Депе, которое расположено в 11 км к северу от средневекового Мерва и соответствует средневековому городку Башан. Лицевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания, протекающим в некоторых местах Мервского района особенно интенсивно благодаря ударному действию приносимых с барханов мелких песчинок. Текст вырезан разновидностью почерка куфи с расположением знаков по горизонтальной линии, с невысокими, строго вертикальными стволами алифов и лямов, с изломами всюду, где это возможно, под прямыми углами без всяких надстрочных и подстрочных знаков (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (первая половина V/XI в.).

Рис. 2. Намогильный кирпич, хранящийся в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета (503/1115 г.).

От верхней строки ничего не уцелело.

Во 2-й видны слова ... [ابن ابوالقاسم]... '...сын Абū-л-Қасима...'

В 3-й строке разбирается слово ... [وافته]... '...смерть его...', причем дальше следовала утраченная дата.

По характеру почерка намогильник можно отнести к памятникам X в., но, принимая во внимание наличие известной консервативности и у заказчиков и у машшаков (каллиграфов-эпиграфистов), допустимо считать, что описываемая эпитафия появилась в первой половине XI в.

2. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич из района к югу от Байрам-Али, хранящийся ныне в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета. Размеры: 27.5×28.5×5 см.

Текст эпитафии безукоризнен в смысле грамотности. Почерк куфи не столь строг, как у первого памятника: при разбивке слов не выдержан принцип расположения их в строках на одной горизонтали; „квадратность“ начертания ряда букв нарушается; удлиняются и получают плавные изгибы конечные буквенные знаки группы ى, ن, د. При всем том текст лишен пунктуации и знаков чтения (рис. 2).

- [1] بِسْمِ اللّٰهِ [1]
 [2] هَذَا قَبْرُ مُحَمَّدِ بْنِ [2]
 [3] عَلِيِّ بْنِ أَبِي عَاصِمٍ [3]
 [4] رَحِمَهُ اللّٰهُ تَوَفَى لَيْلَةَ [4]
 [5] الْاِحْدِ التَّاسِعِ مِنْ شَهْرِ [5]
 [6] رَمَضَانَ سَنَةِ ثَمَانٍ [6]
 [7] وَخَمْسِمِائَةٍ [7]
 يَهْ

- [1] Во имя Аллаха!
 [2] Это могила Мухаммада, сына
 [3] 'Али, сына Абӯ 'Асима —
 [4] благословение Аллаха (на него). Скончался в ночь
 [5] воскресения девятого месяца¹
 [6] рамадана года восемь
 [7] и пятьсот'.

Дата смерти — 9 рамадана 508/6 февраля 1115 г.

3. От кирпича, имевшего размеры 29 × 29 (?) × 5 см, отбито около ²/₅ правой части. Место находки — упоминавшееся выше кладбище средневекового городка Башан.

Лицевая поверхность кирпича сильно разрушена процессом выветривания. Эпитафия выполнена менее строгим почерком куфи, чем на предыдущем кирпиче. В некоторых словах появляется декоративная растянутость горизонталей. Отдельные слова одной строки очень приблизительно подчинены единому уровню и во второй строчке, например, определенно уступчато громоздятся вверх справа налево. Мастер неудачно расположил текст, поместив слово است, связанное с концом строки 4-й, в уровень строки 6-й (рис. 3).

- [1] بِسْمِ اللّٰهِ [الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ] [1]
 [2] هَذَا قَبْرُ اَبِي بَكْرٍ [2]
 [3] [بْنِ جَعْفَرِ] تَوَفَى [3]
 [4] [فِي شَهْرِ] رَمَضَانَ [رَحِمَهُ اللّٰهُ الْاَصَمَّ] [4]
 [5] سَنَةِ عَشْرٍ [5]
 [6] [ر]سْتِ يَنْ وَ [6]
 [7] خَمْسِمِائَةٍ [يَهْ] [7]

- [1] [Во имя А]ллаха [милостивого, милосердного!]
 [2] [Это мо]гила Абӯ Бекра
 [3] [сына Джа]фара. Скончался
 [4] [в ме]сяце Аллаховом ал-асам]м
 [5] [раджаб] года двад-
 [6] [т]вердом -цать и
 [7] пятьсо[т].

¹ В конце строки 5-й ошибочно изображено سغر вместо شهر. — Ред.

Месяц „ал-ахамм твердый“ соответствует общемусульманскому месяцу раджаб. Раджаб 520 г. х. приходится на конец июля—август 1126 г. н. э.

4. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия, в 15 км к северу от средневекового Мерва. Кладбище расположено в южной части территории развалин одноулочного сельского поселения IX—XII вв.; на нем находится обнаруженный 18-м отрядом ЮТАКЭ чудесный мавзолей первой половины XII в. Размеры кирпича $28 \times 28 \times 5$ см; верхняя и боковые стороны имеют фаску шириной 1—1.5 см.

Текст эпитафии заключает небольшие погрешности в арабском правописании. Почерк куфи неряшливого начертания, изобличающего в машшаке

Рис. 3. Кусок намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (520/1126 г.).

Рис. 4. Кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия (545/1150 г.).

мастера далеко не первой руки: строки не горизонтальны, не параллельны; слова в них расположены не на одном уровне; не соблюдается единства в углах (то прямых, то острых) и единообразия в начертании одних и тех же букв. Отсутствие диакритических знаков указывает на то, что за образец была взята разновидность строгого куфи (рис. 4).

- [1] بسم الله الرحمن الرحيم
 [2] هذا قبر الناييه [?] محمد
 [3] بن شادي كلابي [?] وفاته
 [4] ربيع الاول سنه
 [5] خمس و اربعين
 [6] خمس ماه
 [7] . . . امام [?]

- [1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
 [2] Это могила прославленного [?] Мухаммада
 [3] сына Шадй Кулабй [?]. Смерть его произошла

[4] в месяце раби́ I года

[5] сорок пять

[6] пятьсот.

[7] . . . имам [?].

Последнее слово — остаток от уже утраченной, хотя и позднее процарапанной строчки.

Раби́ I 545 г. х. приходится на конец июня—июль 1150 г. н. э.

5. Прекрасной сохранности цельный намогильный кирпич с могилы, расположенной в 300 м от северо-восточной окраины развалин городища Али-Аскер IX/начала XIII в., лежащего в 5 км к востоку-северо-востоку от средневекового Башана и в 24 км от средневекового Мерва. Обследованные 18-м отрядом ЮТАКЭ руины Али-Аскер принадлежат бывшему зажиточному городку; ныне частично засыпаны барханскими песками. Размеры кирпича 42 × 28 × 5 см.

Текст обрамлен рамкой, оставляющей по краям полосы шириной от 2 до 3 см; в верхней полосе процарапаны зигзаги. В самой эпитафии имеются „описки“ и ряд погрешностей против обычного арабского правописания. Надписи выполнены каким-то смешанным почерком, в котором наряду с искаженными начертаниями отдельных слов и даже элементов, восходящими в основе к куфи, имеются слова, переданные какой-то неуставной скорописью группы почерков насх. В шести случаях имеются точки над буквами (рис. 5).

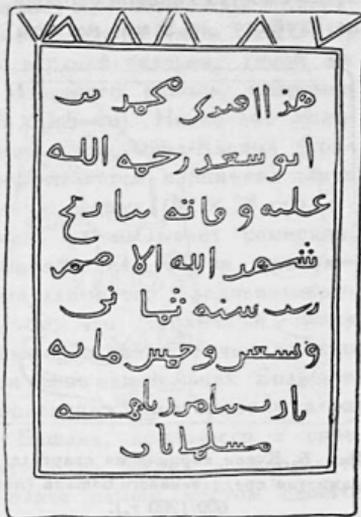

Рис. 5. Кирпич с/городища] Али-Аскер (598/1202/ г.).

[1] هذا اقبوی [так!] محمد بن

[2] ابو سعد رحمه الله

[3] عليه و فاته بتاريخ

[4] شهر الله الاصم

[5] رست سنة ثمانی

[6] و تسعین و خمس مایه

[7] یا رب بیا مرز باهمه

[8] مسلمانان

[1] Это могила Мухаммада, сына

[2] Абӯ Са'да — милость Аллаха

[3] над ним! Смерть его в исчисление

[4] месяца Аллахова ала-ағамм

[5] твердого, года восемь

[6] и девяносто и пятьсот.

[7] Господи! [Да будет] полное единение со всеми

[8] мусульманами!¹

Месяц ал-асамм (т. е. раджаб) 598 г. х. приходится на самый конец марта—апрель 1202 г. н. э.

6. Крупный кусок намогильного кирпича с городища средневекового Башана найден на территории обширного квартала керамистов, расположенного в 200 м к северу от самого Кууртлы-Деле. Размеры кирпича 29 × (29) × × 5,5 см. На лицевой стороне, в отличие от всех предыдущих, фон вырезан на глубину до 3 мм; на нем выступают выпуклые буквы и рельефно вы-

Рис. 6. Кусок кирпича из квартала керамистов средневекового Башана (после 600/1200 г.).

деляется обрамление в виде сложной картушеобразной рамки. Почерк эпиграфии более примитивный, чем на кирпиче из Али-Аскера, и только на двух верхних строках может быть отнесен к разновидностям куфи. Начертания и расположение слов неряшливы. В нескольких случаях имеются точки у буквенных знаков (рис. 6).

[1] حمدين الرحيم

[2] بسم الله الر

[3] هذا ما [? . . . ?]

[4] حسن بن ابراهيم

[5] واقاته في شهر

[6] رجب سنة [. . .]

[7] ودمتمايه

[1] Мило[сердного милостивца]

[2] Во им[я Аллаха все-]

[3] Это убе[жище . . . ?]

[4] Хасана, сына Иб[рахима].

[5] [С]мерть его [по]следовала в [месяце]

[6] раджабе года [. . .]

[7] и шестьсот².

Поскольку археологическим обследованием установлено, что Башан перестал существовать в связи с завоеванием Мервского района монголами в 1221—1222 гг., нужно полагать, что дата не превышала дату 619/1222 г.

¹ Первые слова 7-й строки помогли мне транскрибировать сотрудницы Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР Д. Г. Вороновский и А. К. Мурадов, за что приношу им искреннюю благодарность.

² Ср. формулу: . . . هذا ما يشهد (В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, III, Л., 1929, стр. 114).

Возможно даже, что тогда керамисту было поручено изготовление намогильного кирпича для только что скончавшегося некоего Хасана. Так как заказанная плита осталась на участке, где располагался хумдаи, этот факт также допустимо поставить в связь со страшным разгромом Мерва и его района монгольскими войсками.

Переходя к общей характеристике описанных памятников, следует прежде всего отметить, что большинство из них имеет квадратную или почти квадратную форму с вариантами размеров в пределах от $28 \times 28 \times 5$ до $29 \times 29 \times 5.5$ см. В этом отношении они совпадают с размерами того строительного кирпича, из которого в мавзолее султана Санджара (ум. в 552/1157 г.) выведены основные кладки от фундамента до верхней галереи. Такой же кирпич встречается и на других памятниках Мервского района, например в каравансараях XI—XII вв. в Башане ($29 \times 29 \times 5.5$ см). Несколько меньших размеров был лишь наиболее древний намогильник Абу-л-Касима (толщина кирпича 4 см), и, наоборот, более крупной является кирпичная плита начала XIII в., имеющая к тому же продолговатую форму (42×28 см).

Местное изготовление всех этих намогильников не вызывает сомнения, поскольку широкое производство жженных кирпичей в XI—XII вв. археологическими работами последних лет установлено для всего средневекового Мервского оазиса. Нет ничего невероятного в том, что „столичный“ Мерв выпускал высокого качества кирпичи с эпитафиями, в связи с чем именно оттуда Сам’анй выслаал в Сандж упоминавшийся выше намогильник. Большое значение имеет факт обнаружения шестой из описанных плит среди отвалов из хумдаиов в квартале керамистов городка Башана, лежавшего в свое время на разветвлении торговых караванных путей из Мерва в Хорезм и Согд. Эта, так и не попавшая на кладбище, плита самым местом своего обнаружения уже документально подтверждает не только наличие спроса в сельской округе Мерва на такого рода памятники, что и без того явствует из ареала последних, но и их „провинциальное“ происхождение. Под этим углом зрения становится понятным и недостаточная грамотность составителей текста эпитафий, и невысокое искусство машшаков, и малая опытность резчиков, причем в ряде случаев все эти виды работы выполнялись, вероятно, одним лицом из местных „грамотеев“. Естественно, что лучших мастеров притягивал к себе рынок Мерва, а в сельском районе подвизались второразрядные и третьестепенные ремесленники, невысокая квалификация которых наложила определенный отпечаток на их продукцию в виде отмеченных ошибок в арабском правописании или малой изящности в линиях почерков.

Наши намогильники из сельских районов Мерва интересны также с точки зрения социального происхождения покойников, для которых они предназначались. Любопытно, что все эпитафии прямо не связаны с чиновными людьми или с лицами духовного звания. Нет ни длинных родословных, ни пышных титулов, ни хотя бы почетного прозвища *خواجه*, ни звания *الشيخ*, встречаемых на подавляющем большинстве дошедших до нас средневековых

намогильных кайраков. Скромно указывается, что это — *قبر* 'могила'¹ такого-то, сына такого-то, с упоминанием одних имен. Лишь на плите 508/1115 г. приведено еще и имя деда, опять же без всякой титулатуры. Очевидно, упомянутые на рассмотренных кирпичках покойники принадлежали к имущей среде сельской округи и мелких провинциальных городков и в основном, вероятно, являлись купцами, ремесленниками или владельцами усадеб с некрупными земельными участками при них.

Несколько особняком стоит в этом ряду кирпич 545/1150 г., в эпитафии которого имя покойника дано с упоминанием отца. Отсутствие других подробностей из его родословной намекает, с одной стороны, на возможно не очень знатное (скорее даже именно плебейское) его происхождение, а с другой — на большую популярность этого лица при жизни. Во всяком случае, для своего времени он в глазах людей был, повидимому, „ученым“, очевидно с богословской направленностью. Несколько столетий спустя меджауры, жившие при мавзолее XII в., на кладбище Худай-Назар-Аулия, в видах более успешной эксплуатации „правоверных“ стали выдавать этого Мухаммада за лицо, причастное к мусульманскому духовенству. Это явствует из добавленной к основному тексту эпитафии седьмой строчки, от которой уцелело только слово „имām“. Выцарапанная небольшими буквочками и на незначительную глубину эта поздняя коротенькая надпись в остальной части ныне уже утратилась.

При хронологическом рассмотрении намогильных кирпичей Мервского района наглядно выявляется, что приходящиеся на первую половину XII в. во всех отношениях лучше более поздних. Эпитафии на арабском языке составлены грамотнее. У исполнителей текста еще чувствуется старая каллиграфическая школа, уделявшая много внимания почеркам куфи. Не случайно пока не обнаружено ни одного намогильного кирпича времени так называемой „гузской смуты“, когда сельские районы Мерва тяжело переживали экономический упадок, засвидетельствованный не только письменными источниками, но и археологическими наблюдениями. На последние десятилетия перед монгольским нашествием, т. е. на пору вхождения области Мерва в состав государства Хорезмшахов, приходится два намогильных кирпича.

Описывавшие ужасные последствия монгольского завоевания Средней Азии мусульманские авторы, а за ними и многие европейские историки слишком переоценивали благосостояние страны, в каком она находилась при последнем хорезмшахе Мухаммаде. Работы ЮТАКЭ показали, что степень „процветания“ тогдашнего Мерва сильно преувеличена. В нем самом была заселена только часть площади, которую занимал город при Сельджукидах. В его оазисе многие городки и селения так и не оправались до

¹ В пышных средневековых эпитафиях влиятельных шейхов или светской аристократии довольно часто вместо *قبر* употребляется термин *روضه* — буквально 'сад', метафорически — 'место упокоения', 'успальница', 'могила'.

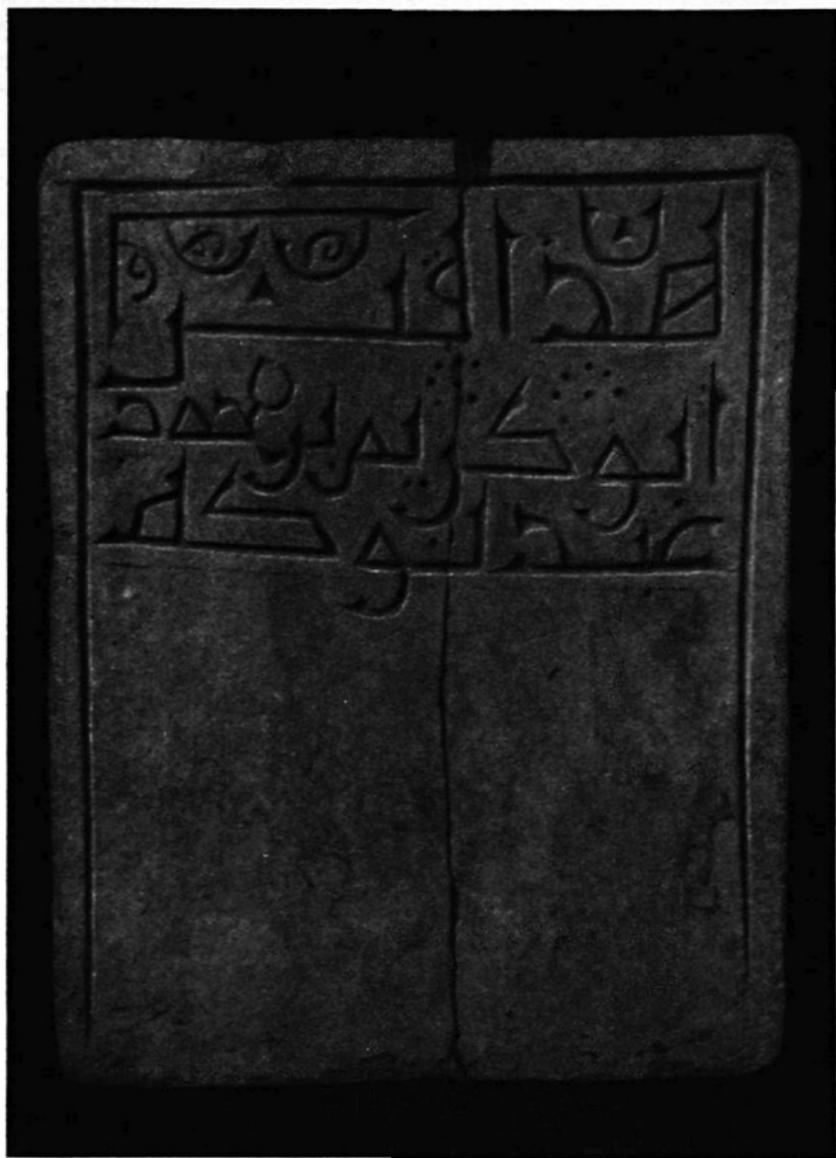

Рис. 7. Кирпич с городища средневекового Мехне (V/XI в.).

самого момента появления монголов, оставались в заброшенном состоянии со второй половины XII в.

Некоторые дополнительные штрихи для характеристики этой эпохи дают наши намогильные кирпичи, по которым чувствуется, что культурный и экономический уровень сельских местностей стал ниже по сравнению с первой половиной XII в. Текст их эпитафий обрамляется то примитивными, то, наоборот, усложненными, но безвкусными картушеобразными рамками. Куфи уступает место более скорописной разновидности почерка группы насх, еще не устоявшейся, требующей большего совершенства в технике исполнения, чтобы передать изящество его стила, а в воспроизведении сельских машшаков выглядящей почти детски-примитивно. В мелких городках составители эпитафий уже плохо владеют арабским языком и делают в правописании ошибки. В арабский текст вставляются отдельные таджикские слова и иногда целые фразы, а обороты, подобные *قبرى محمد*, повидимому, можно рассматривать как своеобразные „таджикизмы“.

В отличие от всех ранее известных средневековых намогильных кирпичей с эпитафиями не только в Туркмении, но и по всей Средней Азии, подавляющее большинство вновь открытых в Мервском районе объектов содержит точные даты. Это делает их особо ценными в эпиграфическом отношении и позволяет теперь легче ориентироваться во всей группе этих памятников.¹

Можно думать, что кирпичи, подобно простым гладким галькам — кайракам, были одними из наиболее ранних намогильных памятников, укладываемых на земляные бугорки мусульманских погребений в Средней Азии. Сперва для этого использовали обыкновенные строительные кирпичи. Позднее на них начали, как и на кайраках,² делать разные знаки. Очень вероятно, что к этой категории следует относить встречающиеся в Мавераннахре раннесредневековые квадратные и продолговатые обожженные кирпичные плитки с оттиснутыми на одной стороне неглубоким штампом кругами, розетками, фигурами зубчатых крепостных кунгра с прорезью и другими изображениями. Лучшая по полноте и разнообразию коллекция их, собранная на городище Рабинджана, хранится в археологических фондах Самаркандского музея и может быть датирована IX—X веками.

¹ В Иране, где имеются аналогичные памятники, датированные объекты попадают нечасто. Так, среди обнаруженных в Исфагане в 1935 г. пяти намогильных кирпичей с куфическими эпитафиями только один имеет дату — раджаб 555/июль — август 1160 г. См.: J. C. Miles. Epitaphs from an Isfahan Graveyard. *Ars Islamica*, v. VI, pt. 2, 1939, стр. 151—157.

² Среднеазиатским мусульманским намогильным кайракам в смысле изучения повезло больше, чем намогильным кирпичам. Первая публикация кайраков связана с работами геолога И. В. Мушкетова (И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886, стр. 397—399). Ими занимались преимущественно русские исследователи: Н. Г. Малицкий, Н. Н. Пантусов, Н. П. Остроумов, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и другие, а за советское время, М. С. Андреев, М. М. Дьяконов, М. Е. Массон.

Отчасти в X, а в основном в XI в. на кирпичах начинают появляться эпитафии, отличающиеся большой лаконичностью, не содержащие еще в себе даты смерти и часто заканчивающиеся каким-нибудь немногословным благочестивым восклицанием. К подобным плитам XI в. относится, между прочим, упоминавшийся выше крупный намогильный кирпич из развалин средневекового Мехне близ Меаны (рис. 7). Его размеры $47 \times 35 \times 5$ см. Большая часть лицевой поверхности оставлена пустой. Эпитафия расположена в три строки и размещена в верхней части кирпича; она содержит всего семь следующих слов: *هذا قبر ابو كويم بن محمد عبد نوگه* 'Это могила Абү Карйма сына Мухаммада Абду Нүга'.

В Согде получают распространение преимущественно небольшие продолговатые намогильные кирпичи ($30 \times 15 \times 4-5$ см³ и др.) с продарапанной полуциркулярной или фестончатой аркой. Из районов правобережного Тохаристана известны пока только квадратные. В областях Мерва и Абиверда преобладают квадратные кирпичи, хотя встречаются и слегка продолговатые с небольшим удлинением по высоте. Местную особенность представляют кирпичи крупных размеров (около 50 см в стороне). Некоторые из них имеют вписанную в прямоугольную рамку многолопастную арку, причем получившиеся тимпаны в виде сферических треугольников заполнены растительным орнаментом.

С течением времени текст эпитафий удлиняется. В начале их появляется „басмала“ или какая-нибудь другая религиозная формула. В конце эпитафий с XII в. начали проставлять даты смерти, а иногда помещать различные благочестивые восклицания. Пока самым ранним датированным объектом является намогильный кирпич № 2 из Мервского района с упоминанием 508/1115 г. Самым поздним датированным средневековым намогильником этой группы на сегодня надо считать кирпич № 6 из Башана начала VII/XIII в.

Так как обожженная глина представляет собой более хрупкий материал, чем естественные гальки из кварцеватого песчаника и других горных пород, до нас дошло небольшое число средневековых намогильных кирпичей, особенно по сравнению с довольно многочисленными кайраками. Вместе с тем, поскольку кирпичи все же очень удобны для помещения на них эпитафий и легко доступны благодаря своей широкой распространенности, к ним иногда прибегали с этой целью и в новое время. Так, ЮТАКЭ в 1947 г. обнаружила несколько таких намогильных кирпичей XVIII—первой половины XIX в. на заброшенном кладбище с западной стороны городища Анау. Обычай класть на могильную насыпь кирпич с надписью широко распространен у разных племен туркменского народа. На ныне действующих туркменских кладбищах в разных районах можно найти немало таких кирпичей, взятых обычно с руин какого-нибудь расположенного вблизи старинного здания. Эпитафии, составленные до революции или в начале 20-х годов нашего века, исполнены насталиком, а иногда неумело переданным куфи (последнее чаще всего на могилах духовенства). Позднее появляются эпита-

фии, написанные реорганизованным при советской власти арабским алфавитом. Наконец, в последнее десятилетие отмечается большое число намогильных кирпичей, эпитафии которых написаны по-туркменски, но русским алфавитом, причем год смерти обозначается уже не арабскими цифрами в европейском начертании.

Средневековые намогильные кирпичи Средней Азии заслуживают пристального внимания историков. Их специальное всестороннее изучение, в частности, даст новый, еще не привлекавшийся районный материал к вопросу об эволюции куфического письма в Средней Азии, начало разработки которого положено трудами В. А. Крачковской.¹ Ей же автор глубоко признателен за уточнения в расшифровке некоторых приводимых в данной статье эпитафий.

¹ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 3—27.

*И. В. МЕГРЕЛИДЗЕ***АРАБСКАЯ АЗБУКА С ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ТРАНСКРИПЦИЕЙ****I**

Древнейшим зарубежным центром развития древнегрузинской литературы являлась основанная в Палестине в 483 г. Саввой грузинская лавра.¹ Здесь поддерживалась та грузинская самобытная культура, которая была создана, росла и процветала в самой древней Грузии. Начиная с VI в. объединились арабы, владычество их усилилось. Они проникли на Кавказ, а следовательно, и в Грузию в конце VII и в начале VIII в., т. е. после того, как арабы при втором халифе 'Омаре (634—644 гг.), в 644 г., временно овладели Арменией, а через несколько десятилетий (736—738 гг.) на еще более короткий срок захватили и Грузию.

Главной причиной арабской экспансии на Кавказе была экономическая заинтересованность — борьба с кризисом скотоводческого хозяйства. Истинные цели прикрывались религиозной борьбой между исламом и христианством.²

Лавра Саввы в Палестине была в полном расцвете³ в VIII—IX вв. Дальнейшее процветание с конца IX в. было приостановлено притеснениями проживавших в Палестине грузин со стороны арабов. Национально и религиозно далекие от грузин, фанатически настроенные в то время, арабы огнем и мечом насаждали свою веру, не щадя грузин-христиан, проживавших в Палестине в своей собственной лавре. Арабы подвергали грузин жестоким преследованиям, стараясь их истребить и разрушить монастырь. Большинство палестинских грузин вынуждено было выселиться из этой местности в более отдаленную и потому более трудно достигаемую арабами, каковой и оказалась высочайшая вершина Синайской горы на Синайском полуострове.⁴

¹ К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 81.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 656.

³ К. С. Кекелидзе. Конспективный курс истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1939, стр. 10.

⁴ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, т. III. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 174. — Ср.: К. С. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I, стр. 84.

Продветание грузинской культуры на Синае, в знаменитом грузинском монастыре св. Екатерины, известно уже в X в. Здесь в основном занимались реставрацией, копированием и описанием более древних грузинских рукописей, в частности рукописей из монастыря св. Саввы, но создавались также и новые памятники.

Грузинские культурные центры за рубежом имели, конечно, не только религиозное значение, но и политическое, так как преимущественно там христианские народы Востока и Запада знакомились с Грузией и начинали считаться с ее политической независимостью. В свою очередь и Грузия приобщалась к культуре соседних христианских и мусульманских народов. После нашествия арабов в VII—VIII вв. на Грузию грузины, как местные, так и находящиеся в арабском окружении, сперва в Палестине, а с X в. и на Синайской горе, считали нужным изучать, а некоторые из них серьезно изучили арабский язык и письменность.

II

Из соответствующей литературы известно, что в грузинских рукописях Синайского грузинского монастыря встречаются следы арабской письменности. Установлено, что в синайских грузинских рукописях менее чувствуется влияние сирийского, чем греческого языка и сравнительно „больше сохранилось следов влияния арабского языка. На Синае найдена арабская азбука для грузин с названием каждой арабской буквы соответствующими грузинскими буквами. На Синае встречались арабские рукописи¹ с грузинской нумерацией тетрадей... и грузинские рукописи с арабской нумерацией (словами)... Наконец, в синайских грузинских рукописях были найдены интересные записи и приписки грузин на арабском языке...“² „Несколько грузинских и особенно арабских записей в грузинских рукописях Синая относятся ко времени упадка грузинского влияния в монастыре св. Екатерины“³.

В „Описании грузинских рукописей Синайского монастыря“⁴ арабские записи и приписки приведены или упомянуты на стр. 218—219 („Евангельские или апостольские чтения“ — рукопись № 81, по А. Цагарели — № 14),⁵ на стр. 273 („Параклитон“ — рукопись № 96), на стр. 246 („Поучения отцов церкви“ — рукопись № 85, по А. Цагарели — № 90). Автор „Описания“ упоминает об одном пергаментном листе, который, по его словам,

¹ Листы одной из них сфотографированы и хранятся в фотоархиве Института истории материальной культуры АН СССР (Ленинград) под шифром 0—698, фотоснимки №№ 4—37 (всего 34).

² Сообщения Русск. правосл. Палестинского общ., т. XIV, ч. II, СПб., 1903, стр. 33.

³ Там же, стр. 45.

⁴ И. В. Мегрелидзе. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. Л., 1940.

⁵ А. А. Цагарели. Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. II. СПб., 1889.

содержит „обычную арабскую приписку — проклятия тому, кто унесет рукопись с Синая“. Имеются и фотоснимки, среди которых попадаются листы с арабскими пометками, не упомянутые в „Описании“.

Во второй книге „Описания“ на грузинском языке (Тбилиси, 1947 г.) под заглавием „Описание грузинских рукописей Синая“ И. А. Джавахишвили об арабских записях или приписках говорится на стр. 151 („Слова Григория Богослова“ — рукопись № 79, по А. Цагарели — № 88), на стр. 157 („Слова Исаака Сирина и жития“ — рукопись № 80, по А. Цагарели — № 87) и др.

В частности, о той арабской азбуке, о которой было выше упомянуто (рукопись № 78, по А. Цагарели — № 89), И. А. Джавахишвили замечает, что в рукописи, состоящей из двух различных частей, на листе 306 „имеется арабская азбука, причем под каждой буквой подписаны арабские названия грузинскими буквами“ (стр. 125). Об этом же рукописном листе 306 на стр. 127, пункт 14, в „Описании грузинских рукописей Синая“ И. А. Джавахишвили повторяет: „Л. 306, арабская азбука с груз. транскрипцией“, а на стр. 316 эта рукопись датирована 1031 годом (251+780) или 1563 годом (по последующему обращению 251+1312). Последняя дата, конечно, отпадает, хотя это посмертное издание обычно точного И. А. Джавахишвили, вследствие слабой корректуры в целом, не внушает нам особого доверия и в отношении цифр¹ (см. рисунок, стр. 40—41).

Вышеупомянутая дата 1031 г. рукописи № 78 (по А. Цагарели — № 89) подкрепляется и описанием этой рукописи со стороны А. Цагарели, который писал: „Параклитон, 7 в. дл., 4½ шир., 250 л. на пергаменте. Письмо красивое, мелкое, продолговатое, афонское, с прекрасною багровою заставкой посередине и разноцветными инициалами. В конце рукописи имеется запись основателя Крестного монастыря Прохора... рукопись X—XI вв.“²

Прохор, ученик Иоанна апостола, основал Крестный монастырь именно в первой половине XI в., и дата рукописи — 1031 г. — вполне возможная. Следовательно, перед нами фотоснимок из рукописи первой половины XI в.

¹ Достаточно указать, что согласно этому изданию рукопись № 13 на пергаменте датирована 1946 годом (см. стр. 315), а на стр. 137 та же рукопись № 13 датирована 1046 годом, в самом тексте рукописи стоит дата буквами: $\text{v}^{\text{e}}\text{g}$ (стр. 33), что означает цифрами 264 год (+780) = 1044 год. В книге нет указаний и на соответствующую литературу; например рукопись № 36 (стр. 74—83, 238) была опубликована еще в 1913 г. самим И. А. Джавахишвили (Слово св. Иоанна Златоуста о врожденном и предопределенном добре и зле, в древнегрузинском переводе. Христианский Восток, т. II, вып. III, СПб., 1914, стр. 275—289). Не указываются тексты, повторяемые в означенной книге (ср.; например, стр. 17 со стр. 184; 190 с 192 и 193; 26 с 171; 45 с 236; 8 с 236, и др.), где они читаются по-разному. Хорошо, что книга снабжена указателями по обеим частям описания, но и здесь наблюдается непоследовательность: по первой книге ссылки указаны по страницам, а по второй по номерам рукописи. Кроме того, в указателях можно заметить ряд пропусков.

² А. А. Цагарели. Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. II. СПб., 1889, стр. 28—29.

с арабской азбукой и с названиями букв в грузинской транскрипции (см. ниже). Правда, грузинские буквы писаны над арабскими другим писцом, но и последние, по крайней мере по грузинским палеографическим признакам, не намного позднее по времени сравнительно с самой рукописью. Разница между основным евангельским текстом и арабско-грузинскими приписками может исчисляться лишь десятилетиями, а не веками. Именно в XI в. большое число грузин было послано на Синай для обучения.

Учитывая научное значение этого листа, мы намеревались приложить его к иллюстрациям „Описания грузинских рукописей Синайского монастыря“ (1940 г.), но воздержались лишь потому, что лист этот относился к тогда еще не изданной части „Описания грузинских рукописей Синая“ И. А. Джавахишвили. Мы полагали, что лист найдет свое место в последней книге (1947 г.); вышла и эта вторая часть, но без всяких иллюстраций.

III

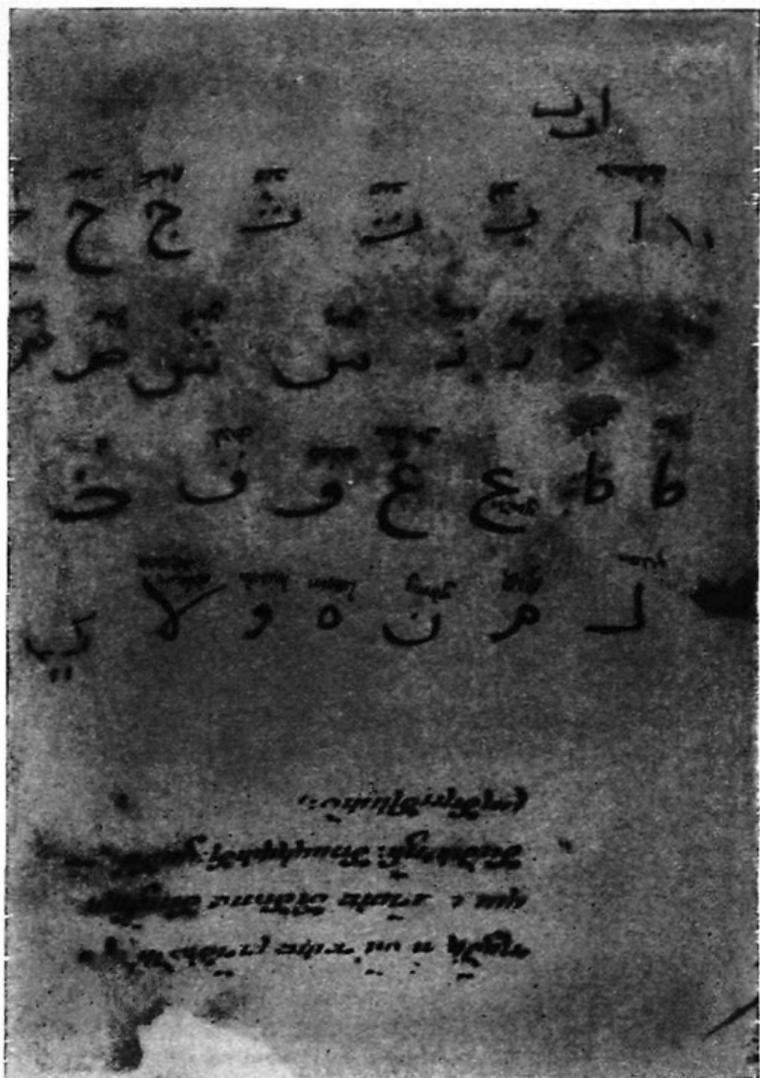
Описывая лист 306 грузинской рукописи № 78 Синайского монастыря, мы обращаем внимание на то, что сверху лист содержит 3½ строки незаконченной рукописи грузинского текста. Написанное является продолжением листа 30а, а сам текст, как правильно писал державший его в руках И. А. Джавахишвили, содержит отрывок из евангелия Марка (см. его „Описание“, стр. 127, пункт 13).

На нижней, раньше свободной части листа начата с конца (т. е. писец держал лист перевернутым, концом вверх) арабская азбука; грузинские надписи над арабскими буквами тоже находятся в обратном положении к верхнему грузинскому тексту, но правильно стоят над арабскими буквами. Все названия арабских букв на листе написаны древнегрузинским строчным письмом ბჟბჟგნ — „нусхури“.

Арабские буквы означенного листа представляют собой полный арабский алфавит (азбуку) и заслуживают особого внимания еще и тем, что в грузинской передаче замечательным алфавитным письмом арабские названия букв представлены полностью, так как в названиях имеются и гласные. Сохранились названия некоторых арабских букв в армянской рукописи XV в.,¹ но в ней азбука не полная и порядок не арабской азбуки. Они более позднего времени и, следовательно, не представляют той ценности, какую представляет исследуемый нами лист рукописи Синайского монастыря № 78. Грузинские буквы писаны слева направо, а арабские по обычной манере — справа налево.

Порядок букв арабской азбуки нашего листа и их названия те же, что и в классическом и современном арабском литературном языке, и если в названиях букв обнаруживаются отдельные незначительные отклонения

¹ А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Отгиск из „Известий ИЯИМК Груз. фил. Акад. Наук СССР“, т. IV, Тбилиси, 1938, стр. 24—27.

Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией из грузинской рукописи 1031 г. с Синая.

15.	ح	ჰჷჰ	ღჲ	dāḥ
16.	ط	ტჷ	ფ	tā
17.	ظ	ჰჷჰჷ(?)	ღჲj(?)	zā
18.	ع	ჲჷჲ	ღჲბ	'ayn
19.	غ	ჲჷჷჲ	ღჲბბ	ghayn
20.	ف	ფჷ	ფჷ	fā
21.	ق	ყჷყ	ყჷყ	qāf
22.	ك	[k]ჷყ	j(?)ჷყ	kāf
23.	ل	ლჷლ	ღჲლ	lām
24.	م	მჷმ	მჲმ	mīm
25.	ن	ნჷნჲ	ბჷბ	nūn
26.	و	ჲჷჲჲ	ჰჲჲ	wā
27.	و	ჲჷჲჷჲ	ჰჲჲ	vāw
28.	ي	ჲჷჲჷჲჷ	ღჲჲ- ღჲჲჲ	lām- alef
29.	ي	—	—	yā.

Обычный для того времени арабский почерк насх, порядок и количество букв, за исключением lām-алифа перед последним знаком ي йā (что иногда встречается), на нашем листе такие же, какие имеются в литературном арабском языке.¹ Незначительные отклонения от классического арабского в названиях букв следующие:

Алиф; эту букву называли и называют так в арабском и в персидском.² На нашей таблице 3-я и 4-я буквы по-грузински названы одинаково. Хотя эта 4-я буква — не *mā* и теперь передается как *mā*, но грузинский алфавит, не имея ее грузинского соответствия, лишил возможности переписчика отличить ее от 3-й буквы; тем более, что *t mā* и *ṭ mā* — звуки одного ряда. Очевидно, для автора буква *ṭ mā* и ее произношение были ближе с буквой *t mā* и с ее названием, чем с *ṭ* и с грузинским произношением грузинской буквы ლ — *sa*.

11-я буква — *z ā* (или *zāḷ*)³ названа *zel*, что тоже нередко встречается.

В грузинской транскрипции название 14-й буквы — *ṣād*, начальная буква *ṣ* (с) стерта, но остались следы, указывающие на ее существование.

Название 17-й буквы *z ā* в грузинской транскрипции звучит *zāj daq daḥ*. Нужно полагать, что здесь мы имеем влияние диалектного произношения. На Мальте этот звук произносят как *d*, а горожане — как *m*, *d*, *d*,

¹ Н. В. Юшманов. Грамматика литературного арабского языка, под редакцией и с предисловием И. Ю. Крачковского. Л., 1928, стр. 1, табл. 1. — Ср.: Ю. Н. Марр и И. В. Мегрелидзе. Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов. Л., 1933, стр. 9, табл. 1.

² Е. Э. Бертельс. Грамматика персидского языка. Л., 1926, стр. 6.

³ Там же.

хотя и ранее его произносили как с, з, з.¹ Повидимому, писцу был ближе тот диалект, в котором ლ произносился более д-подобно.

18-я буква алфавита ე 'айн в грузинской транскрипции названа ლბ ჭიპ გინ. Это отчасти объясняется и тем, что в грузинском подобного звука не было, а автор использовал наиболее близкий по произношению звук и его написание (букву). Он не ошибся; в оригинале алфавита это единственная буква, над которой не стоит грузинская надпись, и она вписана в нижней части самой буквы.

В транскрипции 22-й буквы стерта первая буква ჟ q (კ) [კ]აფ.

26-я буква — ო ხა в грузинской транскрипции звучит ჰე, а 27-я — ვაу вместо ვაუ.

28-й знак უ — не буква, а сочетание двух букв — ლამ-ალიფ, вязь, которую в качестве самостоятельного знака (для печати и существует такая лигатура) ставят в конце алфавита, но здесь этот знак (вязи) стоит на предпоследнем месте, а за ним идет 28-я, последняя буква უ ია. Буква ია названия в грузинской транскрипции на нашем листе не имеет, хотя соответствующую букву (ა) грузинский алфавит и имел.

В заключение нужно заметить, что, судя по почерку арабских и грузинских букв и, в особенности, по проявленной в грузинской транскрипции лингвистической даровитости, писец был прекрасно осведомленным человеком в обоих языках и видно, что уже тогда существовала крепко укоренившаяся традиция изучения арабского письма грузинами на Синае. Об этом свидетельствуют также и вышеупомянутые арабские приписки и записи в грузинских рукописях. По всем данным, они писаны грузинами, ибо, если даже отбросить все остальные признаки, для чего нужно было бы арабу писать „проклятия тому, кто унесет грузинскую рукопись с Синая“?

¹ Н. В. Юшманов, ук. соч., стр. 10.

*Е. А. ДАВИДОВИЧ***ТЕРМЕЗСКИЙ КЛАД МЕДНЫХ ПОСЕРЕБРЕННЫХ ДИРХЕМОВ 617/1220 г.**

Одним из интереснейших периодов в истории денежного обращения средневековой Средней Азии является XIII век, когда монетный чекан постепенно преодолевал серебряный кризис. В этом столетии, как в фокусе, сосредоточились и старые и новые явления чекана и обращения монет. Поэтому это столетие наиболее выпукло должно продемонстрировать и особенности денежного обращения периода развития серебряного кризиса, и те новые явления, которые должны были сопутствовать выходу из него. С точки зрения денежного обращения это переходное столетие должно также показать яркую картину особенно острых противоречий и столкновений между различными слоями общества на почве их разного отношения к чекану и обращению денег. Не случайно в этот период появляются на монетах „угрожающие надписи“ вроде: „Кто в Самарканде и его окрестностях эту монету не станет брать — будет виновен!“.

С точки зрения династической принадлежности монеты этого периода для территории Мавераннахра охватывают чекан последних Илеков, Х̄брезмш̄ахов, Ануштегинидов и Джагатаидов и еще некоторых других правителей Средней Азии. Известное количество монет этих династий XIII в. опубликовано в литературе главным образом в порядке каталожного описания. Имеются также интересные отдельные статьи, посвященные некоторым частным вопросам. Для изучения денежного обращения наличествующий материал пока еще не достаточен. Поэтому первоочередной задачей в настоящее время является дальнейшая и подробная (со всеми необходимыми данными в части надписей, эпиграфических особенностей, типа, веса, размера и т. д.) публикация самих монет, самого источника. Это в некотором роде должно напоминать критическое издание рукописей и документов как необходимый первый этап, за которым последует уже обобщающее исследование.

Данная работа поэтому и не ставит перед собой иных задач, кроме чтения надписей и анализа одного неопубликованного клада XIII в., а также постановки и решения некоторых исторических и экономических вопросов, подсказанных материалом разбираемого клада.

I

Клад медных (бронзовых?) посеребренных монет, состоящий из 78 экземпляров, был найден на городище древнего Термеза, в 300—400 м от цитадели, и хранится ныне в Сурхан-Дарьинском областном краеведческом музее.

На всех монетах можно полностью или почти полностью прочесть надписи центральной части обеих сторон; круговая же надпись с выпускными сведениями на большинстве монет сохранилась лишь частично, так что целиком была прочтена только на 20 экземплярах, а на 25 монетах выпускные данные полностью отсутствовали. Иногда причиной такого отсутствия выпускных сведений была не только быстрая стираемость именно краев монеты, но и довольно обычное для средневекового чекана смещение штампа относительно монетного кружка, так что надпись с одной стороны оказывалась вне монеты, а с другой оставалось свободное поле.

В целом, однако, нужно отметить аккуратность самих монетных кружков: разница в наибольшем и наименьшем диаметре не превышает 1—2 мм (см. таблицу на стр. 48), и все же обычно штампы помещены довольно точно. Последние

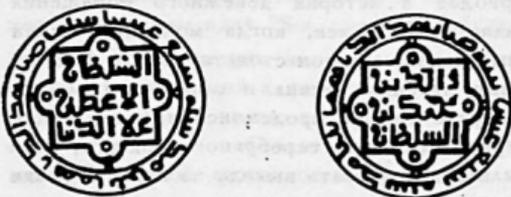

Рис. 1. Реконструкция 1-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.

не, вместе с тем, не были сопряжены, в силу чего взаимонаправления лицевых и оборотных сторон монет — самые разнообразные. На некоторых монетах можно видеть следы двойного смещенного удара, что также является техническим изъяном.

По внешнему оформлению, содержанию и составу надписей монеты клада могут быть разделены на два типа, различающиеся также размерами и весом самих монетных кружков.

Тип 1 представлен тремя экземплярами (Таблица, №№ 1—3), чеканенными от имени Мухаммада Хорезмшаха (1200—1220) в Термезе в 617/1220 г. (рис. 1).

Лиц. В фигурном картуше на трех строках помещена часть титулатуры султана *السُلْطَانُ الْاَعْظَمُ عَلَا الدُّنْيَا* 'Султан величайший, высота мира'. По четырем сторонам внутри картуша — четыре колечка-орнамента. Круговая надпись между двумя линейными ободками:

ضرب هذا الدرهم بترمذ سنة سبع عشر ستما [ية]

'Чеканен этот дирхем в Термезе в 617 г.'

Об. В фигурном (как на лицевой стороне) картуше — оставшая часть титулатуры султана и упоминание его отца: *الدين/محمد بن/السُلْطَانُ* 'и веры, Мухаммад сын султана'. Внутри картуша — колечки-орнаменты, как на лицевой стороне (описание дано по реконструкции типов).

Тип 2 представлен 75 экземплярами (таблица, №№ 4—78), чеканными также от имени Мухаммада Хорезмшаха и также в Термезе в 617/1220 г. (рис. 2).

Лиц. В центре поля изображен лук со стрелой,¹ по четырем сторонам которого расположена часть титулатуры султана: السلطان الاعظم 'Султан величайший, высота мира и веры'. Сверху — علا الدنيا/والدين 'Султан величайший, высота мира и веры'. Сверху — قارارى 'непоколебимый', снизу — орнамент. Круговая надпись между двумя линейными ободками, как у типа 1, с добавлением в конце الملك لله или الملك اله 'Власть [принадлежит] богу'.

Об. В фигурном картуше оставшая часть титулатуры султана и упоминание его отца: ابو الفتح/محمد بن السلطان 'Отец победы, Мухаммад сын султана'. По четырем сторонам внутри картуша — четыре колечка-орнамента. Круговая надпись между двумя линейными ободками, как на лицевой стороне.

Таким образом, для обоих типов характерны две группы надписей: имя государя с титулом в поле на обеих сторонах монетных кружков и выпускные сведения в круговой легенде, дважды повторенные на двух сторонах. На монетах 2-го типа имеется, кроме того, эпитет قارارى 'непоколебимый'.

Правило помещения почетного эпитета в начале надписи одной из сторон монетного кружка унаследовано еще от чекана Илеков, однако эпитеты, прилагаемые к Мухаммаду Хорезмшаху на его монетах, весьма разнообразны в чекане разных монетных дворов и даже в чекане одного города из года в год менялись. По опубликованным в литературе монетам можно, например, проследить ежегодную (а иногда и еще более частую) смену эпитетов в чекане Самарканда. Однако эпитет قارارى «кэрари», прочтенный на разбираемых термезских монетах клада, в литературе для монет Мухаммада Хорезмшаха еще не отмечался.

Титул, использованный на монетах разбираемого клада, представлен двумя вариантами: السلطان الاعظم علا الدنيا و الدين 'Султан величайший, высота мира и веры' на монетах первого типа, с добавлением ابو الفتح 'Отец победы'

Рис. 2. Реконструкция 2-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.

¹ Изображение на монетах лука со стрелой не является индивидуальной принадлежностью данной группы монет, ибо может быть отмечено и до и после этого, например, на медных илских монетах (неопубликованный экземпляр, хранящийся на Кафедре археологии Средней Азии САГУ), на серебряных анонимных дирхемах Чингизидов (Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, стр. 47, № 1143), на медной самаркандской монете 624 г. х. (В. Г. Тизенгаузен. Нумизматические новинки. ЗВО, т. VI, стр. 153) и т. д.

во втором типе. Оба варианта этого титула весьма распространены в чекане Мухаммада Хорезмшаха, хотя не являются единственными. Изучение опубликованных и значительного числа неопубликованных его монет позволило уже сейчас выявить в его титулатуре восемь вариантов (см. ниже), не считая почетных прозвищ вроде „второго Александра“ и т. д. Однако титул, принятый на термезских монетах, считался, видимо, самым почетным. Между прочим, он использовался на золотых монетах, а на медных особенно часто отмечается в чекане южных областей владений Мухаммада.

Титулы Мухаммада Хорезмшаха по данным монетного чекана

‘Султан’	1. السلطان
‘Султан величайший’	2. السلطان الاعظم
‘Султан справедливый, величайший’	3. السلطان العادل الاعظم
‘Султан величайший, отец победы’	4. السلطان الاعظم ابو الفتح
‘Султан справедливый, величайший, отец победы’	5. السلطان العادل الاعظم ابو الفتح
‘Султан величайший, высота мира и веры’	6. السلطان الاعظم علا الدنيا و الدين
‘Султан величайший, высота мира и веры, отец победы’	7. السلطان الاعظم علا الدنيا و الدين ابو الفتح
‘Султан возвеличенный, высота мира и веры, отец победителя’.	8. السلطان المعظم علا الدنيا و الدين ابو المظفر

Круговая надпись рассматриваемых термезских монет с точки зрения эпиграфической дает наибольшее число незначительных, правда, вариантов в начертании отдельных букв и слов, что более всего относится к обозначению сотен в датах, наименованию города и благочестивому восклицанию в конце.

Благочестивое восклицание это на некоторых монетах вовсе отсутствует: резчик штампа плохо рассчитал расстояние и даже слово „сотен“ иногда не смог поместить полностью. Иногда же наличествуют отдельные буквы, и только на нескольких экземплярах удалось видеть его в наиболее полной форме *المسك لله* ‘Власть (принадлежит) богу’.

Дата на термезских монетах обозначена тремя арабскими словами-цифрами без соединительных союзов, причем обозначение сотен часто написано не полностью, иногда даже с ошибками или вообще несколько условным начертанием.

Благодаря уже отмеченной выше худшей сохранности круговых легенд прочесть дату полностью удалось на 27 экземплярах, а еще на 18 — целиком, без одного какого-либо слова даты. Но остальные монеты, совершенно аналогичные по типу и иногда даже вышедшие из-под одних штампов с датированными, могут вне всяких сомнений считаться чеканенными в том же 617/1220 г.

Наибольшее число вариантов дает начертание наименования города, особенно в части буквы *ra*, которая то поднята вверх дужкой, то показана в виде скобки или даже опущенной вниз палочки. Наименование города удалось прочесть на 35 экземплярах, но по только что указанным соображениям остальные также должны считаться принадлежащими выпуску Термеза.

На монетах 617/1220 г. слово „Термез“ имеет наиболее обычную форму с буквой *dal* на конце, которая может считаться и как *dal*, так как диакритические знаки в круговых легендах разбираемых монет отсутствуют. Вообще же в чекане, как и у восточных авторов, единой формы наименования этого города нет. Например, два типа неопубликованных надчеканов Термеза, относящихся к более позднему времени, к концу XV—началу XVI в., и зафиксированных на медных монетах так называемого „Ангренского клада“, хранящегося на Кафедре археологии Средней Азии САГУ (Ташкент), показывают совсем иное начертание, с буквой *ra* (без точки) — *تومز*.

Чекан Термеза с именем Мухаммада Хорезмшаха до сих пор не был известен. Во всяком случае, в доступной мне литературе крупные медно-бронзовые термезские монеты Мухаммада не упоминались.¹ Не встречались таковые и М. Е. Массону, поэтому в его лекциях по нумизматике Средней Азии (САГУ, 1943 г.) в перечне монетных дворов, функционировавших при Мухаммаде Хорезмшахе, Термез отсутствует. В сводке же О. Кодрингтона для Термеза приводится чекан только Аббасидов, Саманидов, Джагатайдов и Тимуридов.² Монеты Термезского клада чекана Мухаммада Хорезмшаха позволяют уточнить список О. Кодрингтона и заполнить странную с исторической точки зрения лауну между саманидским и джагатайдским чеканами Термеза, ибо город Термез именно уже после Саманидов, в XI—начале XII в., по археологическим данным, достиг большого расцвета.³

К пополненному списку династий и государей, при которых в Термезе был свой монетный чекан, можно прибавить еще Шейбанидов, когда (во всяком случае, в начале XVI в.) монетный двор Термеза продолжал функционировать. На это указывает один из двух упомянутых надчеканов (в фигурном картуше с легендой *تومز عدل*), сделанный одновременно в Термезе, Бухаре, Хисаре и Чаганиане. Наблюдения и сопоставления различных прямых и косвенных данных позволяют заключить, что надчекан этого типа во всех названных пунктах был сделан в правление основателя государства Шейбанидов, Мухаммад Шейбани хана, не ранее 912/1506—1507 г., но и не позже 913/1508—1507 г.

¹ А. К. Марков (Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 297, № 4) привел золотую монету другого хорезмшахского государя — Султан Шах Махмуда (1171—1193), чеканенную в Термезе.

² O. Codrington. A manuel of musulman numismatics. London, 1904, стр. 146.

³ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, ТАКЭ 1936 г., Ташкент, 1940, стр. 95—97.

Таблица веса и диаметров монет термезского клада

№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм	№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм	№ п/п.	Вес в г	Диаметр в мм
1	3.34	28—29.5	27	4.34	32—33	53	4.50	32—31
2	3.58	28—28.5	28	5.00	32—33.5	54	5.02	33—34
3	2.93	26—27	29	5.39	32—32	55	5.10	33—34
4	4.73	33—33.5	30	3.98	32.5—33	56	4.66	32—34
5	4.84	33—34	31	4.50	32—33	57	4.85	33—33
6	3.78	33—33	32	4.71	32—32.5	58	4.85	32—33
7	4.48	33—33.5	33	4.62	33—34	59	4.40	33—34
8	4.56	33—34	34	4.76	32.5—33.5	60	4.43	32—33
9	4.38	32—33	35	3.85	32—33	61	4.33	33—35
10	3.96	33—33	36	4.02	32.5—33	62	4.30	33—34
11	4.23	33—34	37	4.68	33—33	63	4.98	32.5—33
12	4.68	32—33	38	5.00	33—34	64	4.18	32—33
13	4.95	34—35	39	4.25	32—33.5	65	4.05	32—32.5
14	4.54	33—34	40	3.23	31—32	66	4.40	32—32
15	4.95	33—33	41	4.68	33—34	67	4.41	32—33
16	4.00	33—34	42	4.81	33—34	68	3.37	31—31
17	6.00	33—33	43	4.95	33—33	69	4.73	31—32
18	5.49	33—33	44	4.57	33—33	70	4.10	32—34
19	3.87	33—34	45	4.32	32—33	71	5.96	33—33
20	4.29	33—35	46	4.94	32—32.5	72	3.64	31—32
21	4.43	33—33.5	47	5.20	33—33	73	4.87	31—32
22	3.32	32—31.5	48	4.52	33—34	74	4.25	32—33
23	5.30	32—33	49	4.43	32—33	75	4.35	32—34
24	4.89	32—32	50	4.12	33—33	76	4.92	32—33
25	4.55	32—32	51	5.01	32—33	77	4.95	32—32
26	4.55	32—33	52	5.09	31.5—33	78	4.93	33—33

Как выше уже отмечалось, монеты клада показывают два типа, настолько различные один от другого своим внешним оформлением и частично даже содержанием надписей, что они легко и просто могли быть различаемы сразу, по одному лишь внешнему виду. Так как оба типа выпущены в одном городе и в один год, естественно возникает предположение, что это не два последовательных чекана, а два одновременных, но разных номинала, что подтверждается размером и весом монетных кружков.

Монеты 1-го типа имеют диаметр, в среднем равный 28 мм, а монеты 2-го типа — диаметр, в среднем равный 33 мм (см. таблицу). Разница диаметров в 0.5 см достаточна, чтобы по размеру эти типы также считать легко отличимыми.

Различен и вес монет этих двух типов. Три монеты 1-го типа весят 2,9, 3,3 и 3,6 г, т. е. в среднем более 3 г.¹ Вес же основной массы монет (более 93%) 2-го типа колеблется в пределах 3,8—5,3 г, а для большинства монет даже в более узких пределах 4,2—5,0 г, что дает средний вес 4,6 г.

В силу стираемости монет при обращении средний их вес всегда несколько ниже законного, первоначально установленного для определенной группы монет. В данном же случае средний вес рассматриваемой группы монет несомненно должен быть ниже законного веса, так как выпуск термезских монет 617/1220 г. был произведен (во всяком случае, в основной массе) не непосредственно из металла, а путем перечеканивания каких-то старых монет. Так как при этом перечеканивании полного переплавления старых монет на металл не делалось, новые монеты в наследство от старых должны были получить уже несколько потертые монетные кружки. Факт простого перечеканивания устанавливается тем обстоятельством, что минимум на 14 экземплярах удалось наблюдать следы картушей и даже надписей старого типа, сохранившиеся из-за недостаточного накалывания монетного кружка при перечеканивании. В некоторых случаях удалось даже установить, что монеты старого типа имели то двойные квадратные картуши на обеих сторонах, то квадратный картуш на одной стороне и двойной линейный ободок на другой. На одной монете удалось даже прочесть часть даты ее первого выпуска, дающей 610 или 616 г. х.

Таким образом, рассматриваемые монетные кружки дважды несколько теряли свой вес вследствие неизбежной стираемости при обращении; правда, во второй раз эти потери не могли быть большими, ибо монеты в состоянии хорошей сохранности уже попали в клад и перестали обращаться. Все это, однако, предположительно позволяет — пока без дальнейшего уточнения — считать законный вес монет 2-го типа несколько менее 5 г, но выше 4,6 г.

Итак, разный вес, размеры и внешнее оформление двух типов медно-бронзовых монет клада с несомненностью указывают на то, что они представляют собой два разных номинала с установленным, определенным отношением между ними. Так как средний вес монет 2-го типа больше среднего веса монет 1-го типа в полтора раза, логичнее всего было бы считать два эти номинала относящимися один к другому, как 1,5:1. Вместе с тем оба эти номинала в круговых легендах поименованы одинаковым термином „дирхем“, из чего следует, что сам этот термин не только мог быть наименованием основного номинала, но был также собирательным названием для целой группы монет, вне зависимости от индивидуального достоинства каждой.

В научной литературе крупные монеты Мухаммада Хорезмшаха считались до сих пор медными и иногда даже ошибочно именовались „фельсами“. Монеты клада позволяют совершенно пересмотреть эту точку зрения и по-новому представить себе чекан и обращение в период начала выхода

¹ Весовые различия отдельных экземпляров в определенных пределах вполне закономерны и обычны для средневековья с его примитивной техникой и чеканом на основе монетной стопы.

Средней Азии из серебряного кризиса. Дело в том, что на нескольких монетах клада удалось отметить ясные следы покрывавшего их когда-то тонкого слоя серебра. Следовательно, внешне эти монеты выпускались как серебряные, почему получали и соответствующий курс относительно золотых монет. Отсюда следует, что термин „дирхем“ в XIII в. прилагался не просто к медно-бронзовым монетам, а к государственным фальсификатам, которые в момент выпуска имели вид серебряных монет и должны были обращаться как серебряные. Иначе говоря, термин „дирхем“ в чекане Мухаммада Хорезмшаха был собирательным названием для группы именно посеребренных монет и собственным наименованием основного, внешне тоже „серебряного“ номинала.

Между прочим, в литературе упоминаются не только медные и золотые, но и настоящие серебряные монеты Мухаммада ибн Текеша.¹ Редкость таких упоминаний могла намекать на случайную ошибку в определении металла, а после установления факта серебрения медных монет Мухаммада можно было видеть в этих экземплярах просто хорошо сохранившие свою серебряную оболочку медные монеты. Однако ознакомление в натуре с эрмитажным экземпляром, описанным А. К. Марковым, убедило в том, что металл его — настоящее серебро. Следовательно, в некоторых областях Мухаммад ибн Текеш делал попытки выпускать настоящую серебряную монету, подмешивая ее для поднятия денежного обращения к своим медным фальсификатам под серебро. Но небольшие размеры такого подмешивания, практически не улучшая денежного обращения, должны были приводить только к быстрому исчезновению серебряных монет, ибо по законам экономики при одновременном обращении плохих и хороших монет первые всегда вытесняют вторые.

Дальнейшая эволюция термина „дирхем“ привела к тому, что на джагатайдских монетах XIII в. он стал употребляться уже во множественном числе,² так что сохранил за собой, видимо, уже только одно собирательное значение, перестав быть одновременно наименованием основного номинала.

Год чекана всех монет клада 617/1220 г. может свидетельствовать, что перед нами именно клад, упятанный в период, близкий ко времени после монгольского завоевания или даже связанный с этим завоеванием, тяжело сказавшимся на самом Термезе. Укрепления города несомненно были разрушены, после чего древний город в приамударьинской части быстро пошел к упадку и вскоре зародыш нового города наметился к востоку от него.³

¹ E. Thomas. On the coins of the kings of Gazni. JRAS, vol. IX, 1848, стр. 381—383. — St. Lane-Poole. Catalogue of the Mohammedan coins preserved in the Bodleian Library at Oxford. Oxford, 1888, стр. 21, № 401. — А. К. Марков, ук. соч., стр. 299, № 31.

² Е. А. Давидович. Клад медных джагатайдских монет XIII в. Доклады АН УзССР, 1949, № 6, стр. 37—38. Факт серебрения более поздних джагатайдских медных монет третьей четверти XIII в. уже отметила Э. А. Альхамова в статье „Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х.“ (Труды САГУ, Новая серия, вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 69 и сл.).

³ М. Е. Массон. Городища старого Термеза... стр. 101.

В литературе отмечены довольно многочисленныеклады золотых монет Мухаммада Хорезмшаха иликлады с его монетами.¹ Остановиваясь на этом факте, М. Е. Массон объяснял его именно тревожностью и неуверенностью положения, связанными с монгольским завоеванием. Несомненно, образование термезскогоклада относится к явлениям того же порядка, т. е. вызвано не какими-либо экономическими причинами, а в данном случае политической ситуацией.

II

В надписях разбираемых монет термезскогоклада обращает внимание отсутствие имени халифа Насира, которое проставлялось не только на золотых монетах Мухаммада, но часто и на медных. Этот факт очень интересен в свете известий письменных источников о чрезвычайно напряженных и даже враждебных отношениях между султаном и халифом.

После окончательного присоединения владений Гуридов и подчинения Персии у Мухаммада среди светских государей уже не было серьезных соперников. Однако он потерпел первую крупную неудачу, когда потребовал от халифа, чтобы тот ввел хутбу на его имя, т. е. отказался в его пользу от светской власти так же, как это уже имело место при Буидах и Сельджукидах. Получив отказ, Мухаммад объявил халифа недостойным этого сана под предлогом, что в Газне были обнаружены документы, свидетельствующие о попытках халифа натравить Гуридов на Мухаммада. Получив соответствующую фетву от *„имамов своих владений“*, Мухаммад объявил халифа Насира изложенным, отменил упоминание его имени в хутбе и на монетах и провозгласил халифом Сейида 'Аля ал-Мулька Тирмизий. Таким образом, походу на Багдад был придан характер законности, но посланный зимой 1217 г. отряд был застигнут снежными бурями, понес к тому же значительные потери, так что лишь небольшая часть вернулась к Мухаммаду.

Свидетельства источников о дальнейших действиях и замыслах султана расходятся. По одним источникам, Мухаммад не забыл о своей мести и, прибыв в феврале 1218 г. в Нишаур, объявил халифа умершим и велел исключить его имя из хутбы, что было сделано также в других городах (в Мерве, Балхе, Бухаре и Серахсе), но на Хорезм, Самарканд и Херат это не распространялось. Другие же источники свидетельствуют, что после неудачного похода на Багдад Мухаммад искал примирения с халифом. В. В. Бартольд последнее считает очень вероятным как уступку общественному мнению и допускает исключение имени халифа из хутбы до похода

¹ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии с 1917 по 1927 г. Изв. Среднеазиатского комитета, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 289. — Он же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. Научная мысль, вып. 1, № 1, Самарканд—Ташкент, 1930, стр. 87.

на Багдад. Имя же 'Алā ал-Мулька Тирмиййī на монетах не встречается и о дальнейшей его судьбе ничего не известно.¹

Данные нумизматики показывают, что в некоторых городах имя халифа Насира действительно не было исключено из хутбы, коль скоро оно до конца фигурирует на монетах. В этом отношении показателен чекан Самарканда, где имя халифа на крупных медно-бронзовых кружках проставлялось все время и до и после похода на Багдад, вплоть до 616/1219—1220 г.² Вместе с тем в чеканке других городов имя халифа отсутствует. Примером в первую очередь могут служить крупные (диаметром в 27—28 мм) медно-бронзовые монеты Бухары, в частности две, опубликованные Х. М. Френем,³ выпуска 611 или 612/1214—1216 гг. (дата полностью не сохранилась), а также неопубликованные монеты Бухары 612/1215—1216 г., хранящиеся на Кафедре археологии Средней Азии САГУ и в Республиканском музее культуры узбекского народа в Самарканде (инвентарных номеров не имеют). Эти монеты свидетельствуют, что еще до похода на Багдад в некоторых городах действительно имя халифа было исключено из чекана и, конечно, из хутбы, хотя далеко, может быть, не во многих.⁴

Однако после неудачного похода на Багдад, если и делались попытки примирения с халифом, это не было прочным намерением, о чем наглядно свидетельствует чекан, ибо и после похода на Багдад имя халифа попрежнему исключалось из упоминаний на монетах и соответственно в хутбе. За это говорят разбираемые монеты клада, поскольку даже в последний

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 400—403. — Он же. Халиф и султан. Мир ислама, т. I, № 2—3, 1912, стр. 345—346.

² А. К. Марков для самаркандских монет 610—616/1213—1220 гг. надписи Мухаммада ибн Текеша не привел (ук. соч., стр. 299—300, № 32—42), однако ознакомление с этими монетами в натуре убедило, что на них имеется имя халифа Насира. Содержится оно и в надписях всех прочих, довольно многочисленных опубликованных и неопубликованных монет Самарканда с именем Мухаммада б. Текеша. См., например, незаинвентаризованные монеты чекана Самарканда 616 г. х., хранящиеся на кафедре археологии Средней Азии САГУ и в Самарканде, в Республиканском музее культуры узбекского народа. Публикации см.: Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae, inter prima academiae imp. saecularia edita. Petropoli, MDCCCXXXVI, стр. 146, № 10. — Он же. Nova supplementa ad Recensionem numorum Muhammedanorum. Petropoli, MDCCCLV, стр. 58—59, №№ 9-ab, 11-ab. — W. Tiesenhause n. Mélanges de Numismatique Orientale. Отд. оттиск из „Revue de la Numismatique Belge“, 1875, стр. 24—26, №№ 64—65. — St. Lane-Poole. Catalogue of Oriental coins in the British Museum, vol. II. London, 1876, стр. 182—183, №№ 590—592. — В. Dorn. Inventaire des monnaies des khalifes orientaux et de plusieurs autres dynasties. Spb., 1881, стр. 168 и сл.; и другие.

³ Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных Мухаммеданских династий в прибавлении. Перевод М. Волкова, СПб., 1832, стр. 58, № 437 и табл. XV. — Ch. M. Fraehn. Recensio numorum. . ., стр. 146, № 11.

⁴ Ср., например, аналогичного типа мерские монеты 614/1217—1218 г., сохранившие еще имя халифа Насира (В. Г. Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Н. П. Ливевича. ЗВО, т. IX, стр. 231, № 13. — Он же. Новое собрание восточных монет А. В. Комарова. ЗВО, т. III, стр. 65—66, № 27), хотя в данном случае круговые легенды стерты.

год правления Мухаммада — 617/1220 г. — в Термезе на монетах проставлялось только его собственное имя.

В этой связи нельзя не упомянуть группу мелких медных монет Мухаммада (диаметром 16—20 мм), хотя без полных выпускных сведений, что с рассматриваемой точки зрения делает их менее интересными. Любопытно, однако, что большинство из них не содержит в своей легенде имени халифа Насира. Это нельзя объяснить мелкими размерами монетного кружка, так как на некоторых типах этой группы имя халифа все же наличествует. Наблюдение за титулатурой Мухаммада на части этих монет и за их оформлением (подгруппа мелких монет без изображений слонов или всадников) позволяет предположить, что здесь имело место преднамеренное исключение из легенды имени халифа в тех самых городах (к сожалению, в надписи не указанных), в которых сначала оно на монетах проставлялось. Не давая ничего для уточнения времени этого акта, мелкие монетки все же увеличивают число городов, в которых имя халифа было изъято по приказу Мухаммада Хорезмшаха из упоминаний в чекане и хутбе, и тем самым придают новый оттенок этому мероприятию султана.

Остается рассмотреть еще один вопрос — причины и характер самого выпуска этой группы монет. Кажется, что этот выпуск не был продиктован потребностями рынка в новой и дополнительной массе монетного материала, так как в этом случае монеты были бы чеканены или непосредственно из металла, или из таких старых монетных кружков, которые были бы признаны негодными из-за слишком значительной потери своего первоначального веса, т. е. при условии полной переплавки их на металл. В данном же случае имело место простое перечеканивание старых монетных кружков без всякого изменения их первоначального веса, т. е. замена одних монет другими.

Не был продиктован этот выпуск также простой необходимостью изъять из обращения экземпляры, потерявшие свою серебряную оболочку, с целью замены их „доброкачественными“. В этом случае достаточно было серебрить вторично те же самые монеты, не меняя их типа и не производя сплошной перечеканки на базе новых типов. Можно, правда, допустить, что большое количество потерявших свою серебряную оболочку монет могло повести к падению их курса и потребовать каких-то мероприятий. Но это допущение, сопоставленное с фактом полного изменения типов монет, лишь подчеркивает, что выпуск 617/1220 г. преследовал не в последнюю очередь интересы фиска. Потертость старых монет в этом случае была использована как предлог для полного запрещения дальнейшего их обращения с предложением обменивать на новый тип, конечно, по более низкому курсу. Без такого изменения типов и запрета старых монет операция обмена могла оказаться весьма мало успешной, т. е. мало доходной. Экземпляры хорошей сохранности продолжали бы законно обращаться на рынке, монеты же более потертые могли получить на рынке нелегально заниженный курс, что для каждого владельца денег было бы все же выгоднее, чем нести их на монетный двор для обмена по еще более низкому курсу. Объем обмена оказался бы

весьма незначительным, а казна от простого серебрения какой-то части старых монет получила бы очень малый доход. Фискальные цели при этих условиях могли быть удовлетворены лишь одним способом: выпуском дополнительного количества монет старого типа. В силу, несомненно, очень большой разницы между их реальной (медь) и номинальной (серебро) стоимостью это было бы на первый взгляд самым простым, эффективным и быстрым способом извлечь доход из монетной регалии. Однако это средство имело одну очень неприятную сторону.

В силу огромной разницы реальной и номинального содержания медно-бронзовых посеребренных монет, последние являлись по существу уже знаками стоимости, наряду с которыми обращались настоящие деньги в виде золотой монеты. Карл Маркс писал: „Опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса обращающегося золота или серебра в данной стране, хотя и подвержена временным, иногда очень сильным отливам и приливам, но в общем на протяжении более длительных периодов остается постоянным, и отклонения от среднего уровня представляют лишь слабые колебания“.¹

На рассматриваемом отрезке времени это общее количество необходимых средств обращения складывалось из золотых монет и медно-бронзовых посеребренных знаков стоимости, с особыми, несомненно, сферами обращения для тех и других. Поскольку медно-бронзовые посеребренные дирхемы являлись по существу заместителями в обращении некоторого количества золотых денег — они, не будучи мерой стоимости, прекрасно, однако, могли выполнять функцию средства обращения до тех пор, пока их общее число не превышало значительно необходимого для их сферы обращения среднего количества монет. В этих условиях дирхемы при всей принудительности их курса нормально обращались по своей номинальной стоимости, т. е. как настоящие серебряные монеты. Но как только этих дирхемов на рынке оказывалось больше, чем требовалось их сферой обращения, — их покупательная способность и соответственно курс относительно золота начинали падать в силу специфических законов обращения знаков стоимости. К. Маркс, рассматривая обращение бумажных денег — этой законченной формы знака стоимости, — неоднократно подчеркивал, что стоимость бумажных денег зависит от их количества, находящегося в обращении. „В обращении знаков стоимости, — писал К. Маркс, — все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от количества их, находящегося в обращении“.² Сколько бы произвольно ни

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1949, стр. 99—100.

² К. Маркс, ук. соч., стр. 117.

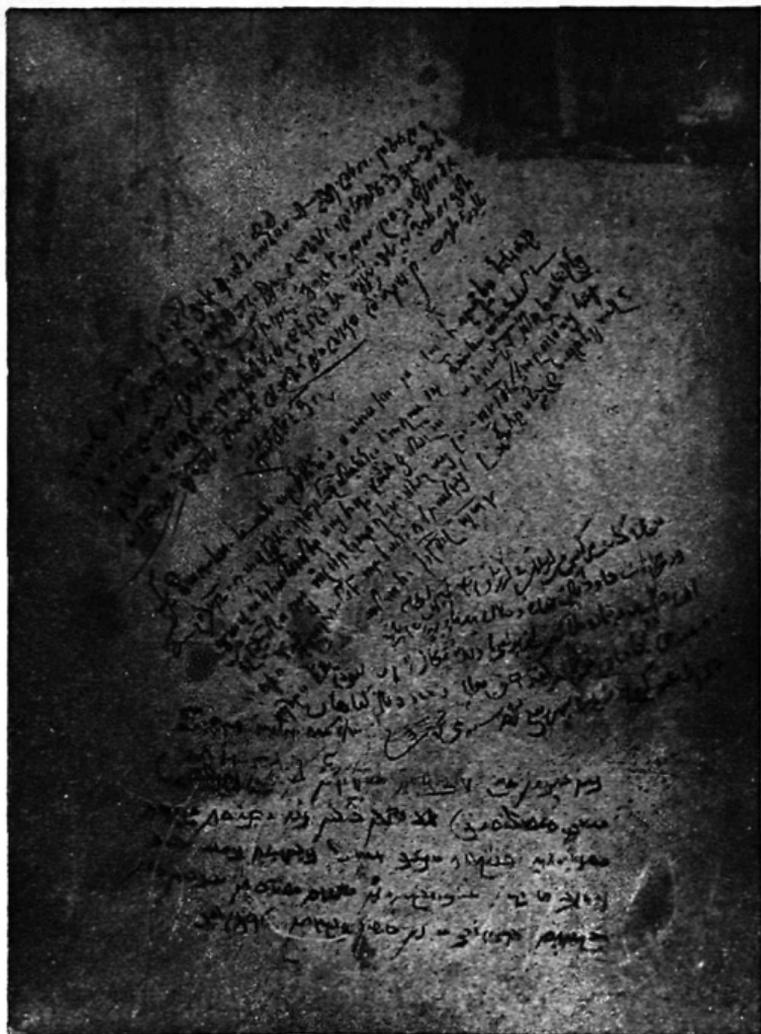
увеличивался количественный выпуск таких знаков стоимости — они продолжали замещать все то же самое необходимое количество валютного металла, так что единственным результатом такого перенасыщения получался отрыв наименования монеты от ее реальной покупательной способности и изменение масштаба цен.

Таким образом, простое значительное увеличение, из фискальных соображений, количества дирхемов должно было привести только к расстройству денежного обращения, что и составляло неприятную сторону столь, казалось бы, простого и удобного способа извлекать доходы из чекана монет. Поэтому всякому выпуску значительных новых групп монет должно было сопутствовать изъятие примерно такого же количества старых. Поэтому же приказ об обмене старых монет на новые должен был сопровождаться запретом дальнейшего обращения старых монет. Практически это было осуществимо только при условии изменения типов, т. е. при условии возможности контролировать и обмен на монетном дворе и легальное обращение на рынке. Если при этом для обмениваемых старых монет назначался слишком низкий курс и население частично прятало в клады запрещенные монеты — основная цель все же была достигнута: изъятие из обращения (любым способом) старых монет освобождало место новым.

Только при условии таких периодических перечеканов с изменением типов монет государство могло одновременно извлекать из каждого такого чекана или перечекана определенный доход, не нарушая при этом основного условия обращения медных посеребренных дирхемов — знаков стоимости и даже вновь придавая им свежий вид „серебряных“ монет.

Многие специфические явления денежного чекана и обращения XIII в. (например „угрожающие надписи“ на медных посеребренных монетах) получают объяснение в забвении и нарушении этих основных условий со стороны государства, в столь же специфичном, произвольном перенасыщении рынка „знаками стоимости“ со всеми сопутствующими последствиями, уничтожить которые одними „угрозами“ на самих монетных кружках или подмешиванием некоторого количества настоящих серебряных монет государство уже было не в состоянии. В этом смысле слова К. Маркса о бумажных деньгах вполне приложимы и к металлической группе знаков стоимости: „Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но с этим механическим актом его контролю приходит конец. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги подпадают под власть его имманентных законов“.¹

¹ К. Маркс, ук. соч., стр. 115.

Гаресджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г. Фот. 1930 г.

А. М. МЕЛИКСЕТ-БЕКОВ

ГАРЕСДЖИЙСКАЯ ТЕТРАЛИНГВА ЭПОХИ МОНГОЛОВ 1352 г.

В октябре 1921 г. в районе так называемого „Гаресджийского многогорья“ (Гаресджис мравал-мт'а) работала экспедиция, организованная Главным управлением охраны памятников искусства и старины Грузии под руководством Г. Н. Чубинашвили. В пещерно-монастырских комплексах, в 30 км от станции Карая (Караязы) Закавказской железной дороги, на самой восточной границе Грузинской ССР, смежной с Азербайджанской ССР, экспедицией были обнаружены многочисленные граффити. В составе их имеются: в большом количестве грузинские, а также до 20 армянских, 8 греческих и 21 восточная (арабским письмом), наконец, уникальная в своем роде тетралингва, т. е. четырехязычная надпись — на грузинском, армянском, персидском и уйгурском языках, датированная 1352 годом н. э.¹

Повторное посещение того же района пещерных монастыриц в составе другой экспедиции, руководимой также Г. Н. Чубинашвили, осенью 1929 г.² дало нам возможность уточнить на месте чтение и дешифровку армянских и четырехязычной надписей, кальки с которых были вывезены в 1921 г. Однако на этот раз мы, кроме того, получили возможность запастись фото-снимком с трудно разбираемой тетралингвы.

В результате обеих поездок свод всех армянских и некоторых освещающих их грузинских граффити, равно и четырехязычную надпись, мы опубликовали в работе на грузинском языке под заглавием „Армянская эпиграфика и грузинско-армянско-персидско-уйгурская многоязычная надпись в Мравал-мт'а Гаресджи“.³

Четырехязычная надпись с воспроизведением текстов грузинского, армянского и персидского в армянской транслитерации и уйгурского

¹ Подробно об экспедиции см.: Г. Н. Чубинашвили. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства, Грузии. Изд. Акад. наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1948, стр. IX—X, 7—20.

² Там же, стр. IX—X.

³ Изв. Инст. языка, истории и истории матер. культуры, т. V—VI, посвященный 40-летию научной деятельности акад. И. А. Джавахишвили, Тбилиси, 1940, стр. 153—175.

в латинской транскрипции была использована нами в специальной статье на армянском языке под заглавием „Об уникальной четырехъязычной надписи Саргиса сына Арслана от XIV века“.¹

К сожалению, однако, обе означенные публикации — одна на грузинском, другая на армянском языке — оказались недоступными для лиц, не владеющих грузинским и армянским языками, поскольку они не были снабжены резюме на русском языке. Это обстоятельство вынуждает нас вновь вернуться к обнаруженной в 1921 г. тетралингве в настоящей статье, рассчитанной на более широкий круг читателей.

Тетралингва отличается мемориальным характером и имеет сходство в содержании всех четырех частей, т. е. грузинской, армянской, персидской и уйгурской, с некоторыми отклонениями; она начертана желтоватой краской по белому фону штукатурки с росписью XIII в. на северной стене трапезной пещерного комплекса „Удбно“, примыкающего с запада к лавре св. Давида Гарседжийского (см. рисунок). Датировка росписи XIII веком в данном случае основывается на факте происшедшей в этом веке реставрации, в результате которой все надписи до XIII в. безвозвратно погибли, почему XIII век признается исходным для датировки всех росписей и граффити по штукатурке данного комплекса.

Первая надпись — грузинская — в 6 строк, начертана наискось, с ориентацией кверху, к росписи; вторая — армянская — тоже в 6 строк, идет параллельно с первой, также наискось; третья — персидская — в 5 строк, как будто несколько выпрямлена и имеет более или менее горизонтальное положение; наконец, четвертая — уйгурская — в 5 строк, отличается вполне горизонтальным начертанием.

Автор надписи или его заказчик — некий Саргис, сын Аслана (Арслана или Араслана), который с женой и сыном Амир-Саидом пришли на поклонение к могиле св. Давида (Гарседжийского) в мае 1352 г., следовательно в период монгольского владычества в Грузии (в Армении). Поэтому, прежде чем перейти к чтению и интерпретации надписей, небесполезно хотя бы вкратце коснуться положения Восточной Грузии (где находится „Гарседжийское многогорье“) в середине XIV в.

По этому вопросу мы имеем единственное упоминание, основанное на соответствующих первоисточниках, в трудах покойного академика И. А. Джавахишвили: „После Георгия Блистательного [1314—1346 гг.] на престол [Грузии] вступил [1346 г.] его сын Давид IX [|| VII ?]. О его царствовании до нас дошло мало известий. Известно только, что в 1346—1348 гг. в Грузии свирепствовала моровая язва, унесшая много жертв. В стране опять пошли раздоры. В те же годы монголы, засевшие в Иране, вторгнувшись в армянские области Грузии, разрушили город Бджни [а не Бджин, как

¹ Изв. Акад. наук Армянской ССР по Отделению общественных наук, Ереван, 1946, № 7, стр. 31—38.

напечатано] и перебили население. В 1360 г. Давид IX [VII] умер, и ему наследовал сын Баграт V, прозванный впоследствии Великим“.¹

Переходим к чтению надписей.

I. Грузинская надпись

Текст

- [1] ჟ. მე მიწაი მცირე სარგის ძე არასლანისა ამოველით წმინდა
- [2] ღვითისა საფლავსა მე და ჩემჲან მეუღლემან და ჩემჲან შეიღმან
- [3] ამირ საიდ ლოცვად ჩვენდა და ჩვენთა გარდასულთა და ცოდვთა შენ
- [4] ღობისათნ და ვინცა წაიკითხოს ეს და შენდობა თქვას მას და მისთა გარ
- [5] დასულთა შენდს ლთმან და წმინდა ღვით ღაიწერა თვეს მასის
- [6] ქრკნსა მ

Расшифровка

- [1] ჟ. მე. მიწაი. მცირე. სარგის, ძე არასლანისა. ამოველით, წმინდა
- [2] ღვითისა საფლავსა. მე და ჩემჲან მეუღლე მან და ჩემჲან შეიღმან
- [3] ამირ — საიდ. ლოცვად ჩვენდა და ჩვენთა გარდასულთა და ცოდვთა შენ
- [4] ღობისათგინ. და ვინცა წაიკითხოს ეს და შენდობა თქვას. მას და მისთა გარ
- [5] დასულთა შეუნდევს ლმერთმან და წმინდა ღვით. ღაიწერა თვეს მასის[ს]
- [6] ქორონიკონსა მ.

Перевод

‘ჟ. Я, прах ничтожный, Саргис, сын Араслана; я и моя супруга и сын мой Амир-Саид поднялись к могиле святого Давида, для моления за усопших наших и за прощение грехов. И кто прочтет сие и скажет прости, тому и усопшим его да простят [грехи] бог и святой Давид. Писано в мае месяце хроникона 40 [= 1352].

II. Армянская надпись

Текст

- [1] ჟ. ծառէս և անարժանս սարգիս սարանի որդիս էկաք
- [2] ի սբ դաւթի գերեմանն ի աղաւթս վասն իմ և
- [3] զավակ իմ սաիր սայիդ վասն ցմեղաց փրկութէ՛ մեզ և ննջէց

¹ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашия. История Грузии, ч. I. 2-е изд., Тбилиси, 1950, стр. 292. — То же, на груз. яз., 3-е изд., Тбилиси, 1948, стр. 277. — Ср. макет на груз. яз., Тбилиси, 1940, стр. 241—242 (И. Джавахишвили. История Грузии [XI—XV вв.]. Краткий очерк, на груз. яз., Тбилиси, 1949, стр. 204). — И. Джавахишвили. История грузинского народа, кн. III, [XIII—XIV вв.], Тбилиси, 1941, на груз. яз., стр. 178—179.

- [4] էլոց մերոց ով՝ որ կարդէս մեղաց թողութիւ՛հ հարամայէք
 [5] որ ա՛ծ թողութի՛հ արժանի հրամայէ զձեր մէղքն գրէցաւ
 [6] զիրս ի մայխ ամիսն ի թ՛վ պ՛ա

Расшифровка

- [1] †. ծառէս¹ և անարժանս Սարգիս, Ասլանի որդիս, էկաք²
 [2] ի սուրբ և դաւթի³ զէրէզմանն⁴ ի աղաւթս,⁵ վասն զտան (так!) իմ⁶ և
 [3] զավակ⁷ իմ Ասիր Սայիդ վասն ցմեղաց (так!)՝⁸ փրկութեան մեզ և ննջէց
 [4] էլոց⁹ մերոց: Ով որ կարդէս,¹⁰ մեղաց թողութիւն հարամայեք¹¹
 [5] որ աստուած թողութիւն արժանի հրամայէ հզլեր (так!)¹² մէղքն: գրէցաւ¹³
 [6] զիրս ի մայխ ամիսն¹⁴ ի թվին պա

Перевод

†. Я, раб [божий] и недостойный Саргис, сын Аслана, пришел к могиле святого Давида на моление за жену (буквально „дом мой“) и сына моего Амир-Саида, за спасение от грехов нас и усопших наших. Кто сие прочтет, да прикажет прощения [нам] грехов, дабы [и] бог приказал считать вас достойными прощения ваших грехов. Писано в мае 801 [= 1352].

III. Персидская надпись¹

Текст

- [1] بندۀ کاتب سرکيس بن ارسلان . . . مسیحی [?] به نیت اخلاص
 [2] وزیرت داوود پاک بنده و حلال بنده و . . . بنده
 [3] امیر سعید و پیامز و طاعت از برای ما و گذشتگان . . .
 [4] و عفو بغی و گناهان و نافرمانی درگفتن حق تعالی و داوود پاک گناهان
 [5] و بغی را عفو گرداند . . . [?] فی شهر ربیع الآخر سنه ثلثه و خمسين [و] سبع ماز

Расшифровка (в русской транскрипции)

- [1] Бенде-и катиб Саркис бен Арслан. . . месихи [?] бе нийет-и ихлас
 [2] ве зийарет-и Давуд-и пак бенде ве халал бенде ве. . . бенде
 [3] Амир Сеид ве бенамад ве та'ат аз берай-и ма ве гузештеган. . .
 [4] ве афуй-и баги ве гунахан ве наферманй дер гуфтен хаққ те'ала ве Давуд-и пак гунахан
 [5] ве багйра 'афуй герданад. . . фй шахри раби'и-л- ахир сене телате ве хамсин [ве] саб миа'.

Должно быть: ¹ ծառայու; ² եկաք; ³ դաւթի; ⁴ զերեզմանն; ⁵ յաղաւթս; ⁶ վասն տան իմոյ (употреблено в смысле груз. „сахлоба“ ‚дом, ‚жена); ⁷ զավակ; ⁸ վասն մեղաց; ⁹ ննջեցելոց; ¹⁰ կարդաք; ¹¹ հրամայէք; ¹² Յեր մեղացն; ¹³ գրեցաւ; ¹⁴ ամսնսն.

¹ Согласно дешифровке Ю. И. Абуладзе и В. Путуридзе.

Перевод

- [1] Пишущий [сие] раб [божий] христианин [?] Саркис сын Арслана...
в намерении очищения [своего]
[2] и посещения праведного Давида раб [божий]... и... раб [божий]
[3] Амир Сеид пришли для молитвы и поклонения...
[4] и для прощения излишества и грехов и непокорности в говорении
истины всевышнего и праведного Давида грехи
[5] и излишеств прощения... (?). В месяце раби II 753 [= 1352] года¹.

IV. Уйгурская надпись¹

Текст

- [1] Män jaman qul Särgis Arsalan oğlu...
[2] ary Daudnum... ynda män (?) umunum alalum
[3] umnum (?) oylum Amir Said... üç ün
[4] ...tänri (?)... gylsun ärkin oqysun ...tun
[5] ...tun gylsun...

Перевод

‘Я, грешный раб Саргис, сын Арсалана, ... в... святого Давида, за сына моего Амир-Саида ... бог... да сделает, каждый пусть читает ... пусть сделает’.

Дата надписи по грузинскому летосчислению $40 = 1352$ ($40 + 1312$), по армянскому — $801 = 1352$ ($801 + 551$) и согласно годам хиджры — 753/1352 г.; в уйгурском тексте дата дефектна.

Кроме того, в грузинском и армянском текстах упомянут „месяц май“. Это значит, что надпись начертана в дни храмового праздника св. Давида Гаресджийского, одного из так называемых „сирских“ отцов. Праздник справляли по традиции на 47-й день после пасхи или через неделю после вознесения, обязательно в четверг. Исходя же из того, что в 1352 г. пасха праздновалась 8 апреля, не трудно вычислить и день праздника Давида Гаресджийского — 22 мая.

Следовательно, посещение Саргисом, сыном Аслана (Арслана или Арслана), вместе с женой и сыном Амир-Саидом, лавры св. Давида Гаресджийского и смежной с нею пустыни „Удабно“ имело место около 22 мая 1352 г.

Надо также отметить, что приведенная выше тетралингва не единственное граффити в трапезной пещерного комплекса „Удабно“. Именно эта трапезная наиболее испещрена разноязычными надписями; кроме тетралингвы,

¹ В латинской транскрипции согласно дешифровке С. Е. Малова.

в ней 8 граффити на армянском языке, из коих два от 1351 г. и два от 1352 г., а другие не датированы, но приблизительно того же времени, и только одно от 1746 г.¹ Это значит, что наибольшее число посещений армянами-богомольцами обители св. Давида Гаресджийского падает на 1351—1352 гг.

Определенное значение в наших глазах приобретает одна из армянских надписей в 12 строк в той же трапезной, где упоминаются некие „Саргис, Шалва и раб божий Иоани“, пришедшие на поклонение „к могиле непобедимого философа“. Это указание на „могилу непобедимого философа“ представляется нам пережитком культа одного из армянских философов VI в., известных под эпитетом „непобедимый“. Таковой, согласно преданию, зафиксированному армянским же философом XV в. Аракемом Сюнийским, после преследования на идеологической почве в Армении и изгнания оттуда восторжествовавшими противниками, нашел приют в соседней Грузии, где и провел остаток своих дней. В связи с несомненной причастностью Давида Гаресджийского к монофизитству и к армянскому культурно-конфессиональному миру (он — единственный из так называемых „сирских“ отцов, говорящий по-армянски), мы склонны отождествлять обоих Давидов, другими словами, мы признали их за одно лицо, которое на первом этапе своей деятельности, предположительно в 520—545 гг., подвизалось в Армении как философ Давид Непобедимый, а на втором этапе, предположительно в 545—582 гг., — в Грузии как аскет Давид Гаресджийский.²

Как бы то ни было, открытая в пределах Грузии уникальная тетралингва имеет большое научное значение как редчайший образец четырехязычной надписи, а в части уйгурской — как первый пример уйгурской надписи в Грузии.

К сожалению, трудно установить личность упомянутых в надписи Саргиса, сына Аслана (Арслана или Араслана), его супруги, имя которой не упоминается, и сына их — Амир-Са'ида. Однако несомненно, что они — христиане, пришедшие на поклонение христианскому (грузинскому) святому: иначе персидский текст не подчеркивал бы, что Саргис (Саркис) — христианин (месихи).

В частности, про Саргиса можно сказать, что он — представитель знати. Иначе трудно объяснить факт начертания надписи одновременно и параллельно на четырех языках, из которых грузинский — язык страны по месту нахождения „святыни“, т. е. объекта паломничества во 2-й половине мая (около 22 мая 1352 г.); армянский — родной язык пилигримов; персидский —

¹ Л. М. Меликсет-Бек. Армянская эпиграфика, стр. 165—168, 173. — Он же. Об уникальной четырехязычной надписи, стр. 37.

² Л. Меликсет-Бек. К вопросу о пребывании Давида Непобедимого в Грузии. Литературные разыскания, кн. 1, Ереван, 1946, на арм. яз., стр. 243—267. — Более подробно см. в монографии „Давид Непобедимый и Давид Гаресджийский“ (подготовлена к печати автором).

язык тогдашней знати и литературных кругов, и, наконец, уйгурский — государственный язык монголов.

Что гарседжийская тетралингва является в некотором роде отражением многоязычия высших слоев коренного грузинского и армянского населения, это видно, между прочим, и по свидетельству армянского историка XIII в. Стефана Сюнийского.¹ Стефан Сюнийский, характеризуя Буртела (Биртвела) Орбеляна, деятеля XIII в., как человека высокоталантливого, разумного, необычайно умного, разносторонне образованного, велеречивого, красноречивого, сведущего в языках и неодолимого в суде, отмечает, что он, Буртел, говорил на пяти языках: армянском, грузинском, уйгурском, персидском и даже монгольском.²

Полиглотами были и армянские поэты — лирики и ашуги (народные певцы): Григорис Ахтамарский, Саят-Нова и многие другие, творившие на трех, четырех и даже на пяти языках.

Но это — уже позднее средневековье.

¹ История Стефана Орбеляна, Тбилиси, 1911, на арм. яз., стр. 405. — Ср.: Л. Меликсет-Бек. Армянская эпиграфика, стр. 165. — Он же. Об уникальной четырехязычной надписи, стр. 34. — Он же. История Орбелов Стефана Сюнийского. Исторический вестник, т. VI, Тбилиси, 1952, на груз. яз., стр. 70.

² Ср. аналогичное указание грузинского историка XI в. Леонтия Руисского, что во время хазарского каганата в Картали говорили на 6 языках: армянском, грузинском, хазарском, сирийском, еврейском и греческом. (Картлис-Цховреба. Список царицы Анны. Тбилиси, 1941, на груз. яз., стр. 11. — Ср.: Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I. Ереван, 1934, на арм. яз., стр. 150).

М. А. ДОБРЫНИН

СТИХОТВОРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ НА МОНЕТАХ СЕФЕВИДОВ

Характерной особенностью большой группы сефевидских монет являются стихотворные легенды, представляющие интерес как с нумизматической, так и с филологической точки зрения.

Появление на сефевидских монетах стихотворных легенд стоит в тесной связи с теми историческими изменениями, которые произошли в Иране в начале XVI в. После распада империи Тимūra на территории Ирана образовался ряд феодальных владений. На востоке находилось государство Тимүридов, в состав которого входили Хорасан и область Херāта. На западе правила туркменская династия Ақ-Қуюнлұ, включившая в состав своих владений западную часть Ирана, Ирак, Курдистан, Азербайджан, Армению и область Дийār Бекр. Кроме двух названных государств, на территории Ирана существовали и более мелкие в Мазандарāне, Гиляне и Сеистане, управлявшиеся самостоятельными ханами. Тимүриды и Ақ-Қуюнлұ ослаблись внутренними междоусобицами, а также борьбой, которую они вели между собой. Указанные обстоятельства были использованы потомками ардебильского шейха Сефй, возросшее могущество которых уже во второй половине XV в. позволило начать борьбу за объединение Ирана. Сефевиды нашли поддержку у мелких и средних феодалов и купечества, заинтересованных в централизации государства, а ненависть населения к туркменам была ими использована для привлечения к этой борьбе народных масс. В 1501—1502 г. Исмаїл Сефевй разбил войска Альвенда Ақ-Қуюнлұ, овладел Азербайджаном, занял Тебрыз и объявил себя шахом. Пользовавшийся широкой популярностью среди населения шиизм был объявлен государственной религией, которая стала орудием национальной политики против турок-суннитов.

После длительного периода раздробленности Иран был объединен под властью династии Сефевидов как единое централизованное государство, которого со времени падения Сасанидов и начала арабского завоевания на территории Ирана не существовало. Государство Сефевидов не было национальным, а являлось конгломератом народов и племен, которые все время вели борьбу за свое освобождение, ослабляли Иран, что явилось одной из причин его упадка в XVIII в. При Исмаїле I господствующими в Иране

были тюркские племена и азербайджанский язык, столица находилась не в самом Иране, а в азербайджанском городе Тебризе. И только со времени 'Аббаса I иранский элемент занял господствующее положение в жизни страны, и государственным языком стал персидский.

Указанные события отразились на монетном деле. Вместо суннитского символа Сефевиды стали помещать на лицевой стороне монеты шиитский, иногда в окружении имен двенадцати имамов. На оборотной стороне в центре располагалось имя правителя с присущей ему титулатурой, обозначение места и года чеканки. Кроме этих многочисленных типов монетных легенд Сефевиды создали особый вид монетной легенды — стихотворный. Используемые на монетах стихи прославляли шаха, халифа 'Али и являлись дополнительным средством пропаганды шиизма.

В нумизматической литературе описания сефевидских монет, имеющих стихотворные легенды, появились уже в XIX в. В 1826 г. академик Х. Д. Френ, описывая и классифицируя монеты Сефевидов, заметил на некоторых из них стихотворные легенды и дал их перевод.¹ Все имевшиеся данные о стихотворных легендах впервые были объединены Р. С. Пулем в каталоге сефевидских монет, находящихся в собрании Британского музея, изданном им в 1887 г.² В разделе „Стихотворные легенды“ Р. С. Пуль, кроме текста легенд и их перевода, привел выдержки из некоторых сочинений персидских историков, в которых упоминаются стихи, помещенные на монетах сефевидских правителей, а иногда и объясняется причина их появления. Работа Р. С. Пуля, несмотря на ряд неточностей в чтении и переводе стихотворных монетных легенд, не утратила своего значения и до настоящего времени. Кодрингтон собрал текст всех известных в его время стихов, встречающихся как на сефевидских монетах, так и на монетах других династий, которые заимствовали у Сефевидов эту форму монетной легенды, и сделал некоторые указания к их чтению.³ В результате своих многолетних исследований в последнее время Рабино издал работу, посвященную денежному обращению Сефевидов, в которой совершенно не нашел отражения вопрос о стихотворных легендах.⁴ Рабино ограничился перечислением последних, не дав даже их перевода. Только Р. Р. Фасмер в связи с изучением некоторых вопросов сефевидской нумизматики⁵ в описании нескольких монет приводит перевод и размер находящихся на них стихов.

Стихотворные легенды не были исследованы метрически, а потому не было единого мнения о природе этих легенд. Р. С. Пуль считал, что

¹ Ch. M. Fraehn. *Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae*. Petropoli, MDCCCXXVI, стр. 459—492.

² The Sháhs of Persia, стр. LXXVI—LXXXIII.

³ O. Codrington. *A manual of musulman numismatiks*. London, 1904, стр. 94—114.

⁴ H. L. Rabino. *Coins, medals and seals of the Sháhs of Irán (1500—1941)*. Cambridge, 1945, стр. 90—95.

⁵ R. Vasmer. *Zur Münzkunde der persischen Schache*. Islamika, VI, 2, Leipzig, 1933.

Табл. I. Серебряные монеты Сефевидов.

1 — Исма'и́ла I; 2 — Исма'и́ла II; 3 — 'Аббаса́ II; 4—6 — Сулейма́на I.

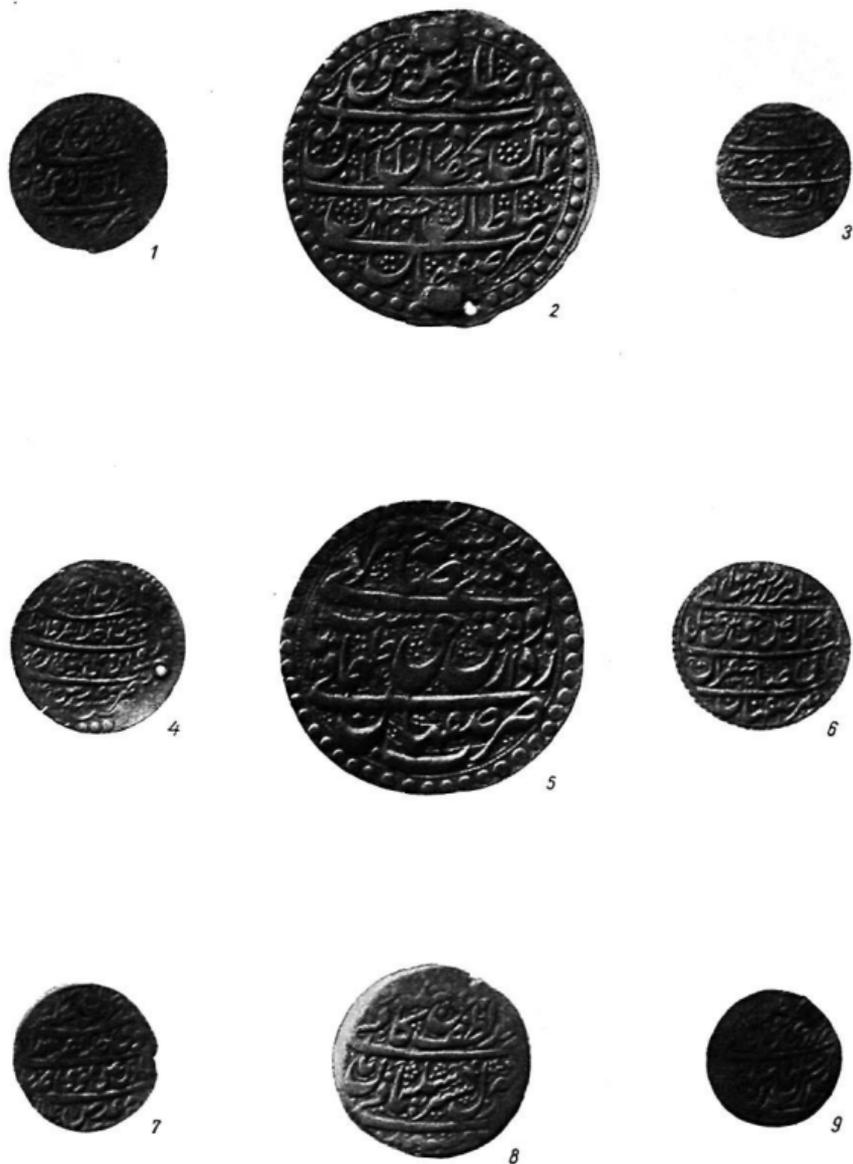

Табл. II. Серебряные монеты Сэфевидов.

1-3 — Хусейн I; 4, 5 — Тахмасап II; 6, 7 — Аббаса III; 8, 9 — Сулеймана II.

они написаны „саждем“ в подражание Корану.¹ Кодрингтон и Рабино называют их стихами.² Классификация стихотворных легенд и их общественно-политическое значение не были еще раскрыты.

Появление стихотворных легенд на сефевидских монетах — явление в истории иранской нумизматики необычное. Использование стихов в качестве надписей на бронзе, оружии, керамике и других вещах наблюдается в Иране уже в XII в., встречается на памятниках XIII, XIV, XV, XVI и XVII вв. В большинстве случаев помещались стихи, заимствованные из произведений известных поэтов Фирдоуси, Хәфиза, Са'ди, но иногда создавалась особая поэзия, как это имеет место в керамике.

Повидимому, одним из наиболее ранних случаев появления стихотворной легенды на монетах мусульманских стран надо считать стих, встречающийся на монетах гуджератского правителя Керим Шаха (846—855/1443—1451):³

تا بدار الضرب کردن قوس مهر و ماه باد سکه سلطان غياث الدين محمد شاه باد

‘До тех пор пока на монетном дворе небес существуют диски⁴ солнца и луны, Да будет [существовать] чекан султана Гият ад-Дйна Мухаммада Шаха’.

Размер стиха — рамаль, по схеме: ~ ~ — | — — ~ — | — — ~ — | — — ~ — . Первое полустишие занимает лицевую сторону монеты, второе — оборотную.

В собрании Государственного Эрмитажа имеется несколько экземпляров монет Керим Шаха с данной стихотворной легендой.⁵ Все они чеканились из меди, без обозначения места и года чеканки, а поэтому установить их точную датировку не представляется возможным. После Керим Шаха на монетах гуджератских правителей стихи не помещались. Факт использования стиха в качестве монетной легенды только Керим Шахом невольно обращает на себя внимание, но, насколько мне известно, причина этого явления исследователями гуджератских монет не объяснена.

Знали ли Сефевиды об использовании Керим Шахом стихотворных монетных легенд — сказать трудно. Вполне возможно, что данное явление было им не известно и введение ими стихотворных легенд на монетах было действием совершенно самостоятельным. Несомненно то, что сефевидские правители имели многократные примеры использования стиха в качестве надписей на предметах художественного ремесла как в самом Иране, так и за его пределами. Но в монетном деле Ирана Сефевиды первые применили стих как монетную легенду и создали особый тип стихов, которые употреблялись только на монетах и поэтому должны были быть кратки. Они написаны сухим языком и содержат слова, употреблявшиеся в монетном деле.

¹ The Shāhs of Persia, стр. LXXVI.

² O. Codrington, ук. соч., стр. 91. — H. Rabino, ук. соч., стр. 27.

³ The Shāhs of Persia, стр. LXXVI.

⁴ Под словом „диски“ подразумеваются металлические кружки, из которых изготавливаются монеты.

⁵ Эрм. №№ 22—26. — St. Lane Poole. The coins of the Muhammadan States in British Museum, London, 1885, стр. 134, №№ 416, 417, табл. XI.

Помещая на монетах стихотворные легенды, государство преследовало определенные политические цели: пропаганду шиизма и укрепление государственной власти.

Первым образцом стихотворной легенды на сефевидских монетах Р. С. Пуль считал стих, помещенный на монетах Исма'ила II.¹ Однако, уже Кодрингтон и Рабино указывают, что стихотворные монетные легенды появились при Исма'йле I, что вполне правильно.² Расхождение мнений о времени появления первой сефевидской стихотворной монетной легенды понятно. Оно оказалось результатом того, что с филологической стороны легенды исследованы не были. На серебряной монете Исма'йла I (1502—1524), чеканенной в Тебризе в 916/1510—1511 г.,³ на оборотной стороне в четырех сегментах заключена арабская легенда (табл. I, I). Начало легенды находится в верхнем правом сегменте. Если слова, помещенные в каждом сегменте, принять за полустишие, то получается стих, состоящий из двух бейтов, в каждом из которых оба полустишия имеют одинаковую рифму.

تجدہ عونا لک فی النواشب	ناد علیا مظهر العجائب
بولایتک یا علی یا علی یا علی	کل ہم وغم سینجلی

'Призови 'Алї, проявителя чудес,

Ты найдешь его себе опорой в печали.

Вся забота и горе исчезнут

С твоим покровительством, о 'Алї, о 'Алї, о 'Алї!'

Все четыре строки объединены одним содержанием, а наличие рифмы дает возможность предположить стихотворную природу легенды. Но при определении размера возникают трудности. Первые два полустишия, бесспорно, — стихи и написаны, повидимому, размером раджаз с некоторыми отклонениями от нормы, по схеме: ~ — | — — | — — | — — —. Определить размер двух других полустиший не представляется возможным. Они написаны рифмованной прозой, хотя, очевидно, были задуманы как стихи. Несмотря на то, что в целом размер стиха не получается, мы вправе говорить о данной легенде как о стихотворной и первой легенде такого рода на монетах Сефевидов. В продолжение прежней мусульманской монетной традиции стихи написаны на арабском языке, который в XVI в. стал для Ирана языком забытым и мертвым, своего рода „латынью“. Поэтому сочиненные на этом позднем арабском языке стихи искусственны и несовершенны. Позднее, когда в жизни Ирана побеждает иранский элемент, арабский язык изгоняется, стихи пишутся на персидском языке и обретают форму бейта, которая сохраняется в течение всего времени существования династии. Если форму стихотворная легенда приобретает лишь при Исма'йле II, то новое содержание она получает с самого момента своего возникновения. Приведенный арабский стих раскрывает шиитский смысл легенды. Помещение

¹ The Shāhs of Persia, стр. LXXVI—LXXVIII.

² O. Codrington, ук. соч., стр. 95. — H. Rabino, ук. соч., стр. 27.

³ М., стр. 709, № 2. — The Shāhs of Persia, стр. 8, № 15, табл. I.

стиха с подобным содержанием на монетах первого сефевидского правителя было необходимо в период борьбы за объединение Ирана.

На монетах Тахмāспа I (930—984/1524—1576) стихотворные легенды не встречаются.

Следующий случай использования стиха на монетах мы обнаруживаем при Исмаї́ле II (984—985/1576—1578), но стихотворная легенда написана уже не на арабском, а на персидском языке (табл. I, 2).

زمشرق تا بجز غرب گرامام است
علی و آل او مارا تمام است

‘Если от запада до востока [и] существует имām,
Для нас достаточно ‘Алі с его родом’.

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: ~ — ◡ | — — — ◡ | — — — ◡.

Стихотворная легенда расположена на оборотной стороне монеты, а под ней находится обозначение места и года чеканки. Подобное размещение стихов можно будет видеть почти на всех сефевидских монетах. Исключение составляют монеты ‘Аббāса II, чеканенные в Ховайзе,¹ где стих составляет круговую легенду оборотной стороны, а обозначение места чеканки и года помещено в центре. В собрании Эрмитажа с данным стихом имеется только две монеты Исмаї́ла II.² Одна чеканена в Кумме в 984/1576—1577 г., другая — в Шемāхе в 985/1577—1578 г.

Монету Исмаї́ла II с вышеприведенным стихом, чеканенную в Иезде, впервые определил Сорé. Прочитать же стихотворную легенду, находящуюся на оборотной стороне, он не мог.³ Обращает внимание тот факт, что на таблице, где эта монета воспроизведена, она обозначена как медная, хотя тип ее такой же, как шахской серебряной монеты. Возникает вопрос: не является ли обозначение Æ ошибочно поставленным вместо AR ? Правильное чтение стиха на монете Исмаї́ла II предложил Оливер, хотя сам не был вполне уверен в этом.⁴

О причине появления данного стиха на монетах Исмаї́ла II ценные сведения сообщает персидский историк Искандар Мунши.⁵ В его сочинении „Тāрих-и ‘Алам Āрā-и ‘Аббāсй“, одним из основных источников для истории сефевидского Ирана, рассказывается, что Исмаї́л II некоторое время не чеканил монет от своего имени и пользовался старыми. В связи с уменьшением количества монет, бывших в обращении, и появлением поддельных Исмаї́лом была возобновлена чеканка монет. Вместо шиитского символа لا اله الا الله لا اله الا الله ‘Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад посланец его, Алй — друг Аллаха’ был помещен стих на оборотной стороне монеты. Подобную замену Исмаї́л II мотивировал тем, что, во-первых, монеты

¹ Эрм. № 104в.

² М., стр. 710, № 24; стр. 1057, № 23а; JASB, vol. LVI, 1887, стр. 67, № XIII, pl. II.

³ J. Bartholomaei. Quatrieme lettre..., RNB, vol. II, 1864, стр. 355, № 47. табл. XIX.

⁴ JASB, vol. LVI, 1887, стр. 67, № XIII.

⁵ The Shāhs of Persia, стр. LXXVII.

в процессе обращения и торговли могут попасть в руки евреев, армян, последователей магов и других неверных, а, во-вторых, тем, что все люди в состоянии осквернения прикасаются к имени бога, что является недопустимым и запрещенным согласно требованию Корана: „К нему могут прикасаться только очищенные“ (с. 56, ст. 78). Однако убрать с монеты шиитский символ веры, а вместе с ним и имя 'Али, которого народ очень чтит, не дав эквивалента, Исма'йла не решался, так как такое нововведение могло бы вызвать возмущение. Выход был найден в замене символа стихом, прославляющим 'Али и его род. На монетах Исма'йла II шиитский символ действительно не встречается, что подтверждает правильность слов историка. Приведенный рассказ интересен еще тем, что показывает, насколько шиизм был распространен среди населения.

После Исма'йла II снова наблюдается перерыв в чеканке монет со стихотворными легендами. Подобное явление можно объяснить причинами политического характера. Время прекращения чеканки монет со стихами падает на период расцвета сфевидского Ирана, когда власть Сфевидов после успешного объединения страны наиболее сильна и все попытки внешних врагов ослабить Иран и захватить его территории успешно отражаются. Стихотворная монетная легенда вновь появляется при 'Аббасе II. В конце XVII в., когда начинается экономический и политический упадок сфевидского Ирана, правители увеличивают выпуск монет со стихотворными легендами, используя уже не один, как было раньше, а несколько различных стихов. Сулейман I помещал на монетах три вида стихов, Хусейн I — два, Тахмасп II — три, причем при последнем начинает чеканиться серия монет со стихами, содержащими имя имама 'Али Муса Риза, особенно почитаемого в Иране. Почти на всех монетах 'Аббаса II (1642—1666) помещается следующий стих (табл. I, 3):

بگیتی سگه صاحبقرانی زد از توفیق حق عباس ثانی

С помощью бога повсюду чеканил государственную монету 'Аббас II.

Размер стиха — усеченный хазадж, по схеме: — — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — — |

В собрании Британского музея находится одна монета 'Аббаса II со стихом несколько иного содержания:¹

بگیتی آنکه اکنون سگه زد صاحبقرانی ز توفیق خدا کلب علی عباس ثانی

“Тот, кто с помощью бога теперь чеканит государственную монету — 'Аббас II, собака [т. е. страж] 'Али”.

Размер стиха — полный хазадж, по схеме: | — — — — — | — — — — — | — — — — — | — — — — — |

— — — — — |. В собрании Эрмитажа монет 'Аббаса II с данным стихом не имеется.

Монеты со стихотворной легендой первого типа чеканились в Тафлйсе, Тебризе, Ховайзе, Эриване, Шемахе, Казвине и Исфahanе. Характерно,

¹ The Shāhs of Persia, стр. 28, № 47, табл. II.

что основное количество монетных дворов падает на территорию Азербайджана и Закавказья, что объясняется причинами экономического характера. Добыча серебра производилась в Закавказье, и было выгодно располагать монетные дворы рядом с сырьевыми базами или поблизости от них.

О появлении стихов на монетах 'Аббаса II интересные сведения сообщает персидский историк Валий Кули Шамлу в сочинении „Қизаз-и Хакани“.¹ Он рассказывает, что первый стих был помещен на золотых и серебряных монетах на следующий день после провозглашения 'Аббаса II шахом (1052/1642).

Позже был составлен второй стих, в основу которого легла фраза *بود کلب علی عباس ثانی* 'Аббас II будет стражем [букв. собакой] 'Али', находившаяся на его печати и вошедшая в состав второго полустишия.

Сулейман I (1077—1105/1666—1694) помещал на монетах три стиха (Табл. I, 4—6).

1) *از برای صرف زوار امام انس و جان تازه از نام صفی شد سکه صاحبقران*

'Ради расходов [на] паломников имāма людей и душ,²
Именем Сефй обновился чекан *сахибқирāна*.'³

(Табл. I, 4)

2) *جهت تحصیل رضای مقتدای انس و جان سکه خیرات بر زر زد سلیمان جهان*

'Ради приобретения благоволения имāма людей и душ,
Сулейман мира наложил на золото чекан благих дел'.

(Табл. I, 5)

3) *سکه مهر علی را تا زدم بر نقد جان گشت از فضل خدا محکوم فرمانم جهان*

'С тех пор, как я вычеканил на монете души любовь к 'Али,
[т. е. „с тех пор, как я приобрел любовь к 'Али“]
По милости бога мир стал повиноваться моему закону'.

(Табл. I, 6)

Размер всех трех стихов — рамаль, по схеме: — 0 — | — — 0 — | — —
— 0 — | — — 0 — .

Монеты с первым стихом Сулейман I чеканил в начальные годы своего царствования, когда он правил под именем Сефй II; второй и третий стихи

¹ The Shāhs of Persia, стр. LXXIX.

² *امام انس و جان* — эпитет имама 'Али Мусā Риза.

³ *صاحبقران* — собственно, 'Господин счастливого сочетания звезд', т. е. такого положения планет (Юпитер и Венера) по отношению друг к другу, которое астрологи рассматривали как счастливое предзнаменование; в данном случае — титул. Как таковой впервые был принят Тимуром, который родился якобы под расположением светил, приносящих счастье.

Ввиду плохой сохранности монеты ряд слов и букв стиха на экземпляре Британского музея не сохранился и был восстановлен Р. С. Пулем.

Предложенный им текст стихотворной легенды не давал определенного размера, что заставило Р. Р. Фасмера высказать предположение о неправильном чтении стиха. Рассматривая изображение монеты на таблице,¹ Р. Р. Фасмер заметил, что описание ее было дано неточно. Перед س слова زمی не виден م . Напротив, довольно отчетливый م , который в описании приводится как د , стоит позади سا слова سادات .

Счастливым случай помог Р. Р. Фасмеру правильно прочесть стих. Весной 1932 г. хранителем нумизматического собрания Ереванского музея Байбуртяном ему был предложен для определения клад, найденный недалеко от Еревана и состоявший преимущественно из монет XVIII в. Среди монет клада нашлась одна, чеканенная штемпелем экземпляра Британского музея, на которой Р. Р. Фасмер прочитал следующий стих:

سکه بر زر زد بگیتی چون طلوع ازهرین
وارث ملک سلیمان سام بن سلطان حسین

‘Повсюду в золоте чеканил монету, подобно восхождению солнца и луны,
Наследник царства Сулеймāна, Сām, сын султана Хусейна’.

Размер стиха — рамаль, по схеме: —○—|—○—|—○—|—○—.

На основании этого нового чтения Р. Р. Фасмер совершенно правильно отнес данную монету с приведенным стихом не к Сулеймāну II, а к Сāmу Мйрзе. Подтверждает это и место чеканки — Тебриз, где Сām был провозглашен шахом.

Все рассмотренные легенды представляют собой стихи, написанные размерами, наиболее употребляемыми в персидском стихосложении (хазадж, хāфиф, рамаль, мутақāриб). Только в одном случае не представляется возможным определить размер стиха из-за неясности текста легенды. В каждом бейте оба полустишия имеют одинаковую рифму. Иногда применяется прием добавочной рифмы, примером чего служит стих, помещенный на монете Исма‘йла II, в котором рифмуются слова امام и تاج , а добавочной рифмой является слово است , заканчивающее каждое полустишие.

По содержанию стихотворные легенды можно разбить на четыре группы. К первой следует отнести стихи, констатирующие самый факт чеканки монет тем или иным правителем. Например: „С помощью бога повсюду чеканил государственную монету ‘Аббās II“. Иногда к имени шаха прибавляется пышный эпитет: „Тень истины [на земле] ‘Аббās III, сāхīb қирāн“ или „шах Сулеймāн II, распространитель справедливости“.

Вторую группу составляют стихи шиитского содержания, прославляющие халифа ‘Алī и имама ‘Алī Мūsā Ризā. Примером служат арабский стих на монете Исма‘йла I и персидский на монете Исма‘йла II.

Третья группа объединяет стихотворные легенды, в которых шах провозглашается покровителем шиизма, стремящимся своими делами заслужить любовь и милость халифа 'Али и имама 'Али Мұса Риза. В этом отношении характерен стих на монете Сулеймана I: „Ради приобретения благоволения имамов людей и душ || Сулейман мира наложил на золото чекан благих дел“.

В четвертую группу можно выделить стихи, появление которых было вызвано определенными историческими событиями, нашедшими отражение в их содержании. Так, борьба Тахмаспа II с суннитами-афганцами явилась причиной создания стиха:

„На чистопробном золоте чеканил Тахмасп II:
Нет человека кроме 'Али и нет меча кроме Зу-л-Фақара“.¹

Стихотворные легенды на сефевидских монетах написаны сухим придворным языком, довольно бедными средствами художественной выразительности. Характерная особенность языка легенд заключается в употреблении терминов, связанных с монетным делом, из которых встречаются: سکه 'чекан'; سکه زد 'чеканил'; زر 'золото'; نقد 'наличность' (в смысле наличные деньги); كامل عيار 'чистопробный' и др. Наличие в стихах монетной терминологии придает им специфический характер и подтверждает высказанную мысль, что Сефевиды создали особую форму кратких стихов, использованных только в качестве монетных легенд. Наиболее часто употребляются эпитеты, сопровождающие имя шаха, халифа 'Али и имама 'Али Мұса Риза: عدل گستر 'распространитель справедливости', دين پرور 'покровитель веры', مظہر العجايب 'проявитель чудес'. В ряде стихов для придания личности шаха большего величия применяются сравнения, например:

سکه پرور زد بگیتی چون طلوع الازھرین || وارث ملک سلیمان سام بن سلطان حسین

В этом стихе шах сравнивается с небесными светилами. Встречаются и другие сравнения: ظلّ حق 'тень истины', کلب علی 'собака [т. е. страж] 'Али', чем подчеркивается преданность шаха шиизму. Часто используются вносказания, вводимые в стих для придания ему большей красочности. Вместо местоимения من употребляется выражение نقد جان 'наличность души', вместо слов زر زر — بچہ زر 'на лике золота' и т. д. Все перечисленные способы художественной выразительности преследовали одну цель: поднять личность шаха на недостижимую высоту и тем самым укрепить его власть.

Сефевидские правители пользовались стихотворными монетными легендами не в одинаковой мере. Одни, как 'Аббас II, Тахмасп II, 'Аббас III, помещали стихотворные легенды на всех монетах. Другие, как Сулейман I и Хусейн I, чеканили монеты со стихами и без них, причем надо отметить, что при Сулеймане I чеканка монет со стихотворными легендами производилась параллельно с чеканкой монет без стихов. В отличие от Сулеймана I,

¹ См. выше, стр. 72.

Хусейн I только в первую половину своего правления выпускал монеты со стихами. При всех сефевидских правителях стихотворные легенды помещались на монетах как крупного, так и мелкого достоинства. Чеканка тех и других происходила иногда на одном, иногда на разных монетных дворах. Один и тот же монетный двор одновременно не выпускал монет со стихотворными легендами и без них. Монеты со стихами в разные периоды чеканились всеми основными монетными дворами, но чаще других в Тебризе и Исфахāне. При Сулеймāне I они выпускались только в Исфахāне как столице сефевидского государства.

Сефевиды первые в монетном деле Ирана использовали созданную ими особую форму кратких стихов в качестве монетных легенд. После их падения продолжали чеканку монет со стихами династии, сменившие Сефевидов: на территории самого Ирана. Заимствовали стихотворную форму монетной легенды также Дурраниды, Баракзайды и Великие Моголы, но вкладывали в нее совершенно иное содержание.

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

ТИБЕТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ НА ДЕРЕВЕ ИЗ РАЙОНА ОЗЕРА ЛОБ-НОР. I¹

Публикуемые ниже три тибетских документа принадлежат, как и тибетский документ на дереве, опубликованный в VII выпуске „Эпиграфики Востока“, к коллекции С. Е. Малова, хранящейся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. Эти документы представляют часть архива тибетского гарнизона в крепости, развалины которой известны под названием „Миранское городище“.² Другая часть этого архива, находящаяся в коллекции О. Стейна, датируется Ф. В. Томасом первой половиной VIII в.³ Эта весьма вероятная, хотя и не вполне доказанная, датировка может быть отнесена и к документам настоящей коллекции.

Первый из публикуемых документов имеет шифр ТД 24. Размеры дощечки 27 × 1,8—2 см; ее толщина 3—4 мм. С правой стороны отверстие для шнура диаметром 3 мм. Обработка дощечки грубая, на верхнем крае несколько зазубрин. Надпись сделана черной тушью. Почерк курсивный бу-чан (bu-can), довольно небрежный. Текст расположен по 2 строки на лицевой и оборотной стороне. Адрес и наименование документа, имевшиеся, очевидно, на отдельной дощечке, отсутствуют. По типу отсутствующий текст должен соответствовать тексту второго из публикуемых документов.

Грубая обработка дощечки и небрежность почерка вместе с высоким стилем письма говорят в пользу того, что настоящий документ представляет черновик или сделанную для архива копию письма, а не само письмо. Общая сохранность хорошая (см. таблицу, 1—2).

¹ Начало публикации тибетских документов см.: В. С. Воробьев-Десятовский. Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор. ЭВ, вып. VII. М.—Л., 1953, стр. 70—76.

² Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. Изв. Русского Географического общества, XIII, 1878, стр. 32 и на приложенной к этой работе карте пункт на реке Джангансай-Дарья, названный „Развалины старого города“.

³ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1931, стр. 811—812.

в тех случаях, когда в классической орфографии употребляется лигатура *ky* (после *d* и *s*) и *g* (после *g*; ср. прим. *m* и *n*). Такое написание отражает, вероятно, своеобразное произношение этих частиц в диалекте, на котором говорил писавший этот документ.

⁶ *mas-mchis-pha* 'вернувшийся' соответствует классическому *mas-mchis-ra*. В этом документе наблюдаются колебания в употреблении *r* и *rh* в частице, в классическом языке имеющей вид *ra* (ср. прим. *ж* и *л*). Они аналогичны отмеченным выше колебаниям в употреблении *s* и *sh* (см. прим. *a*). И в том и в другом случае никакой закономерности не наблюдается.

⁷ *Nañu-sa* 'местность Nañu' — очевидно, один из вариантов встречающегося ниже написания *Neñu-sa* (см. прим. *k*). Или же *Nañu-sa* может быть собственно именем, напоминающим по звучанию западнопракритскую форму санскритского имени *Nañuṣa* (это последнее имеет также лексическое значение 'сосед'), и в этом случае перевод должен быть: 'Из словесного рассказа вернувшегося *Nañu-sa* [или соседа]...'. Однако это менее вероятно.

⁸ *glo-ba* здесь переводится, как и в переводах тибетских документов этой же эпохи у Ф. В. Томаса, как личное местоимение 1-го лица единственного числа. В современном и классическом тибетском языке слово *glo-ba* имеет значение 'легкое'. Уже А. Х. Франке предложил считать его в документах той эпохи синонимом современного и классического слова *blo-ba* 'ум', 'душа'.¹ Такое исходное значение для этого слова, выступающего в настоящем документе в функции личного местоимения, весьма вероятно. Примеры чередования префиксов *g* и *b* без изменения значения слов, подкрепляющие это предположение, приводит С. Вольфенден: *gtub-ra* и *btub-ra* 'мочь' и др.²

⁹ *gab-du* соответствует классическому *gab-tu* 'чрезвычайно'; наблюдаемое здесь озвончение согласного *t* имеет в языке настоящего документа ряд аналогий (см. прим. *a*, *e*, *m*, *c*).

¹⁰ *g-ya-du* 'достоверно', дословно 'под залог'. Написание *g-ya* с подписным *g* встречается и в документах коллекции О. Стейна.³ Аналогичное сочетание *u* с подписным *ñ* имеется также в документе ТД 23, изданном в VII выпуске „Эпиграфики Востока“. В более позднем языке такого сочетания не засвидетельствовано и это слово известно в форме *g-ya-g*. Интересно отметить, что согласно нормам классического языка употребление частицы *du* было бы возможно лишь в том случае, если это слово оканчивалось бы на *r*; после гласного эта частица должна была бы выступать в форме *ru* или же *r*, которое примыкает к конечному гласному. Это обстоятельство говорит, казалось бы, против выставленного нами при пуб-

¹ A. H. Francke. *Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse*, 1924, стр. 13.

² Stuart N. Wolfenden. *Outlines of Tibeto-Burman Linguistic Morphology*, London, 1929, стр. 41.

³ F. W. Thomas. *Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS*, 1934, стр. 501, документ Mj, XLIX 6, строка 5.

ликации документа ТД 23 в VII выпуске „Эпиграфики Востока“ предположения о том, что в основе написания *y* с подписным *l*, аналогичного настоящему сочетанию *y* с подписным *g*, лежит произношение слов, в которых встречается эта группа согласных, отличное от такового в том диалекте, на основе которого сложился классический язык. Однако правила употребления различных фонетических форм частицы *du* в настоящем документе, как и других частиц, сильно отличаются от тех правил, которые мы встречаем в классическом языке (ср. прим. *л*). Поэтому аналогии, взятые из классического языка, в данном случае не имеют доказательной силы; к тому же, появлению частицы *du* после слова *g*-уга в форме *gu* могла помешать регрессивная диссимилиация согласных, которая при отсутствии строгих норм орфографии могла действовать и через конечный *a*.

* *gad-pha* соответствует классическому *gad-pa* ‘расширять’ (см. прим. *б* и *л*).

* Так как чтение некоторых слогов в конце строки А 2 спорно, то это место остается без перевода.

* *bu-gcig* ‘один сын’; настоящий перевод является скорее этимологическим, так как это выражение употреблено здесь в функции личного местоимения, вероятно, 1-го лица. Определить точно лицо не представляется возможным из-за плохого состояния конца строки А 2, не позволяющего дать точный перевод этого места.

* *Neḥu-sa* ‘местность *Neḥu*’ — очевидно, то же самое, что и *Naḥu-sa* (ср. прим. *в*). Судя по содержанию текста — место написания документа. *Sa* в данном случае означает, очевидно, ‘местность’, а не резиденцию, как в двух документах того же времени, изданных Ф. В. Томасом.¹ Идентифицировать эту местность с какой-либо из известных нет оснований. Следует, однако, отметить, что князь *Neḥu* упоминается в тибетских документах из Дунь-Хуана, изданных Ж. Бако и Ш. Туссенем. Этот князь *Neḥu* управлял страной, населенной тибетским племенем *Mchims*.²

Если же *Neḥu-sa* рассматривать как собственное имя (см. прим. *в*), то перевод будет: ‘чтобы приказания были посланы через *Neḥu-sa*’. Это представляется, однако, менее вероятным.

* *bkah-stsald-pa* ‘приказания’; здесь, как и выше (начало строки В 1), следует отметить присутствие суффикса *d*, называемого в тибетских грамматиках *da-drag*.³ Затем интересно отметить, что здесь частица *pa* имеет *p*

¹ F. W. Thomas, ук. соч., стр. 249. — Он же. A Chinese Buddhist Pilgrimes Letters of Introduction. JRAS, 1927, стр. 558.

² J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, текст, стр. 80, строка 23; перевод, стр. 84, строка 12.

³ Относительно употребления *da-drag* см.: B. Laufer. Bird Divination among the Tibetans. T'oung Pao, 15, 1914, стр. 56—64; о его функции см.: R. Shafer. Studies in the Morphology of Bodic Verbs. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, XIII, 1951, стр. 1027—1029. *Da-drag* употребляется также в документе ТД 23 (ЭВ, в. п. VII, М.—Л., 1952, стр. 75).

Рис. 4.

Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор.

1 — документ ТД 24, лицевая сторона; 2 — документ ТД 24, оборотная сторона; 3 — документ ТД 15;
4 — документ ТД 28.

непридыхательное, в то время как выше (см. прим. ж) также после конечного *d* предыдущего слова она имеет форму *pha* (ср. также прим. б).

* *gyañ* 'же' — эмфатическая частица, в классическом языке после конечного *g* предыдущего слова имеет форму *kuañ*.

* *skur-shiñ-mcis-na* 'если будут посланы' соответствует *skur-shiñ-mchis* в предыдущей строке. Это последнее написание представляется возможным, исходя из норм классического языка (ср. прим. а).

* *mtsan* 'донесение' соответствует *mtshan* в классическом языке, нормы которого не допускают сочетания непридыхательного корневого *ts* с префиксом *m*.

" *sa-zigs* 'смотритель местности' — очевидно, звание лица в системе тибетского административного управления в подвластных тибетцам в VIII—IX вв. областях Центральной Азии. Он выполнял, очевидно, те же функции в местности (*sa*), что и *yul-gzigs*¹ в области (*yul*), более крупной единице тибетского административного деления в то время. Согласно нормам классического языка, это слово должно было бы писаться *sa-gzigs*, а следующий за ним показатель родительного падежа *gyi* должен был бы иметь форму *kyi* (ср. прим. а и м).

* *gpa* 'соболаговолите' соответствует *gpañ*, известному как из других тибетских документов из Восточного Туркестана, так и употребляющемуся в классическом языке. Конечное *ñ* отсутствует, потому что для него не хватило места на дощечке. Другое чтение этого слова невозможно, так как выражение, в которое оно входит, является стандартным для тибетского делового эпистолярного стиля того времени. В несколько видоизмененной форме (*bshes-na-ci-gpañ*) оно неоднократно встречается в тибетских документах коллекции О. Стейна.²

* *ji* вопросительная частица, соответствует *ci* в классическом языке и в ряде тибетских документов из Восточного Туркестана. Озвончение согласного в ней может иметь аналогию в отмеченном выше озвончении согласного *k* в грамматических показателях и эмфатической частице *kuañ* (см. прим. а, м и л).

Второй из публикуемых документов имеет шифр ТД 15. Размер дощечки 25.5—23.5 × 3 см; ее толщина 4—6 мм. Правый конец обломан, очевидно, еще до написания текста. Обработка дощечки грубая, особенно с оборотной стороны. Почерк *dbu-sap*, менее курсивный, чем на предыдущем документе, но довольно небрежный. Текст расположен в одну строку на лицевой стороне. Документ написан черной тушью и, так же как и первый, представляет, вероятно, копию, сделанную для архива, или черновик. По содержанию он является началом официального прошения (см. таблицу, 3).

¹ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 100.

² Там же, стр. 110.

в углублении слева, которое замазывалось глиной. Затем на глину накладывалась печать. Общая сохранность документа и текста хорошая. Выломана только небольшая часть края дощечки, благодаря чему повреждено одно слово в нижней строке (см. таблицу, 4).

Текст

[1] ལཱ་མེད་ཅུ་མེད་ལྟུང་མེད་ [2] ཡུལ་གཟིགས་ལ [3] མོ་... .. ལྷི་ལྷོ་

Транслитерация

[1] Paḥ: cab | stag: rma [2] y(u): gzigs: la [3] mo...o... kyis: sprīṅo |

Перевод

‘Смотрителю области Stag-rma из Paḥ-cab’a послано от Мо...—...о...’

Примечание

Paḥ-cab — Stag-rma ‘Stag rma из Paḥ-cab’a’. В этом имени Paḥ-cab — название местности, откуда происходил данный Stag-rma.¹ Написание Paḥ-cab, вместо обычного для более позднего времени Pa-cab, отражает, вероятно, иной звук, нежели обычное *a*. О том, что тибетское *a* — звук, возникший в результате совпадения ряда гласных звуков в один, свидетельствуют его многочисленные соответствия различным гласным в генетически родственном тибетскому языку китайском языке.² Поэтому вызывает сомнения объяснение такого написания исключительно неустановленностью орфографии, предложенное Б. Лауфером.³

Переходя к общей характеристике документов, следует прежде всего отметить, что они по своей внешней форме имеют большое сходство с китайскими документами из древней колонии Лоу-Лан, существовавшей в области озера Лоб-Нор с I в. до н. э. по IV в. н. э. Документы эти, относящиеся к I в. до н. э., были опубликованы китайским ученым Хуаном Вень-би.⁴ Форма этих документов, равно как и тибетских, восходит к форме древнекитайских документов, писавшихся на бамбуковых дощечках. Два китайских документа Ханьской эпохи на бамбуковых дощечках были найдены Хуаном Вень-би около озера Лоб-Нор. Китайские военные и гражданские власти, находившиеся в этой области, из-за отсутствия бамбука уже в I в. до н. э. перешли к писанию документов на деревянных дощечках, но этим последним

¹ J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, стр. 17, строка 12—13 и др. — ср. аналогичное имя: Pa-cab rgyal-can thom-po.

² W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen. Berlin und Leipzig, 1930, стр. 46—47, §§ 102—110a.

³ B. Laufer. Bird Divination among the Tibetans. T'oung Pao, 15, 1914, стр. 52—56. Здесь приведены также и другие гипотезы по этому вопросу.

⁴ Huang Wen-pi. The Exploration around Lob Nor. Peiping, 1948, стр. 179—220 и таблицы. Об отверстиях — отдельный раздел, стр. 214—215; о размерах — стр. 216—218.

придавали размеры и форму бамбуковых дощечек. Снабжение дощечек отверстием (отверстие находится обычно в правом конце дощечек некоторых тибетских документов) засвидетельствовано и в упомянутых китайских документах и ведет свое начало от древнекитайской традиции писания рукописей на бамбуковых дощечках, которые нанизывались на шнурок, образуя книжесвязки.¹ Возможно, что тибетцы заимствовали у китайцев не только внешнюю форму документов, но и стиль их написания, однако этому вопросу должно быть посвящено особое исследование.

В трех опубликованных выше документах содержатся следующие звания должностных лиц тибетской администрации: pañ-gje-ro 'высший гражданский сановник' (ТД 15). Такой перевод этого термина будет более правилен, чем перевод А. Х. Франке и Ф. В. Томаса 'министр внутренних дел',² так как должность высшего гражданского сановника имела в каждой области Восточного Туркестана, где тибетцы осуществляли не только военное, но и гражданское управление. Затем два аналогичных звания yul-gzigs 'смотритель области' и sa-zigs 'смотритель местности' (см. прим. л к ТД 24). Затем мы узнаем также имя высшего административного советника, вероятно, области Лоб-Нор — Gro-rma и смотрителя области — Stag-rma из Pañ-cab'a.

Стиль публикуемых документов заслуживает внимания, так как отдельные фразы и выражения, встречающиеся в них, засвидетельствованы и в тибетских документах этого времени других коллекций, а изучение и сопоставление их, значительно облегчающее и уточняющее перевод тибетских документов этого времени, еще только начато.³

Из таких стандартных выражений можно отметить в документе ТД 24: sug-rgyas-btab⁴ 'заверить подписью и печатью' (дословно: 'приложить руку и печать'); bshes-su-ji-gna[n] 'соблаговолите ли [Вы] принять?' (см. прим. р и с). Вступительная часть этого документа (строки А 1—2), заключающая в себе формулу вежливости, встречается в ряде вариантов и в других тибетских документах того времени. А. Х. Франке перевел ее, с нашей точки зрения, не совсем правильно.⁵ Ф. В. Томас дал ее более правильный перевод.⁶

¹ Крышки писем с выемкой для печати и прорезами для шнурка, близкие по форме к документу ТД 28, также представлены среди китайских документов из Лоу-Лана, относящихся к первым векам н. э. Различие между тибетскими и китайскими документами этого типа заключается лишь в том, что выемка для печати у китайских документов имеет четырехугольную, а не круглую форму. См.: A. Conrady. Die Chinesischen Handschriften und sonstige Kleinfunde in Lou-Lan. Stockholm, 1920, документы 119 и 120, стр. 140 и Abteilung 2, Tafel VI.

² А. Н. Francke. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. Aurel Stein, Serindia, Oxford, 1921, стр. 1461. — F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 91.

³ F. W. Thomas, ук. соч., стр. 109—112.

⁴ Ср.: F. W. Thomas, ук. соч., JRAS, 1928, стр. 577 (документ MJ, XLIX).

⁵ А. Н. Francke. Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1924, стр. 12—13.

⁶ F. W. Thomas, ук. соч., JRAS, 1934, стр. 499 (документ M. Tagh 0512), 503 (документ M. Tagh a. IV 00122).

Текст документов ТД 15 и ТД 18 представляется также стандартным для тибетского эпистолярного стиля того времени. Язык документа ТД 24 отличается как от классического тибетского языка, так и от языка документа ТД 23, опубликованного в VII выпуске „Эпиграфики Востока“. В нем довольно ясно проявляется тенденция к озвончению служебных частиц, отсутствующая в документах ТД 23 и ТД 18 и в классическом языке (см. прим. а, д, е, ж, л и с к документу ТД 24 и прим. б к документу ТД 15). Затем в документе ТД 24 наблюдаются колебания в употреблении простых с, р и ts с соответствующими придыхательными ch, ph и tsh (см. прим. а, б, ж, н и о). Какой-либо закономерности в этих колебаниях не усматривается. Наблюдается также несколько иное употребление префиксальных согласных, чем в классическом языке (см. прим. г и п). В этом же документе дважды встречается архаический суффикс da-drag (см. прим. э). Наконец, в документах ТД 15 и ТД 24 употребляется, хотя и не очень последовательно, перевернутый значок, служащий для передачи звука *i*. Относительно того, какой звук он передает, имеется мнение Б. Лауфера,¹ которое, однако, не может считаться строго доказанным. Для окончательного выяснения этого вопроса необходимо специальное сравнительно-историческое исследование с привлечением большого количества памятников старого тибетского языка и данных китайского и других тибето-бирманских языков.

Из чисто палеографических особенностей следует отметить написание значка *h* с хвостиком в правом верхнем углу, а значка *t* без верхней горизонтальной черты, как в отдельном положении, так и в лигатурах с надписным *s*. Далее, значок для гласного *i* обычно соединяется правым верхним концом с правым нижним концом значка предшествующего согласного. Соединение значков других гласных, пишущихся над согласными, со значками этих последних наблюдается не всегда. В качестве слогоразделительного знака обычно употребляется двоеточие, изредка одна точка. Довольно часто употребляется вертикальная черта | (çad) в функции разделителя слов, предложений и их частей. В документе ТД 15 наблюдаются весьма своеобразные написание букв и спорадическое отсутствие слогоразделительных знаков (двоеточий). Это объясняется, очевидно, небрежностью писавшего (см. таблицу, З). Перед началом текста в каждом из публикуемых документов имеется знак ॐ или ॐ:

¹ B. Laufer. Bird Divination among the Tibetans. T'oung Pao, 15, 1914, стр. 54 (спуска) и стр. 85. Относительно китайских соответствий тибетскому *i* см.: W. Simon. Tibetisch-chinesische Wortgleichungen, Berlin und Leipzig, 1930, стр. 48—49, §§ 111—119.

Э. Р. РЫГДЫЛОМ**К ДРЕВНЕТЮРКСКИМ РУНАМ ПРИБАЙКАЛЯ**

Как известно, основные памятники древнетюркской письменности найдены в бассейнах верхнего течения Енисея и Селенги, а периферия этих районов — северная часть Минусинской котловины¹ и Прибайкалья² — дала лишь незначительное количество мелких надписей преимущественно на бытовых предметах: сосудах,³ зеркалах,⁴ пряслицах⁵ и т. д.

Зарегистрированы пока лишь три надписи на пряслицах. Одна из них найдена археологом В. П. Левашовой в Минусинской котловине, хранится в Минусинском музее, а остальные две были присланы в Археологический кабинет Иркутского университета учителями сельских школ Эхирит-Булгатского аймака. Надписи на этих двух пряслицах расшифрованы тюркологами К. Доннером и М. Резененом⁶ двадцать лет тому назад. С. Е. Малов⁷ одобрил их чтение, указав, однако, на некоторые знаки, не разобранные ими.

Публикуя ниже фотографии данных пряслиц, хотелось бы заметить, что бытовые вещи с надписями ценны как памятники и языка и материальной культуры; об органической связи последних еще раз подчеркнул И. В. Сталин, говоря о языке и его глубоких исторических корнях.⁸

Фотографии наших пряслиц снабжены краткими пояснениями.

Прясло первое (рис. 1) найдено возле деревни Хутне Ольхонского аймака, Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области. Текст надписи ясно виден:

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е, 1950, стр. 606.

² А. Н. Бериштам. Древнетюркские письмены на р. Лене. ЭВ, вып. IV, 1951, стр. 76—86.

³ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакассов). Абакан, 1948, стр. 40—46.

⁴ Э. Р. Рыгдылом. Новые рунические надписи Минусинского края. ЭВ, вып. IV, 1950, стр. 87—93.

⁵ В настоящей заметке говорится о них и литература приводится по ходу изложения.

⁶ K. Donner und M. Räsänen. Zwei neue türkische Runeninschriften. Journal de la Société Finno-Ougrienne, LXV, вып. 2, Helsingfors, 1931.

⁷ С. Е. Малов. Памятники с рунами из Прибайкалья. Язык и мышление, VI—VII, 1936, стр. 275—278. Приложение 2-е к статье „Новые памятники с турецкими рунами“.

⁸ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950, стр. 18—26.

Текст

8 7 6 5 4 3 2 1
 𐰇 𐰆 𐰅 𐰄 𐰃 𐰂 𐰁 𐰀

Транскрипция

1 2 3 4 5 6 7 8
 q^a d^r r^j q^a γ^a γ^r č^a q

Перевод

‘Ролик веретена’.

Небезынтересно отметить, что эти два слова в звуковом и смысловом отношении имеют сходство с бурятскими словами. Академик Б. Я. Владимирцов давно обратил внимание исследователей на общность корней ряда монгольских и древнетюркских слов, зафиксированных руническим алфавитом.¹ В настоящее время благодаря гениальному труду И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ подобного рода сравнительные исследования языков получили марксистско-ленинскую теоретическую основу. Сравнительно-историческое изучение языков наших республик и областей приобрело такое теоретическое и практическое значение, что даже частные случаи схождения и расхождения слов, если они закреплены археологическими и этнографическими материалами, как в данном случае, заслуживают часто того, чтобы быть отмеченными.

Рис. 1. Прясло с рунической надписью.

(Иркутский университет). Натур. вел.

Первое слово (знаки 1—4-й) надписи — q^ad^rγ^aq — созвучно с бурятским *худар* (ха) ‘продеть’, ‘просунуть’, или наречию *худар* или *ходор* ‘насквозь’, выполняющую роль префикса *про-*.

Второе слово (знаки 5—8-й) находит ближайшую аналогию в старомонгольском *зэрцэг* ᠵᠡᠷᠴᠡᠭ ‘веретено’, которое и в настоящее время имеет такой же кружок (прясло), какой изображен на фотографии. Прясло, изготовленное из камня, дерева и даже коры, плотно надевается на утолщенный конец палочки, которая при незначительном движении вертится благодаря дисковидному грузу. Название *зэрцэг* происходит от старомонгольской глагольной формы *зэрэху* — современной *зэрэх* и бурятской *зэрхэ* ‘прять’.

¹ Б. Я. Владимирцов. Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. Доклады Академии Наук. серия „В“, 1929, стр. 289—296. — Он же. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — Там же, стр. 169—174, и другие исследования.

Прясло второе (рис. 2, а—б) найдено возле улуса Шохтой Эхирит-Булгатского аймака Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа. Текст надписи не совсем ясен (ср. рис. 2, а—б).

По С. Е. Малову текст должен выглядеть так:

Текст

24 20 15 10 5 1
 ʃ ʒ ɛ ʏ ɲ ɛ x .. ʏ ɣ ɔ ɰ ʌ ɪ ʒ ɔ ɰ ɰ ɰ ɛ ʏ ʏ x ɔ ʌ

Рис. 2. Прясло с рунической надписью.
 (Иркутский университет). Natur. вел.

Транскрипция

1 5 10 15 20 24
 t ʃ j d ʌ r l ɔ g ʌ r q ʌ r j b s ɛ t q y ʃ d ʌ g ʏ l ɔ g a ʏ

Что касается перевода надписи, то тюркологами разобраны отдельные слова, не давшие общего смысла. Считаю возможным лишь отметить, что в начале и конце текста ясно виден суффикс $-l^u g$ (знаки 5—6-й и 20—21-й), который, видимо, нес тогда приблизительно ту же функцию, какую несет в настоящее время общий для монгольских и тюркских языков суффикс *лиг* ($-l^u q$), $-l^u g$, $-l^u z$ и другие, в виде имяобразующих окончаний.¹

Что касается корней двух слов, имеющих суффикс $-l^u g$, то они напоминают старомонгольские формы *эдэр*, *идэр* ʃʏʃʌ 'молодой, юный' и *дэгуу* ʃʏʃʌ 'младший, (-ая)'. В отношении соседних с ним начального и конечного

¹ К таким же общим для этих языков суффиксам относятся $-l^u r$, $-n^u r$ — показатели множественности, $-t^u$, $-t^u(o)$, $-t^u(y)$ — *мый*, *тый*; имеются и другие: *чи* — 'профессия', 'способность', и прочие.

слов надписи следует сказать, что первое было прочитано С. Е. Маловым, а второе оставлено со знаком вопроса.

С. Е. Малов, в отличие от других тюркологов, в 1-м и 2-м (D $\hat{\wedge}$ возможно D \hat{H}) знаках видел слово *тай* и перевел его по аналогии с казахским *тай оуз* — 'годовой бычок', 'жеребенок'. А следующее слово (знаки 3—6-й) С. Е. Малов перевел 'оседланный' или в целом: 'молодой оседланный олень (горный козел)'.¹ Хотелось бы отметить, что в противовес тюркскому, в монгольских языках со словом *тай* связано понятие о двухгодичности (*тайлаг* 'двухгодовалый верблюд' и т. д.). Но это закономерно: по-монгольски *гунажин* 'трехлетка' и *дунужин* 'четырёхлетка' (*жин* — следы грамматического рода), а в тюркских языках этими же словами обозначают двух- и трехлеток, или еще старомонгольское *бирау* , современное монгольское *бирау*, бурятское *буруу* 'двухгодичная телка', а киргизское *музао*, казахское *бузау* 'теленка', хакасское *пызо* или *про* 'телка-одногодка'. Последние два знака (𐰉𐰺), читаемые *аг(а)*, напоминают монгольское *ага*, *аха* 'старший', титул или прозвище. И, наконец, те черточки и точки (вроде [· | | : | : | ·]), которые заметны в начале надписи (рис. 2, а), есть, вероятно, счетные знаки, тем более, что в целом надпись напоминает роспись, сопровождаемую обычно датой, т. е. названиями года, месяца, иногда и дня.

В заключение два слова о пряслице, найденном В. П. Левашовой в Минусинской котловине.

Надпись нанесена на боковой поверхности предмета и представляет значительный интерес. Своими лесенкообразными и иными своеобразными знаками она напоминает надпись таласской палочки, расшифрованной С. Е. Маловым.² С. В. Киселев, отождествляя знаки этих надписей, предполагает наличие связей между Минусинской котловиной и Тянь-Шанем,³ причем С. В. Киселев, как и другие исследователи,⁴ признает преемственность древнетюркского алфавита от арамейского.⁵

Хотя писать здесь по этим вопросам не место, но все же приведем рисунки надписей пряслица (рис. 3, а-б), таласской палочки (рис. 4, А) и образчиков финикийского и пунического письмен (рис. 4, Б, В). Однако, говоря здесь о письме, строго различаем две вещи — письмо как графическую основу той или иной письменности и письмо как явление, связанное с языком, органически и непрерывно отражающее его состояние. В этом смысле эпиграфика не отделима от языка и его истории.

¹ С. Е. Малов, ук. соч., стр. 277.

² С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, 1936, стр. 28—38.

³ С. В. Киселев, ук. соч., стр. 613—614.

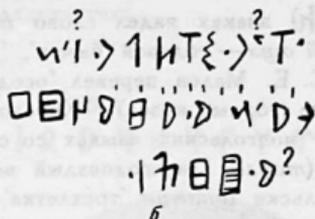
⁴ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 134, 145 и др. — Ч. Лоукотка. Развитие письма, М., 1950, перевод с чешского, стр. 105—109.

⁵ С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргызов, КС ИИМК, вып. XXV, стр. 33.

Итак, возвращаясь к нашим пряслицам, отметим, что единичный, но все же убедительный пример показывает, что древние памятники языка и ма-

а

б

Рис. 3. Оттиск (а) и графическое изображение надписи на боковой поверхности прясла (б).
(Минусинский музей).

териальной культуры могут иметь в современности живые, глубоко исторические корни. И. В. Сталин учит, „что элементы современного языка были

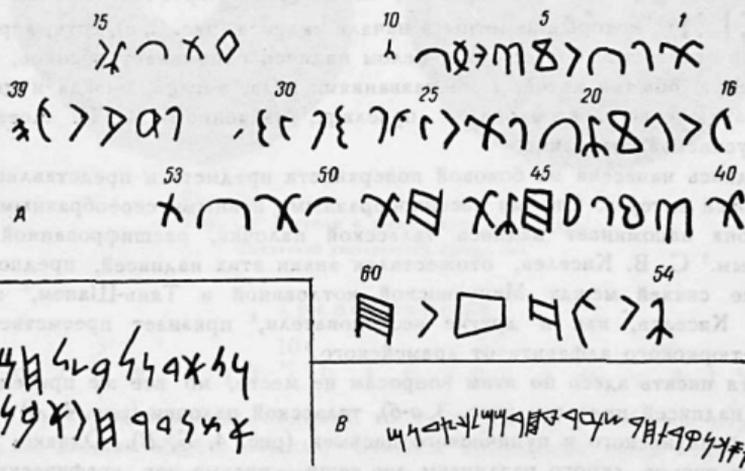

Рис. 4.

А — руническая надпись на палочке из Таласа (по С. Е. Малову); Б — пуническое письмо (по Ч. Лоукотка);
В — финикийское письмо (по де Моргану).

заложены еще в глубокой древности до эпохи рабства“ и „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950, стр. 19 и 22.

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В Ленинградском отделении Института истории материальной культуры Академии Наук СССР состоялся 6—8 марта 1952 г. пленум, посвященный итогам работ экспедиций 1951 г.

В заключение доклада на тему „Древнебактрийский комплекс на городище Кал'а и Мир“ М. М. Дьяконов демонстрировал сводную таблицу материалов, датированных от VII в. до н. э. до IV в. н. э. Датировку и распределение по периодам облегчили монетные находки: греко-бактрийская монета Эвкратиды, варварское подражание монетам Эвкратиды и монеты представителей кушанской династии — Канишки и Васудевы.

Из находок феодального периода М. М. Дьяконов выделал надпись с арабскими письменами X в. н. э., найденную на правом берегу реки Кафиринган.

В. К.

На городище Пянджикент Согдийско-таджикской экспедицией в 1951 г. в здании № 6 открыты замечательные стеновые росписи с новыми сюжетами, отличающимися от обнаруженных в предшествующие годы работ, и найдена монета китайского образца с квадратным отверстием.

В. К.

По сообщению руководителя Куйбышевской экспедиции А. П. Смирнова, около 400 монет 30-х, 40-х и 60-х годов XIX в. извлечено в 1951 г. на городище Булгар.

В. К.

Выпуск 2-й „Материалов Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции“ (ЮТАКЭ, Издательство

Академии Наук СССР, М.—Л., 1951) посвящен публикации редчайших памятников письменности с городища Новая Ниса в селении Багир, в 18 км северо-западне Ашхабада. Выпуск 2-й озаглавлен: „Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы“. М. Е. Массон, руководитель ЮТАКЭ, в статье „К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса“ (стр. 5—19) излагает все обстоятельства находки не встречавшихся ранее подобных образцов парфянского письма. В связи с содержанием документов он останавливается на их значении, на вопросах о культуре винограда и виноделии в Средней Азии, на мерах емкости, налогах и податях.

Заключительные слова статьи М. Е. Массона — „Остраконы Новой Нисы — это лишь первые, но красноречивые предвестники возможных новых открытий памятников парфянской письменности в пределах Туркменской ССР“ — оправдались уже в полной мере, притом в кратчайший срок.

Во второй статье выпуска 2-го, написанной совместно И. М. Дьяконовым, М. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем, под заглавием „Документы из древней Нисы“, дана первая расшифровка и анализ семи остраконов. Коллективная статья состоит из восьми глав: 1. Обстоятельства находки документов. 2. Описание документов. 3. Письмо документов. 4. Чтение документов. 5. Парфянский язык документов. 6. Арамейские идеограммы. 7. О датировке документов. 8. Историческое значение документов.

Документы — остраконы воспроизведены по фотоснимкам на рисунках 1—8-м

издания и по прорисовкам — на рисунках 10—17-м; на рис. 9 дана сравнительная таблица древних алфавитов Ирана и Средней Азии, возникших на арамейской основе.

Несмотря на спорность части чтений, и на что указывают выступления некоторых специалистов, первые шаги к вовлечению редчайших документов в научный обиход уже сделаны.

В. К.

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1951 г. вела с успехом работы в нескольких пунктах южной Туркмении. На заседании Ученого совета ЮТАКЭ 31 марта 1952 г. в Ленинграде с отчетным докладом выступил руководитель экспедиции проф. М. Е. Массон. Стационарные работы продолжались в Старой Нисе. Следует отметить многочисленные находки памятников письменности.

В замурованном помещении № 16 крупного и сложного архитектурного комплекса, не раскрытого еще до конца, была найдена тетрадрахма Эвтидема прекрасной сохранности, на полу — поздняя монета Александра Македонского (подрожание?). В разных помещениях этого дома были подобраны небольшие обломки глиняных валиков с оттисками печатей. Из собранных кусочков восстановлены полностью или по частям до 50 оттисков печатей, среди которых имеются изображения божеств (Ника и др.), мифических существ, всадников, охоты и проч. Только одна надпись на оттиске печати — греческая, все остальные были вырезаны парфянским письмом.

В 6 м от помещения, где ранее были найдены ритоны из слоистой кости, украшенные тончайшей скульптурной отделкой, открыты помещения (хум хане) первых веков до н. э., в которых хранились глиняные корчаги (хумы). Для поддержки острых дниц хумов, а также в утрамбованном слое площадки под ними были уложены многочисленные остраконы. Около 130 остраконов покрыты письмами арамейской группы, нанесенными черным чернилом при помощи кисти; имеются и даты. Очистка и расшифровка новых остраконов проводятся в Ленинграде. Это будет вто-

рой крупный шаг в исследовании древнейших памятников восточной письменности, открытых на территории Средней Азии. Первое печатное известие появилось в „Туркменской искре“ (№ 198/7747), 5 октября 1951 г.

В культурном слое Старой Нисы, относящемся ко времени после падения парфянского государства, найдены монеты, начиная от Ардашира — первого царя из дома Сасанидов — и кончая Хормиздом. В верхнем культурном слое VII—VIII вв. найдены фельсы с надписями на арабском языке.

На территории Старого Мерва, к югу от городища Султан Кала, закончена

Прорисовка надписи на половинной торцовой плитке конца XIII в. (678 г. х.). Старый Мерв. Шахрияр-арк.

раскопка павильона с росписной панелью; здесь была обнаружена китайская черепица, на которой сохранились китайские иероглифы. Найдены были также монеты, чеканенные в Мерве после разгрома в XIII в., обломок керамической плитки от торца надгробия, на которой уцелела часть надписи. Дата на плитке 678/1279—1280 г. читается, хотя рельеф букв сбит (см. рисунок). По сообщению М. Е. Массона, который предоставил нам эскиз этой надписи, плитка происходит из Шахрияр-арка — цитадели Мерва феодального периода и найдена к северу от дворца, в котором проживали в XIII—XIV вв. монгольские правители.

В стороне от Мерва, в полосе песков, был обследован впервые мавзолей Гёк-Гумбез, украшенный изразцовой мозаикой, некогда изготовленной на месте: там есть остатки обжигательных печей и гошчарный брак. По словам старожил, встречались и изразцы, покрытые кувфическими письмами.

В дополнение к отчетному докладу М. Е. Массона, который иллюстрировала обширная выставка фотографий, планов, разрезов и рисунков, выступил один из участников публикации первых семи парфянских остраконов, И. М. Дьяконов. Новая коллекция остраконов датируется предположительно 30—40-ми годами до н. э. Тексты аналогичны по содержанию с найденными ранее и представляют собой счетные документы; поэтому чтение документов, по словам содокладчика, стало легче, но лексика трудна. Между прочим, подтверждается чтение некоторых терминов, встречаемых в первых документах, в частности, термина «баж» в значении подати с винограднака.

Парфянские остраконы из Старой Нисы не только по количеству, но по содержанию и по датировке далеко оставляют позади все ранее открытые за пределами СССР парфянские документы, которых насчитывается всего несколько единиц.

Своеобразный парфянский «архив» на черепках столь же замечателен, как хорезмийские документы с Топрак Кал'а и согдийские документы с горы Мур.

В. К.

На заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР обсуждалось 6 июня 1951 г. исследование члена-корреспондента Академии Наук СССР К. В. Тревер «Очерки культуры Армении II в. до н. э.—IV в. н. э.», ч. II. Работа К. В. Тревер охватывает эпиграфические материалы от II в. до н. э. по IV в. н. э.: греческие, арамейские и латинские лапидарные надписи и монеты. К. В. Тревер дает новое истолкование армянских надписей, которые, по ее мнению, были связаны со святилищем.

В. К.

Изучению доисламской Аравии в арабских странах до самого последнего времени не уделялось почти никакого внимания, и успехи, достигнутые арабами на этом поприще, были незначительны. Причиной этого являлось пренебрежительное и даже нетерпимое отношение мусульман

к доисламскому времени как к периоду «джахилийи», невежества.

Только в начале XX в. проявился интерес арабов к далекому прошлому их народа. Первой работой на арабском языке, посвященной доисламской Аравии, явилась книга знаменитого арабского писателя Жиржи Зейдана «Арабы до ислама»,¹ вышедшая в Каире в 1908 г., в которой несколько глав посвящено и южной Аравии. Однако книга представляла собой компиляцию по средневековым арабским и некоторым западноевропейским работам и значительного научного значения не имела.

Серьезное изучение древней южной Аравии в арабских странах началось в Египте, где в 1909 г. итальянским ученым И. Гвиди (Guidi) был прочитан курс введения в арабистику, в котором одна лекция была посвящена южной Аравии. Самостоятельная работа началась позднее, в 30-х годах, когда был предпринят ряд экспедиций в южную Аравию,² давших большие научные результаты. Выдвинулось несколько новых исследователей, опубликовавших результаты этих экспедиций; среди них следует особо отметить имя Халида Йафйа Намй, выпустившего в свет ряд ценных и интересных работ.³

Игнатий Юлианович Крачковский, уделивший изучению арабами древней южной Аравии особое место в курсе лекций по сабенистике, прочитанном в Ленинградском университете в 1949 г.,⁴ говорил, что «если все основания предполагать, что эта традиция, раз создавшись, будет продолжаться и развиваться».

Игнатий Юлианович всегда с любовью следил за развитием современной арабской литературы, не только художественной, впервые изучавшейся им, но и научной. Сейчас можно с удовлетворением и радостью сказать, что и в этой менее разработанной области арабская литература не обманула его ожиданий.

¹ كتاب العرب قبل الاسلام Le Cairo, 1908.

² 1935 г. — экспедиция Мухаммада ал-Азма и Каирского университета; 1947 г. — экспедиция Ахмада Фаури.

³ Об одной из его работ сообщалось в сборнике «Эпиграфика Востока», II, стр. 114.

⁴ Именно этому курсу лекций я обязан большинством приводимых выше сведений.

В 1951 году французским археологическим институтом в Каире была организована новая серия изданий, посвященных древней южной Аравии. В качестве первого тома ее была издана работа Мухаммада Тавфика, посвященная надписям из Ма'ина.¹ Доктор Тавфик, глава антропологической лаборатории Каирского университета, еще в 1944—1945 гг., во время своих поездок в Йемен для борьбы с саранчой производил раскопки в Джауфе; результаты этих раскопок и опубликованы в его работе.

В книге помещено большое количество фотографий с надписей IV—II вв. до н. э., происходящих из Карнаву, столицы древнего минейского государства. Надписи имеют большую ценность не только с точки зрения палеографии, но и с точки зрения изучения истории и языка южной Аравии, так как большинство их публикуется впервые.

Не меньший, если не больший интерес, представляют и чисто археологические сведения книги. Помимо описания раскопок, которые в сабейские до сих пор исчисляются единицами, весьма интересны многочисленные карты и планы. Особенно важен первый план Карнаву и новая карта Джауфа.

По плану издания следующий том, подготовляемый к печати М. Тавфиком и Х. Й. Нәмй, будет посвящен древнему Йатилу (Баракишу) и должен дать столь же подробное и тщательное описание этого города, как первый — древнего Карнаву.

С особым удовлетворением можно отметить появление серьезной работы, посвященной доисламской Аравии, в Ираке, где до сих пор никакой традиции в изучении этой области не существовало. Это большой труд Джавада 'Али „История арабов до ислама“, изданный Иракской академией наук.² Издание рассчитано на несколько томов.

¹ M. Tawfik. Les Monuments de Ma'in (Yemen). Publications de l'Institut Français d'Archéologie du Caire. Études sudarabiques, стр. VI + 40 + 40 таблиц и фотографий + 12. Работа написана на арабском языке и сопровождается резюме на французском (4 стр.).

² تاريخ العرب قبل الاسلام, vol. I. Baghdad, 1370/1951, 418 стр.

В первом томе автор дает историческую географию Аравийского полуострова, историю изучения доисламской Аравии и исследование истории древнего минейского государства.

Работа Джавада 'Али — первый труд такого рода не только в арабских странах, но и вообще во всей истории изучения доисламской Аравии. С ней может сравниться только одна коллективная работа — „Руководство по древнеарабским памятникам“,¹ первый том которой, посвященный древнеарабской культуре, вышел под редакцией Нильсена в 1927 г., причем работа Джавада 'Али имеет ряд несомненных преимуществ. Большим достоинством работы является наличие исторической географии полуострова, которая отсутствует в „Руководстве“ Нильсена. Новый труд значительно больше соответствует современному уровню сабейстики; так как в нем весьма тщательно использованы работы последнего десятилетия. Более того, работа Джавада 'Али, по нашему мнению, имеет преимущества и в системе изложения, так как дает более последовательное и цельное изложение истории доисламской Аравии. К положительным качествам книги принадлежит также чрезвычайно подробная, детально подобранная библиография.

Работа Джавада 'Али имеет большое значение и несомненно сделается настольной книгой, необходимой не только тем, кто занимается доисламской Аравией, но и специалистам по древнему Востоку, арабистам и семитологам.

Книги являются крупным шагом вперед в области сабейстики и убедительно показывают, что в настоящее время нельзя заниматься этой наукой, игнорируя достижения арабских ученых, как это зачастую делалось раньше.

А. Лундин.

В журнале „Oriens“ (т. 3, № 1, стр. 108—112) опубликована статья С. Мураяка о надписи так называемого „хорхираского или чингисова камня“.

¹ D. Nielsen. Handbuch der altarabischen Altertumskunde, Bd. I, Die altarabische Kultur. Kopenhagen, 1927.

Автор статьи не только приводит сведения о прежних чтениях надписи Я. Шмидтом, Д. Банзаровым, И. Ключиным, но и дает свое толкование: „Когда Чингис-хан, покорив сартагулов, расположился [лагерем] и собрал всех монгольских князей в Буга-Сочигае, тогда Есунхэ, соревнуясь в стрельбе на дальность, выстрелил [из лука] на расстояние 335 алда [саженей]“.

Отсюда видно, что автор статьи сохраняет чтение Д. Банзарова (Записки Русского Археологического общества, т. III, отд. I, 1851, стр. 268—292 и табл. X) для

первой половиной надписи и чтение И. Ключкина (Труды Государственного Дальневосточного университета, серия VI, № 5, 1927) для второй ее части. В результате объединения получилось как бы новое чтение надписи.

Возможно, чтение Д. Банзарова требует уже пересмотра и разбор надписи И. Ключиным подтверждает это, но приведенное выше чтение С. Мураяма едва ли может считаться должным шагом вперед в этом направлении.

Э. Р.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Василий Владимирович Бартольд	Фронтиспис
Надпись с берега озера Иссык-Куль. Фот. Отдела рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР	16
Фрагмент намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (первая половина V/XI в.)	26
Намогильный кирпич, хранящийся в Археологическом кабинете Туркменского Государственного университета (508/1115 г.)	26
Кусок намогильного кирпича с кладбища средневекового Башана (520/1126 г.)	28
Кирпич с кладбища Худай-Назар-Аулия (545/1150 г.)	28
Кирпич с городища Али-Аскер (598/1202 г.)	29
Кусок кирпича из квартала керамистов средневекового Башана (после 600/1200 г.)	30
Кирпич с городища средневекового Мехне (V/XI в.)	32—33
Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией из грузинской рукописи 1031 г. с Синяя	40—41
Реконструкция 1-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.	44
Реконструкция 2-го типа термезских монет из клада 617/1220 г.	45
Гаресджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г. Фот. 1930 г.	56—57
Серебряные монеты Сефевидов (табл. I)	64—65
Серебряные монеты Сефевидов (табл. II)	64—65
Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор	80—81
Прясло с рунической надписью. (Иркутский университет)	87
Прясло с рунической надписью. (Иркутский университет)	88
Оттиск и графическое изображение надписи на боковой поверхности прясла. (Миусинский музей)	90
Руническая надпись на палочке из Таласа (по С. Е. Малову); пуническое письмо (по Ч. Лоукотка); финикийское письмо (по де Моргану)	90
Прорисовка надписи на поливной торцовой плитке конца XIII в. (678 г. х.). Старый Мерв. Шахрияр-арк	92

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
- Зап. АН ИФО — Записки Академии Наук, VIII серия по Историко-филологическому отделению.
- Зап. АО — Записки Археологического общества.
- Зап. РГО — Записки Русского Географического общества по отделению этнографии.
- ЗВО — Записки Восточного отделения Археологического общества.
- ИАН — Известия Академии Наук.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- Изв. АН Узб. ССР — Известия Академии наук Узбекской ССР.
- Изв. РАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
- Изв. РГО — Известия Русского Географического общества.
- КС ИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.
- М. — А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
- ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
- ПФАЭКЭ — Памиро-Ферганская археолого-этнографическая комплексная экспедиция.
- САГУ — Среднеазиатский Государственный университет.
- Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии.
- ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
- Труды ВО АО — Труды Восточного отделения Археологического общества.
- Труды Узб. ФАН — Труды Узбекского филиала Академии Наук СССР.
- ЭВ — Эпиграфика Востока.
- Эрм. № — Монеты, поступившие в Эрмитаж после выхода в свет Инвентарного каталога А. К. Маркова с его 4 дополнениями.
- ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- ЕI — Enzyklopaedie des Islam.
- GMS — E. J. W. Gibb Memorial Series.
- JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
- Num. Chr. — The Numismatic Chronicle.
- RNB — Revue de la numismatique Belge.
- The Shāhs of Persia — R. S. Poole. The coins of the Shāhs of Persia (Catalogue of the British Museum). London, 1887.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. В. Струве. П. К. Коковцов как ассириолог	3
В. А. Крачковская. В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист	10
М. Е. Массон. Средневековые намогильные кирпичи из Марыйского оазиса . . .	24
И. В. Мегрелидзе. Арабская азбука с древнегрузинской транскрипцией	36
Е. А. Давидович. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.	43
Л. М. Меликсет-Беков. Гаресджийская тетралингва эпохи монголов 1352 г. . .	56
М. А. Добрынин. Стихотворные легенды на монетах Сефевидов	63
В. С. Воробьев-Десятовский. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор. II	77
Э. Р. Рыгдылов. К древнетюркским рунам Прибайкалья	86
Хроника и библиография (составлены В. А. Крачковской, А. Г. Лу- диным и Э. Р. Рыгдылоном)	91
Список иллюстраций	96
Список сокращений	97

ОПЕЧАТКИ *

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
6	19 сверху	В. М. Никольский	М. В. Никольский
47	7 снизу	913/1508—1507 г.	913/1508—1509 г.
70	16 сверху	صفنى	صفى
72	1 и 13 снизу	صاحبان	صاحبقران
75	22 сверху	نستز	نستور

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор Издательства Г. М. Ибраимова
Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры Л. А. Ретнер и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР 77—59 В. Подпи-
сано к печати 19/VI 1953 г. Бумага
84 × 108^{1/16}. Бум. л. 3^{1/2}. Печ.
л. 10.25. Уч.-изд. л. 6.53 ÷ 6 вкл.
(0.49 уч.-изд. л.). Тираж 1500.
Зак. 715. Номинал по прејскуранту
1952 г. 4 р. 20 к. М. 32654

1-я Типография Издательства Акаде-
мии Наук СССР. Ленинград, В. О.,
9 лин., дом 12.